Виллари П.

Никколо Макиавелли и его эпоха

Т. 2-3

Перевод с итальянского
М. Потапова

2026

18+

Паскуале Виллари

Никколо Макиавелли и его эпоха

«Автор»
2026

Виллари П.

Никколо Макиавелли и его эпоха / П. Виллари — «Автор», 2026

Вашему вниманию предлагается II и III тома книги итальянского историка П. Виллари «Никколо Макиавелли и его эпоха». В представленных главах двух томов, которые объединены под одной обложкой (первый том был опубликован в 1914 г.) воссоздается панорама политических и культурных событий эпохи Возрождения и дается глубокий анализ политической деятельности Никколо Макиавелли. Автор книги исследует сложную механику власти во Флорентийской республике, взаимоотношения государства и церкви, а также влияние военных конфликтов на формирование нового типа государственного управления. Особое внимание историк уделяет эпистолярному наследию «флорентийского секретаря» — его частной и деловой переписке, которая служит бесценным источником для понимания внутреннего мира мыслителя. В книге также дается подробный разбор знаменитых политических трактатов Макиавелли и его литературных произведений.

© Виллари П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 119

Паскуале Виллари
Никколо Макиавелли и его эпоха

ОГЛАВЛЕНИЕ

Книга первая

Глава IX
Эпоха Юлия II. – Изящные искусства. – Мазаччо и его живопись. – Леонардо да Винчи. – Микеланджело Буонаротти. – Рафаэль. – Моральный облик итальянских художников. – Новая литература. – Лудовико Ариосто. – Ранние творения Франческо Гвиччардини
4

Глава X
Макиавелли занимается ополчением. – Поездка Макиавелли в Сиену. – Письма друзей и комиссаров омолчения Макиавелли. – Политическая обстановка в Европе. – Подготовка Максимилиана I к завоеванию Италии с целью получения короны Священной Римской империи. – Дипломатическая миссия ко двору Императора. – Сочинения Макиавелли о Германии и Франции.

44
Глава
XI
Пизанская компания. – Переговоры с Францией и Испанией. – Пиза зажата с обеих сторон. – Макиавелли отправляется в Пьомбино, чтобы вести переговоры о капитуляции. – Макиавелли в лагере. – Сдача Пизы и ее оккупация Флоренцией.
75

Глава XII
Камбрейская лига и битва при Аньяделло. – Унижение Венеции. – Дипломатическая миссия в Мантую. – Поэма “Decennale Secondo” («Второе Десятилетие»). – Никколо Макиавелли впадает в немилость. – Папа – союзник Венеции и враг Франции. – Война начинается. – Третья дипломатическая миссия во Францию

86

Глава XIII
Козни противников Содерини. – Кардинал Медичи. – Новый закон о выборах. – Папа идет войной на Францию. – Заговор Принцивалле делла Стуфа. – Отчет Содерини. – Взятие Мирандолы. – Пизанский Собор. – Четвертая дипломатическая миссия во Францию.
105

Глава XIV
Битва при Равенне. – Французы отступают. – Республика в опасности. – Макиавелли обеспечивает защиту города. – Декрет о создании конницы. – Испанцы захватывают и грабят Прато. – Флорентийцы требуют возвращения Медичи. – Содерини свергнут и покидает город
118

Глава XV

Медичи во Флоренции. – Правительственная реформа. – Гонения и ссылки. – Письма Макиавелли к Медичи. – Смерть Юлия II. – Выборы папы. – Заговор Пьетро Паоло Босколи и Агостино Каппони. – Макиавелли обвиняют в организации заговора. – Тюрьма и освобождение. – Сонеты Макиавелли.

134

Глава XVI

Медичи управляют Флоренцией. – Макиавелли в опале. – Переписка Никколо Макиавелли и Франческо Веттори.

152

Книга вторая

От возвращения Макиавелли к частной жизни и литературному творчеству до его смерти (1513-1527)

Глава I

Писатели-политики в Средние века. – Гвельфы и гибеллины. – Фома Аквинский и Эджидио Колонна. – Данте Алигьери и Марсилий Падуанский. – XV век. – Савонарола и его книга об управлении Флоренцией. – Ученые мужи того времени и их политические писания. – Итальянские послы и их дипломатические миссии. – Франческо Гвиччардини. – Его легации в Испанию, политические речи, его трактат «О политическом управлении во Флоренции»

172

Глава II

«Государь» и «Рассуждения». – Религиозная реформа и новое государство. – «Язычество» Макиавелли. – Вера Макиавелли в республику. – Макиавелли и Аристотель. – Теория государства у Макиавелли. – Его метод исследования. – Политическая наука в Греции и в эпоху Возрождения. – «Рассуждения».

198

Глава III

Критические замечания в адрес «Рассуждений». – «Размышления над “Рассуждениями о первой декаде Тита Ливия”» Франческо Гвиччардини

236

Глава IV

«Государь»

263

Глава V

Рукописи «Государя». – Агостино Нифо. – Посмертные интерпретации. – Иезуиты. – Рибанейра. – Карл V и другие монархи. – Жентилле. – Кристина Шведская. – Суверены-реформаторы XVIII века (Фридрих Прусский, Наполеон I, князь Меттерних). – Защитники Макиавелли. – Критики нового времени (Манчини, Реберг, Ранке, Лео, Маколей, Гервинус, Замбелли, Моль, Фейерлейн, Де Санктис, Баумгартен). – Последние исследования жизни и творчества Никколо Макиавелли.

296

Глава VI
Лев X и политика папского двора
334

Глава VII
Макиавелли в кругу семьи. – Дети Макиавелли. – Переписка с Джованни Верначчи. – Поездка в Геную. – Сады Оричиллари. – «Рассуждения» Франческо Гвиччардини. – «Доклад о том, как преобразовать Флорентийскую республику». – Командировка в Лукку. – «Отчет о положении дел в Лукке». – «Жизнь Каструччо Кастракани».

359

Глава VIII
«Искусство войны»
387

Глава IX
Поручение Макиавелли написать «Историю Флоренции». – Содерини пытается отговорить его не браться за эту работу. – Поездка в Карпи и переписка с Гвиччардини. – Папа Адриан VI. – Новые предложения по реформе Флоренции. – Заговор против Медичи и наказание заговорщиков.

414

Глава X
Общие замечания об итальянском театре. – Святые представления (Sacre Rappresentazioni), Комедия масок (Commedia dell'arte) и ученая комедия (Commedia erudita). – Комедии Ариосто. –«Каландра» кардинала Биббиены. – Комедии Никколо Макиавелли: «Мандрагора», «Клиция», комедии в прозе, комедии в стихах, перевод комедии Теренция «Андрия»

427

Глава XI
«Золотой осел». – «Capitoli» и другие стихотворения. – «Речь, или Диалог о нашем языке». – «О чуме, бушующей во Флоренции, в 1527 году». – «Диалог о гневе и путях его преодоления». – «Новелла о Бельфагоре-архидьяволе». – Другие сочинения «малой прозы»
451

Глава XII
Флорентийские историки XIV – XV веков. – «История Флоренции» Никколо Макиавелли. – Общее введение и первая книга
469

Глава XIII
«История Флоренции». II, III и IV книги
484

Глава XIV
«История Флоренции» Книги V и VI, в которых повествуется о торжественном возвращении во Флоренцию Медичи и о начале Итальянских войн. – Книги VII и VIII, рассказывающие о Лоренцо Медичи и заговорах в эпоху его правления. – Frammenti storici. – Черновые наброски «Истории Флоренции».
510

Глава XV
Смерть Адриана VI. – Выборы Клемента VII – Битва при Павии. – Заговор Мороне
527

Глава XVI
Наступление имперской армии в Ломбардии – Гвиччардини – губернатор Романьи и лейтенант военного лагеря. – Макиавелли возвращается в политику. – Поездка Макиавелли в Рим. – Макиавелли посещает Гвиччардини в Фаэнце. – Поездка в Венецию. – Переписка с Гвиччардини. – Макиавелли назначен инспектором крепостных сцен. – Макиавелли руководит работами по укреплению города.

541

Глава XVII
Штурм Рима армией Колонны. – Договор папы с императором. – Гвиччардини и Макиавелли в лагере. – Сдача Кремоны. – Гвиччардини получает приказ перевести армию через реку По. – Имперская армия идет на Болонью. – Неудавшаяся попытка папы заключить договор с имперцами. – Макиавелли возвращается во Флоренцию. – Восстание во Флоренции. – Разграбление Рима. – Изгнание Медичи и восстановление Флорентийской республики.

555

Глава XVIII
Поездка Макиавелли в Рим. – Его возвращение во Флоренцию. – Новые несчастья. – Болезнь и смерть. – Завещание. – Сон Макиавелли.
568

Заключение

575

КНИГА ПЕРВАЯ
Глава
IX

Эпоха Юлия II. – Изящные искусства. – Мазаччо и его живопись. – Леонардо да Винчи. – Микеланджело Буонаротти. – Рафаэль. – Моральный облик итальянских художников. – Новая литература. – Лудовико Ариосто. – Ранние творения Франческо Гвиччардини

Папа Юлий II, возглавлявший Святой Престол десять лет (1503-1513), вошел в историю как выдающийся политик, но еще больший след он оставил в истории итальянской куль-

туры. .Неукротимая сила воли, почти юношеский задор, всегда взвешенные решения помогли понтифику вернуть Церкви провинции, которые, как он считал, были незаконно захвачены. Вернув территории и расширив тем самым владения сильной и могущественной Римской империи, шестидесятилетний папа заставил заговорить о себе весь мир.

Крепко сжимая в руках все нити мировой политики, Юлий II сделал Италию – когда к славе, а когда и к ее позору – полем грандиозной битвы, ввергшей ее в пучину непоправимых бедствий. Масштаб этих бедствий был поистине огромен и оставил неизгладимые впечатления в душах людей, видевших все своими собственными глазами и понимающих, к чему такая политика может привести. И в то же время эпоха правления Юлия II ознаменовалась величайшим подъемом культуры, небывалым всплеском художественной и историко-политической литературы, поражающей своей самобытностью и новизной, в связи с чем за итальянцами закрепилась слава европейских учителей.

В самом деле, когда на Аппенинах разгорелась кровавая драма, начавшаяся на полях сражений Аньяделло[1], Равенны[2], Павии[3], и закончившаяся разграблением Рима и осадой Флоренции, появились труды Маккиавелли и Гвиччардини, в которых эти события упоминаются. И, естественно, можно предположить, что между творениями этих «летописцев» своего времени и великими, хотя и трагическими, событиями итальянской истории, мотивировавшими их появление, лежит глубокая связь. Но в то же самое время из-под пера Людовико Ариосто и других литературных гениев той эпохи выходят многочисленные поэмы, комедии, новеллы, сонеты, сатирические произведения, разного рода эпиграммы. Как можно расценить подобный контраст?

Действительно, только сейчас итальянское Возрождение представляется нам во всем бесконечном многообразии своих оттенков. Оно сверкает яркими красками не только в тысячах новых форм прозы и национальной поэзии. Итальянское Возрождение представлено и удивительными, неповторимыми произведениями всех видов пластического искусства, которые, оставив заметный след в культуре, создали славу измученному ожесточенной борьбой веку.

Казалось, наступила новая, «интеллектуальная», весна, и на земле, обагренной кровью, неожиданно распустились цветы – великое множество невиданных доселе цветов с благоухающими листьями, пьянящий запах которых дошел и до нашего времени. Гармония их форм и оттенков вызывает восхищение и восторг у каждого, кто созерцает эти цветы. Шла жестокая и кровопролитная война, а, словно с небес, раздавались чарующие звуки волшебной музыки… Казалось, что это сами боги удостоили своим посещением мир смертных.

Чтобы понять величие этой эпохи, достаточно упомянуть имена трех мастеров, ставших гордостью нации, – Леонардо да Винчи, Рафаэля, Микеланджело. Именно их достойные восхищения шедевры – прежде всего, живописные – воздвигли Италию на такую высоту, которой не смогла достичь ни одна страна в мире. Искусство этих непревзойденных гениев – сродни греческой скульптуре. Оно бессмертно и не имеет аналогов.

«Колыбелью» и «главной школой» этих мастеров по праву считается Флоренция, но поскольку их самые известные произведения родились в Риме, где находился Святой Престол, то принято творчество этих гениев рассматривать в контексте эпохи, именуемой «эпохой Льва X». Однако, хотя папа Лев X происходил из рода Медичи, великих покровителей культуры и

---

[1] Битва при Аньяделло, состоявшаяся 14 марта 1509 года, – одно из самых важных сражений Войны Камбрейской Лиги (1508 – 1516), проигранное венецианским войском, не сумевшим отразить натиск сил французской армии Людовика XII. *(прим. переводчика)*

[2] Битва при Равенне — главная битва Войны Камбрейской лиги, которая состоялась 11 апреля 1512 между армиями Франции и армиями стран Священной лиги (Испании и Папской области) и была выиграна французами. *(прим. переводчика)*

[3] Битва при Павии – ключевое сражение в ходе Итальянских войн (1494 – 1559) между испанцами и французами, состоявшееся 24 февраля 1525 года. *(прим. переводчика)*

искусства, и сам был большим меценатом, нельзя сказать, что он достоин той славы, которую себе приписывал.

Рафаэль Санти (1483 - 1520)
Портрет папы Льва X с кардиналами Джулио Медичи и Луиджи России
1518-1519

Своим восхождением Рафаэль и Микеланджело обязаны Юлию II. Именно от него эти мастера начали получать заказы, которые принесли им всемирную славу. К концу папства Юлия II Рим, благодаря полотнам и скульптурам Рафаэля и Микеланджело, превратился в «храм искусства». Он стал местом паломничества сотен людей, стекающихся со всех уголков земли в «Вечный город», чтобы лицезреть творения великих мастеров.

Но Юлий II выступал не только в роли заказчика живописных и скульптурных работ Рафаэля и Микеланджело, которые, к слову сказать, были хорошо оплачены. Понтифик восхвалял эти произведения, с пылом и страстью доказывая, насколько мог, их непревзойденную ценность. Поэтому некоторые историки отказываются называть это время «эпохой Льва X», считая, что только Юлий II достоин этого титула.[4]

Следует отметить, что искусство не оказывало видимого воздействия ни на разум, ни на душу Никколо Макиавелли. В Риме он никогда подолгу не останавливался возле античных или современных, для его эпохи, памятников искусства, чтобы детально их рассмотреть. Искусство Флоренции также не привлекало его внимания. Ни в одном из своих сочинений Маккиавелли не упоминает о тех или иных событиях, связанных с творчеством великих мастеров первой декады XVI века. Своим восхождением многие из них обязаны гонфалоньеру Содерини, с которым у Маккиавелли были доверительные отношения.

Правление Содерини ознаменовалось расцветом искусства, в годы правления Пьеро де Медичи и в результате проповеднической деятельности Савонаролы пришедшего в упадок. Содерини вдохнул в него новую жизнь. Новые художественные творения деятелей искусства, доведенные до совершенства во Флоренции, в той или иной форме, покорили не только самого Содерини и членов его правительства. Они не оставили равнодушными всех граждан Флорентийской республики.

Можно сказать, что шедевры флорентийских мастеров внесли огромный вклад во всю итальянскую культуру и определили ее дальнейшее развитие. Но в еще большей степени они способствовали формированию интеллектуального склада нации, что сказалось на развитии итальянской литературы, которая косвенным образом должна была оказать влияние и на особенности мышления Николо Макиавелли.

Труды Макиавелли, который дышал тем же воздухом, что и другие его великие современники, пропитаны духом эпохи. Но если в изобразительном искусстве метаморфозы времени отражались в более конкретных и пластических, а значит – видимых и осязаемых, формах, то изучение работ Макиавелли нам открывает путь к пониманию и постижению характера и

[4] Джино Каппони в своей книге “Pensieri” («Думы») писал, что, как и Америка, открытая Христофором Колумбом, не должна была носить имя Америго Веспуччи, так и XVI век не следует называть «эпохой Льва X», поскольку именно Юлий II играл в нем ключевую роль. «И последние станут первыми. Два флорентийца отняли славу у двух генуэзцев» (Capponi G. “Sceritti Editi ed Inediti”, Firenze, Barbera, 1877, том II, стр. 452). В одной из лучших работ, посвященных итальянскому искусству XVI века и двум великим художникам в частности, – книге немецкого историка А. Спрингера «Рафаэль и Микеланджело», сказано: «Главу Святого Престола Юлия II можно также назвать летописцем своего времени. Но так как он жил в эпоху Ренессанса, то был еще и великим искусствоведом. Его незаслуженно лишили славы, отдав ее Льву X, преемнику Юлия II. Но именно век Юлия II является героической эпохой итальянского искусства» (Springer A. Raffael und Michelangelo, pag. 101. Leipzig, Seemann, 1877-1878). А английский автор М. Крейтон в своей книге «История папства» пишет: «Его (Юлия II) не следует вспоминать как полководца и государственного деятеля. Он был и остается покровителем Браманте, Рафаэля и Микеланджело» (Creighton M, History of the Papacy, vol. IV, pag. 77).

ценностного смысла литературного наследия XVI века, в котором произведения итальянского философа и писателя занимают видное место. Но прежде чем рассмотреть творчество Никколо Макиавели в контексте событий того времени, необходимо остановиться на художественном наследии этой эпохи, которое в искусствоведческой литературе представлено термином «изящные искусства».

В Средние века искусство было единым и неделимым. Живопись и скульптура рассматривались не как отдельные виды искусства, а как элементы декора архитектурного сооружения, каковым, в первую очередь, являлся кафедральный собор. При этом архитекторы и художники, работавшие над строительством и внутренним убранством храма, не стремились запечатлеть себя в веках, поэтому их имена, как правило, неизвестны. Четкая и вполне определенная индивидуализация художественного творчества началась с Никколо Пизано, Джотто и Арнольфо ди Камбио, гениальность которых стала отправной точкой искусства новой эпохи. На горизонте уже возвышалась гигантская фигура Данте, к этому времени написавшего «Божественную комедию», послужившую началом новой литературы. Но началом «великого переворота» все же считается XV век, когда, в силу ряда причин, началось возрождение античного наследия. Эту революцию, которая давно уже назрела, и подготовило изучение найденных под слоем земли и пыли античных образцов литературы и искусства, хранящих в себе великую истину. Правда, возведенный во Флоренции по проекту Арнольфо ди Камбио собор Санта-Мария-дель-Фьоре, как и его колокольня, строительство которой было задумано Джотто, не имеют признаков греко-римского стиля, столь популярного в эпоху Ренессанса. Однако, их нельзя отнести и к архитектурным образцам готического стиля, украшающим Францию и берега Рейна, - тем, которые и по сей день раздражают многих из нас неправильностью форм.

Надо сказать, что в Италии архитекторы искали способы создания более прочного и симметричного каркаса, который бы подавил и существенно трансформировал средневековую архитектуру. Многочисленные мраморные орнаменты, скульптурные рельефы и барельефы, характерные для той эпохи, эти «злостные враги» готики, как назвал подобные инкрустации один из современных искусствоведов[5], были заменены. Основной чертой готических храмов стало преобладание горизонтальных линий, ряды стройных колонн собраны в «пучки», как и в средневековых храмах, но причудливые арки этих колон уже достаточно упрощены. И кажется, что храм и душа человека в едином порыве устремляются к небу. Но вдруг наш взгляд останавливается… Мы вновь стоим на земле, созерцая чудо…

Из этого слияния классических и готических элементов, среди которых можно также обнаружить элементы восточного декора, в эпоху Ренессанса родилось новое искусство, новый, достойный восхищения, стиль с совершенно иным художественным мышлением, который по праву следует назвать итальянским. Взгляните на Флорентийский собор, увенчанный знаменитым куполом Брунеллески, и вы будете поражены не столько удивительным соединением в нем разностилевых элементов, сколько их гармоничным сочетанием. Можно сказать, что классическая форма купола этого собора восходит к поражающему нас своей красотой средневековому храму, в лоне которого до поры до времени было спрятано новое искусство, вытянутое на свет Божий в эпоху Ренессанса.

Это было искусство «нового духа», которое, одержав победу в XV веке, в корне отличалось от итальянских «школ» предыдущих эпох, хотя это только кажущееся противоречие. В действительности же, искусство любой эпохи, будь то архитектура, живопись или скульптура, рождается из старого искусства, являясь его продолжением. При этом основополагающим принципом создания нового искусства является изучение его более древних пластов, скрыва-

[5] Речь идет о Якобе Буркхардте, швейцарском историке культуры, который в своем сочинении «История Ренессанса в Италии» (1868), посвященном главным образом архитектуре, а также в книге «Цицерон» (1874), этом своеобразном «путеводителе» по художественной культуре Италии, сделал много оригинальных и весомых суждений, касающихся искусства.

ющих великую истину. Подобный факт имел место в литературе. Так, прежде чем написать свою «Божественную комедию», Данте изучал всю средневековую культуру. Однако итальянское искусство, в отличие от итальянско й литературы, в которой долгое время наблюдалось доминирование латинского языка над итальянским языком, что приостановило естественное развитие последнего, никогда не находилось в состоянии покоя. Все искусство в Италии всегда двигалось вверх, по восходящей лестнице. В первую очередь, живопись, которая всегда была любимейшим видом искусства итальянцев – с того самого дня, как они открыли «буйство» красок и удивительные свойства олифы, подаренные фламандцами. Но именно в Италии изобразительное искусство достигло необычайной силы, самобытности, оригинальности, поражающей нас по сей день.

В итальянском искусстве живопись заняла лидирующее положение. Это связано не только с большим количеством разнообразных полотен, созданных итальянскими мастерами, не только с тем, что именно в живописи итальянский гений проявился наиболее полно и совершенно. Подобное явление можно объяснить широким контактом живописи с другими видами искусства, в результате чего последняя оказала серьезное влияние как на своих «сестер» – скульптуру и архитектуру, так и на литературу.

Возрождение архитектуры в Италии началось с творений Филиппо Брунеллески, который, прежде чем создавать архитектурные шедевры, изучал в Риме их классические образцы, и с научных трактатов итальянского архитектора и гуманиста Леона Баттисты Альберти, одного из выдающихся эрудитов своего времени. Однако, возведенные по проектам этих мастеров церкви и палаццо, как и все строения итальянского Ренессанса, хотя и заимствуют античные мотивы, не являются фактической копией архитектурных памятников античности. Контуры и формы созданных ими шедевров с первого взгляда кажутся идентичными греко-римским архитектурным произведениям, однако, они наполнены другим смыслом и пробуждают в человеке совершенно иные чувства. Видное место в них занимает разнообразный, необычный, оригинальный декор, поскольку, как считали мастера эпохи Возрождения, любое художественное творение должно, в первую очередь, радовать глаз.

Наряду с архитектурой, широко развивалась и флорентийская скульптура. Донателло, Лука делла Роббиа, Лореннцо Гиберти также учились у античных мастеров, постигая истинное искусство. Уже в их первых работах, наполненных дыханием юности, мы можем почувствовать бьющую через край энергию, отраженную в чистоте движений и форм. Если в строгой простоте линий, словно разрезающих элементы готического декора, Брунеллески стремится передать несгибаемую силу духа, то Донателло, который многому учился у Брунеллески, наделяет свои статуи необыкновенной силой и искренностью чувств. У обоих мастеров были одни и те же источники вдохновения. Но то, что только намечает Донателло, воплощается в жизнь другим мастером – Лукой делла Роббиа, в изящных и играющих разнообразными красками скульптурах которого доминирует эстетическое начало. Барельефы дверей Лоренцо Гиберти напоминают произведения живописи, построенные на игре светотени. У Донателло барельефы иногда кажутся эскизами картин, но это до тех пор, пока мы не увидим всю работу, сделанную руками мастера. Скульптурные портреты Мино да Фьезоле напоминают картины фламандских мастеров, которые, благодаря экономическим и культурным связям между двумя народами, попали в Италию и способствовали становлению итальянского искусства. Редко кто из фламандских живописцев не испытывал на себе влияния братьев ван Эйк, бессмертные творения которых также дали толчок развитию живописи в Италии. Смешение различных стилей и элементов, соединенное с удивительной манерой письма и национальным духом итальянского народа, являющемся отражением его гениальности, лишил итальянское искусство того строго органического единства, которые мы наблюдаем в греческом искусстве и в готике. Но именно эта особенность привела итальянское искусство к бесконечному многообразию его видов, форм, направлений.

По этой же самой причине проник национальный дух и в итальянскую литературу, объединившую в себе все лучшее, что было не только в самой итальянской словесности, но и в философии, искусстве, культуре. Подобный синтез определил дальнейшие пути литературного развития Италии, творческий гений которой, благодаря внутренней силе, смог ассимилировать, соединить и облечь в новую форму те культурные феномены, которые были рождены Востоком и Западом, язычеством и христианством.

Однако, созданию единого организма, состоящего из множества разнородных элементов, но имеющего единую душу, предшествует подготовительный период, в процессе которого все составные части этого организма, первоначально разрозненные, постепенно приближаются друг к другу, а потом соединяются в единое целое. Взаимосвязь этих элементов носит не только внешний, но и внутренний характер. Она определяется гибкостью, художественным вкусом, изобразительными возможностями и выразительностью.

Итак, с этого самого времени, т.е. с XV века, для итальянского искусства и итальянской литературы начался путь в бессмертие. Потрясающая экспрессивность, явное и открытое воплощение интеллектуального микрокосма привели их к славе. Гармоничное сочетание пластических и художественных элементов явилось следствием внутренней «гармонии духа», который, после стольких бедствий, озарил мир доселе неведанным светом. Этот Дух-утешитель также возвестил о том, что эпоха Средневековья закончилась и наступила новая эра.

Тем не менее, никогда не следует терять нить памяти. Это относится и к искусству, которое не должно забывать о своих истоках, рано или поздно приведших к неотвратимым последствиям. Действительно, как только творческая сила ослабевает, что напрямую зависит от упадка духа нации, в искусство тут же начинают проникать чужеродные элементы, определяющие дальнейший путь его развития. К подобного рода элементам относятся и элементы стиля барокко, которые придают искусству неестественность, искажают его, ввергая неизбежным образом в пропасть. К счастью, такой участи избежало как греческое, так готическое искусство, представляющие собой смесь многочисленных разнородных элементов, умерших естественной смертью от истощения сил, избежав беспорядочной анархии, какая царила в итальянском искусстве в век барокко.

Флорентийское искусство XV века ясно нам показывает, как в одном произведении гармонично могут сочетаться элементы различных стилей. Подобный феномен распространился на все виды искусства, но в большей степени он распространился на живопись, представленной во всем ее богатейшем и бесконечном многообразии. Из религиозного экстаза Треченто, из классической античности, преклонявшей колена перед красотой, из научного изучения тайн природы, которые вдруг сошлись и объединились в одну эпоху, появилось новое и утонченное представление об идеале, имеющем сверхчеловеческую природу. Этот идеал был новым типом красоты, он и лежал в основе нового, расцветающего, искусства, заряжающего всех своей творческой энергией.

Первым художником новой школы считается Мазаччо (1401-1428), оставивший нам бессмертные творения, хотя его жизнь по-прежнему является «тайной на семью печатями». Он рано ушел из этого мира, но успел открыть путь, по которому следует идти искусству.

На полотнах Мазаччо рядом с персонажами, похожими на современников художника, мы находим величавые фигуры в благородных одеяниях с широкими складками, напоминающими тогу или хламиды, в которые были облачены древние статуи. Важной частью художественных произведений Мазаччо являются пейзаж и архитектурные сооружения. Естественная среда обитания человека, органично входящая в картины итальянского художника, дает нам окончательно понять принципы нового искусства.

Художественное мастерство флорентийских живописцев чисто индивидуально. Каждый из них по-своему подходит к решению тех или иных задач. Одни художники больше обращают

внимания на перспективу, других живописцев интересует анатомия, которая помогает изобразить человека с фотографической точностью. Некоторые мастера устремляют свой взгляд в античность, где они ищут новые типы и новые характеры для своих работ. Следует отметить также художников, которые уделяют особое внимание архитектурным объектам и пейзажным зарисовкам, представляющим собой фон, на котором разворачивается действо картины. Но, несмотря на различный подход к творчеству, работы всех итальянских живописцев отличаются изяществом, изысканностью, благородством, что дает нам право говорить о художественном вкусе, которым обладает итальянская нация. Это был необычайный расцвет искусства, который, зародившись во Флоренции, раздвинул свои пределы и распространился по всей Италии, наполняя страну новым, животворящим духом. Прав Фердинанд Грегоровиус, восклицая, что если бы Италия эпохи Возрождения создала только живописное искусство, этого было бы достаточно для ее бессмертия.[6]

Безудержная страсть, энергия, ставшие частью национальной идеи художественного творчества, каждый день давали о себе знать. Полная свобода творчества, необыкновенная сила самовыражения, удивительная фантазия художников XV века возвысили итальянскую живопись, постепенно приближая тот торжественный час, когда изобразительное искусство Италии, действительно, станет великим. На пороге стоял XVI век. И, как всегда бывает в переломные моменты истории, началом этой эпохи стало творчество «титанов», бессмертные произведениях которых пережили свое время, создав Италии непререкаемую славу.

Итак, мы вплотную приблизились к тому самому времени, когда искусство заиграло всеми гранями таланта итальянских живописцев. Первым истинным гением своей эпохи является Бартоломео делла Порта (1475-1517), имя которого нельзя не упомянуть, обращаясь к искусству Чинквеченто. Фра Бартоломео не обладал такой силой интеллекта и таким воображением, как другие итальянские художники. Его работы нельзя назвать оригинальными. Однако, цветовая гамма, удивительная и многогранная гармония его композиций, нежность и искренность чувств, которые мастер старался передать, были такими, что всякий, кто созерцает эти полотна, чувствует каким-то неподдающимся объяснению духом неизбежный приход Рафаэля.

Потрясающая энергия исходит от фресок собора Орвието, созданных Лукой Синьорелли (1445(50?) – 1523). Дерзость, с которой художник группирует фигуры, свободно парящие в пространстве, достойна руки Микеланджело, расписывающего Сикстинскую капеллу. Можно сказать, что искусство, прежде чем выйти на большую сцену, началось с именно с этой работы великого мастера, хотя следует отметить, что имена первопроходцев, подобных Луки Синьорелли, не всегда остаются в истории.

Многие художники, проложившие путь гениям, которые создали славу искусству, покорив его вершины, доселе остаются неизвестными широкой публике. Творчество этих великих реформаторов напоминает храм, который уже построен, но в котором пока еще нет Бога, освящающего его своим присутствием, хотя Создатель – уже у порога, вот-вот войдет в него, озарив святую обитель нездешним светом.

Эта великая – самая последняя – революция в итальянском искусстве завершилась в конце XV – начале XVI веков появлением трех «титатов», перевернувших мир. Свой жизненный и творческий путь они начинали во Флоренции, под патронатом гонфалоньера Содерини, собиравшемся трансформировать флорентийское искусство, создав ему славу как в Италии, так и за ее пределами. Однако очень скоро, по личному приглашению Папы, они переехали в Рим, ставший «художественной мастерской» всей Италии.

Первым гением национального искусства, работы которого отличаются органическим единством, оригинальным почерком и творческой независимостью, является Леонардо да Винчи (1152-1519). Он учился у Андреа Верроккьо – мастера с с разносторонними интере-

[6] Gregorovius F. Geschichte der Stadt Rom, том VIII, стр. 145. Stuttgart. 1872.

сами. Художник, скульптор, талантливый ювелир, он также очень любил музыку, был хорошим наездником, с юности занимался наукой, преимущественно геометрией, в живописи его интересовали законы перспективы. Когда смотришь на живописные работы Верроккьо, прежде всего, обращаешь внимание на необыкновенное изящество и выразительность лиц персонажей. Но именно в этом ученик превзошел своего учителя, заставив последнего признать свое поражение. Одно из преданий гласит, что, когда Верроккьо увидел ангела, написанного Леонардо в углу своей картины «Крещение Христа», он был так подавлен, что забросил кисть и больше никогда не возвращался к живописи.

Действительно, иногда кажется, что Леонардо да Винчи был одним из тех великих творцов, который был послан в мир, чтобы довести до конца великие свершения, задуманные Природой. Она одарила его не только крепостью тела, но и крепостью духа. Физическая сила, полученная в процессе постоянных атлетических упражнений, сочеталась в нем с духовной красотой и умственным совершенством. Познания Леонардо да Винчи выходили за пределы человеческого естества, затрагивая все сферы научной деятельности. Однако этот инженер, естествоиспытатель, изобретатель технических устройств, математик, подлинный инициатор экспериментального метода в науке, исследователь и первооткрыватель многих явлений природы[7], искусствовед и замечательный художник в одном лице, до конца был предан одному искусству, которое и принесло ему всемирную славу.

Неугомонный характер и постоянные поиски нового в искусстве и науке ставили перед да Винчи ряд задач, которые этот великий гений решал с каким-то лихорадочным рвением, даже если они были труднопреодолимыми. Он никогда не останавливался на полпути, всегда старался довести задуманное до конца, с какими бы препятствиями ни сталкивался.[8] Леонардо да Винчи оставил нам огромное количество незавершенных исследований, научных трактатов, набросков, рукописей, заметок, в которых содержатся интересные идеи и большие открытия, хотя, к сожалению, не все из них дошли до нас. Постигая анатомию, Леонардо да Винчи познавал тайну движений человеческого тела, по размаху крыльев он исследовал полет птиц. Он детально изучал мимику лица: постоянно открывая эмоциональные возможности человеческой личности. Он описывал внешние проявления эмоций и чувств, делая зарисовки трагических, комических, суровых, спокойных и других выражений, запечатленных на лице человека.

И все же наибольший вклад Леонардо да Винчи внес в историю искусства. Достаточно только взглянуть на несколько завершенных полотен этого мастера, чтобы понять его гениальность. Даже черновые наброски, наспех сделанные рисунки карандашом создадут ему вечную славу. Отметим, что флорентийская школа живописи придавала большое значение рисунку, который считался одним из мощных и независимых средств выражения самых возвышенных и сокровенных мыслей, самых тайных уголков души человека. Вот и Леонардо в искусстве рисования, как и в искусстве живописания образов масляными красками, достиг такого мастерства, что, когда смотришь на его картины, поражаешься не только портретному сходству, но и видишь движения души персонажа, ощущаешь его дыхание.

Всю свою творческую жизнь Леонардо да Винчи посвятил поискам идеала неземной красоты. Частью этого идеала является загадочная улыбка, играющая на лицах многих его персонажей. Подобная улыбка является частью образа Моны Лизы, Джоконды, – жены флорен-

---

[7] Ценность научных трудов Леонардо да Винчи не подвергается сомнению. Его рукописи, где содержатся научные открытия, изучены и опубликованы французским философом, археологом и историком искусства Ж.Г.Ф. Равессоном, а также Национальной итальянской Академией деи Линчеи (Accademia dei Lincei)

[8] На это обращает внимание швейцарский ученый Якоб Буркхардт в своей работе «Цицерон»: «Нельзя сказать, что он раскалывался на мелкие кусочки. Разносторонняя деятельность была заложена в нем Природой» (Burckhardt J. Der Cicerone. Leipzig, 1874, стр. 946).

тийского торговца шелком Франческо дель Джокондо.[9] Говорят, что когда Леонардо писал этот портрет, звучала веселая музыка, которая создавала хорошее настроение у натурщицы, в результате чего художнику удалось передать то ощущение счастья, которое он всегда стремился выразить на лицах своих персонажей. Мона Лиза на портрете Леонардо полна жизни. Глядя на Джоконду, мы ощущаем движение ее глаз и губ и нам кажется, что и она вот-вот заговорит.

По рисункам Леонардо да Винчи, которыми наполнены его записные книжки, можно проследить весь путь развития творческого мышления мастера. Рядом со смеющимися от радости и почерневшими от горя лицами художник помещает улыбающиеся лица, во взгляде которых таится презрительная насмешка, а также откровенно уродливые лица. Мастеру одинаково удавались и образы, воплощающие в себе идеал художника, и образы, построенные на гротеске. Но даже в фантастических и причудливых образах, созданных Леонардо, законы природы всегда строго соблюдаются.

Леонардо да Винчи, если был одержим какой-либо идеей, всегда следовал своему замыслу. Все его дальнейшие действия логично вытекали из появившейся первоначально концепции. Наверное поэтому все его работы удивительно артистичны и реалистичны.

В одном из писем к Людовико Моро Леонардо говорит, что возможности человеческого разума безграничны, что человек может познать бесконечно много. Свои слова да Винчи доказывает на практике. В тетрадях и рукописях Леонардо рядом с эскизами, являющимися основой будущих картин, можно найти чертеж гидравлической машины, большое количество математических расчетов, анатомические рисунки, философские изречения, заимствованные большей частью у античных мыслителей, а также планы по созданию оборонительных сооружений и оросительных систем. Проводил Леонардо да Винчи также исследования, касающиеся свободного падения дел, что позволяет считать великого художника предшественником Галилея. Леонардо да Винчи был буквально одержим наукой. Он постоянно создавал все новые и новые проекты, все более и более смелые и рискованные предприятия – такие как поднятие силой машинного механизма баптистерия св. Иоанна во Флоренции или изменение течения реки Арно.

Увлекался Леонардо да Винчи и химией, которая в то время только зарождалась. Он проводил различные эксперименты с красками, подбирая соотношение цветов, в результате чего картины великого художника со временем сильно потемнели, утратив первоначальные тона, как это видно, к примеру, на фреске «Тайная Вечеря», которая уже к концу жизни художника начала разрушаться, хотя и по сей день с этим шедевром не может сравниться ни одно произведение мирового изобразительного искусства. Даже взглянув на копии этой картины можно заключить, что достаточно было бы всего одной этой работы, чтобы обеспечить Леонардо да Винчи всемирную славу. С «Тайной Вечери» началась новая эпоха в истории изобразительного искусства.

В центре фрески сидит Христос со спокойным выражением лица. По обоим сторонам Спасителя располагаются апостолы, разделенные на группы (по две с каждой стороны). Подобная группировка не является чем-то необычным для искусства Высокого Возрождения. Ценность работы итальянского живописца заключается в другом. «Тайную Вечерю» можно назвать «психологической поэмой», потому что в ней художник стремится передать реакцию каждого из двенадцати апостолов на произнесенную Христом фразу «Один из вас предаст меня», запечатленную на их лицах. Несмотря на однообразие линий, художник через выражения лиц учеников Христа, построенных на контрасте, гениально раскрывает неисчерпаемые богатства каждой человеческой личности. Таким образом, традиционный сюжет, к которому уже много

[9] Как известно, этот шедевр в 1911 году был похищен из Лувра, где он находился с 1793 года, но спустя два года картина была найдена в Италии

веков обращалось искусство, в гениальной работе Леонардо да Винчи, обновленной силой духа художника, получил оригинальную трактовку.

«Тайная Вечеря» знаменует собой начало новой живописи, которой не нужно было ничего, кроме большей свободы в композиционном решении произведения, что выражалось, в первую очередь, через особое расположение фигур и внесение в картину движения. Необычна композиция и в его картине «Поклонение волхвов», находящейся во Флоренции, которая осталась неоконченной из-за отъезда художника в Милан в 1482 году. Хотя, возможно, Леонардо просто потерял к ней интерес, когда увидел, что достиг цели в живописной технике. Вернувшись из Милана в 1499 году, мастер взялся еще за одну работу, не дошедшую до нашего времени. В ней он стремился закрепить то, чего достиг многолетними экспериментами. Но в это время Флоренция уже готовилась к встрече еще двух величайших творцов, совершивших переворот в итальянском искусстве.

Рафаэль из Урбино (1483-1520), переехал во Флоренцию в то время, когда Микеланджело Буонарроти (1475-1564) уже закончил несколько своих замечательных работ в стиле «нового искусства», раскрывающих правду о человеке. Уже побывав подмастерьем в мастерской Гирландайо и получив навыки ваяния в скульптурной школе садов Медичи, расположенной рядом с площадью Сан Марко, Микеланджело, которому едва исполнилось 23 года, показал силу своего героя в скульптурной группе «Пьета», в настоящее время находящейся в соборе Св. Петра в Риме.

«Пьета» была создана Микеланджело в том возрасте, что и «Тайная Вечеря» Леонардо да Винчи. Именно с этих двух работ и начинается искусство Кватроченто, начало которому положила новая школа, созданная такими гениями, как Лука делла Роббиа, Донателло и Верроккьо. Не упомянуть об этой школе нельзя, поскольку она серьезно повлияла на стиль и художественный почерк Микеланджело.

«Пьета», или «Оплакивание Христа», и по сей день поражает нас своей слитностью, степенью законченности и оригинальным решением. Мать держит на руках безжизненное тело Своего Сына. Ее лицо, озаренное любовью и состраданием, полно глубокой печали. И в то же время лик Марии притягивает к себе нежностью и совершенством форм, чего мы не найдем в более поздних скульптурных работах и изящных рисунках мастера. Этот шедевр позволил современникам художника говорить о нем как о «первом среди равных». Чтение Данте, знакомство с проповедями Савонаролы, изучение античного наследия, а также необузданная фантазия и мощная энергия Микеланджело открыли перед ним новый путь, приведший к созданию «Давида».

В 1501 году будущего создателя «Давида», вернувшегося из Рима, где он изучал античное искусство, кураторы флорентийского кафедрального собора спросили, не может ли он высечь статую из большой глыбы мрамора, доставленной во Флоренцию из каррарской каменоломни и прозванной в народе «Гигантом». С этим мрамором уже пытались работать другие художники, но, не сумев ничего добиться, бросили затею, не рискуя испортить ценный материал.[10] В августе этого же года Микеланджело, не задумываясь, взялся за это смелое предприятие, порученное ему Республикой, и в январе 1504 года статуя, уже почти готовая, хотя требующая некоторых корректировок, должна была быть поставлена на пьедестал.

Оценить «Давида» пришли многие именитые художники того времени. Более пяти метров в длину и сложенный диспропорционально, «Давид» Микеланджело напоминал колонну, внутри которой находится механизм, способный привести статую в движение. Однако, прямо у статуи, начались споры относительно того, где должен находиться этот шедевр. После долгой дискуссии было предложено установить «Давида» на площади Синьории перед Палаццо Веккьо, – вместо статуи «Юдифь и Олоферн» работы Донателло. Последняя находилась на этом

[10] Речь идет об Агостино ди Дуччо и Антонио Росселлино

месте с 1495 года, когда флорентийцы, свергнув клан Медичи, перенесли сюда с внутреннего дворика Палаццо статую Донателло, ставшую символом свободы и победы над тиранией. И в 1504 году Давид с пращой в левой руке нашел свое пристанище возле Лоджии Ланци, где он находится по сей день[11], защищая Дворец и Республику.

Перенести «Давида» к Лоджии Ланци было непростой задачей. Способ транспортировки статуи придумали Джулиано и Антонио да Сан Галло. Действительно, вплоть до наших дней, столько ученых, искусствоведов, художников ломали головы, как защитить произведение искусства от воздействия окружающей среды, создавались многочисленные комиссии, где были представлены новые технические средства, позволяющие перевозить шедевры мирового искусства с одного места на другое, но тот способ транспортировки памятников, предложенный братьями Сан Галло, по-прежнему является действенным, даже по прошествии стольких лет.

Сделав деревянный каркас, поместили в него статую, где она, сохраняя равновесие, держалась на крепких веревках и была избавлена от резких толчков и движений, затем установили эту конструкцию на повозку, которую вручную тащили несколько десятков человек, и через четыре дня благополучно, без повреждений, доставили шедевр Микеланджело к месту назначения. Потом мастер, на глазах у гонфалоньера Содерини, который был пленен произведением Микеланджело (хотя часто вмешивался в творческий процесс, давая скульптору советы, выводя его из себя), сделал последние штрихи, показывая, что работа завершена.Давид, стоящий на пьедестале в полный рост, бросает взгляд на врага, с которым намерен сразиться. Он неподвижен и внешне спокоен, но судорожные движения ноздрей выдают его внутреннее волнение. Смотришь на Давида и словно слышишь его учащенное дыхание. Правая, свисающая, рука библейского героя сжимает камень; левая рука, согнутая в локте, держит пращу, перекинутую через плечо. Кажется, что Давид готов нанести второй, смертоносный, удар, поскольку первый не достиг своей цели.

Статую Давида Микеланджело высек из цельного, длинного и бесформенного, куска мрамора. Перед нашим взором предстает огромного роста обнаженный молодой человек, который поражает всех своей энергетикой и силой, чего искусство до Микеланджело еще не знало. Но взгляд его, полный отваги, наводит страх. Точно также смотрит на нас одетый в доспехи Святой Георгий, созданный руками Донателло. Однако последний рядом с полным величия и невозмутимого спокойствия «Гигантом» Микеланджело кажется мелким созданием, поскольку не имеет той силы духа и такой мощи, которые раскрыл в своем герое гениальный мастер. Можно сказать, что Микеланджело не только нарушил средневековую традицию, но и облек все искусство Кватроченто в новую и необычную форму. Создав своего Давида, художник, с одной стороны, возродил античность, а с другой стороны, он ее трансформировал, придав этому образу черты своего современника.

8 сентября 1504 года созданный Микеланджело шедевр был представлен на суд публике. Ее восторгов не было предела. Никакое произведение искусства еще не было вознесено почитателями искусства на такую высоту, как «Давид». Народ благодарил Микеланджело, который подарил ему колоссальных размеров Гиганта, показавшего путь к новой жизни. Отныне Давид станет защитником Палаццо и поборником свободы граждан Флорентийской республики.

Обращаясь к последующим работам Микеланджело, можно сказать, что, с момента создания величественной фигуры Давида, все свои образы мастер наполнял движением. Он изучал различные позы и динамику древнегреческих титанов, а потом, включив воображение, создавал буйные образы, пылающие страстью. Микеланджело открыл сверхъестественную

[11] В настоящее время оригинал статуи Давида находится в одном из залов Академии изящных искусств, куда он был перенесен в 1873 году, т.к. под воздействием атмосферных осадков и других капризов погоды статуя начала портиться. В 1910 году на площади Синьории была установлена копия работы Микеланджело.

природу человека, которая проявляется не только во внешнем облике, например, посредством выражения лица, или в физической мощи. Он, в первую очередь, показал, бьющую через край энергию и жизненную силу человека. Чтобы достигнуть совершенства в передаче правдивого облика, он долго и кропотливо изучал анатомию человеческого тела, а потом, оставив в стороне другие заказы, Микеланджело взялся за работу, которая должна была стать вторым знаковым после «Давида», событием как в жизни самого художника, так и в истории искусства.

Содерини предложил Микеланджело и Леонардо написать на противоположных стенах зала Большого Совета в Палаццо Веккио две фрески. У Леонардо были готовые эскизы битвы при Ангиари, произошедшей 29 июня 1440 года, в котором флорентийцы разбили армию герцога Милана под командованием Никколо Пиччини. Радость была такой, что каждый год в этот день флорентийцы проводили скачки на лошадях в память об этой победе. Микеланджело выбрал эпизод, связанный с событиями многолетней Пизанской войны.[12]

По этим двум фрескам, работа над которыми вылилась в состязание двух величайших мастеров, можно судить о противостоянии этих художников, о борьбе за лидерство между ними, хотя от этих произведений почти ничего не осталось. Фрагмент фрески Леонардо был запечатлен Рубенсом, правда, копию этой работы достоверной не назовешь. Картоны Микеланджело к его части росписи во время революции 1512 года отчасти были разрезаны на множество кусочков, а отчасти – потеряны; остались только старые гравюры, отражающие самые важные фрагменты этого шедевра.[13] Представление о фресках можно также сделать, познакомившись с воспоминаниями и мемуарами современников Леонардо и Микеланджело, в которых упоминаются эти работы.

Микеланджело Буонаролли для своей картины взял следующий эпизод: купающихся в реке Арно флорентийских воинов застигает врасплох сигнал тревоги. Художник, в первую очередь, стремится показать красоту человеческого тела, передающуюся через быстрые, стремительные движения, обусловленные спешкой. Воины стараются побыстрее одеться, облачиться в броню и шлем, чтобы бежать на помощь своим товарищам, которые уже начали сражаться.

Согласно Вазари, художники того времени, восхищаясь фреской Микеланджело, говорили, что таких творений ни его руки, ни чьей иной они больше никогда не видели, что такой божественности в искусстве никакому другому таланту не достичь. При этом, как отмечает Вазари, многие из них постигали тайны живописного мастерства, изучая и срисовывая этот картон Микеланджело, в результате чего достигли высот в искусстве. Бенвенуто Челини писал, что это была первая прекрасная работа, в которой Микеланджело представил все свои изумительные дарования и что никогда ни у древних, ни у современных мастеров еще не было произведения, которое достигло бы такого положения в искусстве». Выше этого произведения, как считал Челлини, – только Сикстинская капелла.

О другом картоне – том, который принадлежал руке Леонардо, Челлини говорит, что «восхитительный Леонардо да Винчи» решил изобразить конный бой со взятием знамен, и что этот бой был настолько «божественно написан, что невозможно даже вообразить».

Эти два картона – картон Леонардо да Винчи и картон Микеланджело, заключает Челлини, «пока были целы, стали мировой школой». На них учились такие непревзойденные мастера итальянской живописи, как Кодольфо Гирландайо, Андреа дел Сарто, Франческо Граначчи, Рафаэль из Урбино[14]. Во фресках этих двух непревзойденных мастеров уже нет

[12] Художник хотел запечатлеть победу флорентийцев над пизанцами в битве при Кашине в 1346 г.

[13] Некоторые из этих гравюр были изготовлены Маркантонио и Агостино Венециано. Один картон находится у графа Лестера в Холкгэм-Холле (Англия). Это гравюра Луиджи Шавонетти, запечатлевшая фрагмент битвы, которая позже была воспроизведена Харфордом в книге «Жизнь Микеланджело». Но, возможно, это не точная копия с оригинала.

[14] А. Спрингер, германский историк и искусствовед, не верит, что художественное влияние Леонардо да Винчи на Рафаэля стало ощущаться со времени появления картонов к фреске «Битва при Ангиари». Мадонны и портреты, которые Рафаэль написал в своем доме во Флоренции, по словам Спрингера, испытали на себе влияние других творений Леонардо. В то время

того торжественного спокойствия, которым мы восхищаемся, лицезрея «Оплакивание Христа», «Давида» и «Тайную Вечерю». В них художники представили человека во всем многообразии его кипучей энергии, проявляющейся в действии, движении и жизненной силе. В картине Леонардо перед нами предстает ожесточенная схватка не на жизнь, а на смерть, в которую вовлечены не только всадники, но и кони, яростно сцепившиеся друг с другом. Во фреске Микеланджело (представление о ней мы делаем на основе имеющихся поздних гравюр) нет такого бешеного действия и такого сплетения персонажей. Но тем не менее Микеланджело удалось показать не только физиологию человека и его характер, но и его волнения, буйство страстей в их бесконечном разнообразии. Фигуры на картонах обоих великих живописцев вот уже много лет изучаются художниками последующих поколений. И каждый из них, вглядываясь в эти великие творения, не может сдвинуться с места, оторваться от холста. Такова сила воздействия искусства на человека. А если это искусство создано великим гением, то эта сила сродни силе Прометея, к похитившего у солнца искру и оживившего статую.

Леонардо да Винчи не довел до конца начатое им дело, потому что, как ему казалось, он не сумел разрешить поставленные перед собой задачи и преодолеть трудности, с которыми столкнулся в самом начале работы. Поэтому он переключился на новые художественные проекты. Что же касается Микеланджело, то он, хотя и испытывал на себе влияние гения Леонардо (чем объясняется заимствованная художником у своего современника выразительность лиц, что видно на некоторых его рисунках), не поддерживал такого непостоянства. Напротив, он весь свой творческий путь, продолжившийся после работы над картоном, в процессе которой он проявил художественную свободу, не боялся лицом к лицу встретиться с препятствиями. Трудности, которые он преодолевал, закалили его. Он стал хозяином своей жизни и своего творчества, поскольку волен был сам выбирать темы и сюжеты, которые, прежде чем воплотить в жизнь, он скрупулезно изучал. Из его воображения выходили образы, которых до него искусство не знало. Но эти образы, родившиеся силой его мышления, были созданы по законам искусства. День ото дня Микеланджело преодолевал себя, готовясь к бою с новыми преградами, но побеждал их в упорном сражении. И результатом этой победы были его новые творческие идеи, воплотившиеся в самобытных творениях мастера.

Темперамент Микеланджело, кипящая в нем энергия не давали художнику достичь того олимпийского спокойствия, которое свойственно живописи Леонардо. Они же стали причиной того, что мастер не смог в своих работах передать безмятежную гармонию греческой скульптуры. И в то же время многие его смелые работы стали началом упадка итальянского искусства, в которое пришло большое количество несведущих художников, подражавших великим мастерам.

Но, между тем, это было время расцвета таланта еще одного начинающего художника – Рафаэля Санти из Урбино (1483-1520), постигавшего азы искусства в мастерской Перуджино, главного представителя умбрийской школы живописи. Воспитанные на работах Джотто и его талантливых последователях, расписывающих церкви Ассизи, ученики этой школы, несмотря на то, что придерживались умбрийского стиля» живописи, находились под влиянием флорентийского искусства, у которого черпали вдохновение. Рафаэль тоже, несмотря на то, что оставался до конца XV века в Перудже, не прерывал общения, пусть даже косвенного, с художественным миром Флоренции, поскольку его учитель часто бывал и подолгу жил в этом городе.

Уже в первых своих работах Рафаэль старается отойти от принципа упрощения, свойственного умбрийской школе, и, сохранив мягкость тонов и мелодичность линий, искать свой самобытный стиль, доказав, что в искусстве можно пойти по-другому, нетрадиционному, пути. Когда он переехал во Флоренцию, искусство которой прошло большой путь, он сразу почув-

---

стиль Рафаэля пока еще только вырисовывался, хотя свой первый урок он все же получил на одной из стен зала Палаццо Веккьо, расписанной его великим предшественником.

ствовал на себе влияние новой среды. Изучив вначале живопись Мазаччо, Рафаэль открыл для себя творчество фра Бартоломео делла Порта, благодаря которому молодой художник оставил позади то, чем славилось искусство Кваттроченто, и устремился к новым вершинам.

Этот мастер, который познакомил его с особенностями художественного стиля Леонардо да Винчи, умел образцово накладывать свет и тень. Кроме того, он превзошел всех художников в группировке фигур и в единстве композиции, умел наносить широкие мазки, особенно в драпировке. И главное, он умел передавать искренность и нежность чувств своих героев, даже в большей степени, чем это делал Леонардо да Винчи. Картины фра Бартоломео отличались также изящным колоритом, особенно после посещения художником Венеции в 1508 году, где он учился у местных мастеров.

Пребывание Рафаэля во Флоренции отразилось на образах его мадонн, которых он в этом городе написал очень много. В них он попытался передать не только Божественную, но и человеческую красоту, что являлось мерилом ценностей и характерной чертой стиля той эпохи. Перед тем, кто смотрит не только на картины, но и на удивительные рисунки Рафаэля (а их он создал не меньшее количество), предстает образ мадонны XV века, полной любви к своему божественному младенцу. Эта любовь раскрывается через созерцание своего сына и превращает обычную женщину в Богоматерь. Мадонны Рафаэля можно назвать гимном материнской любви, несущей в себе божественное начало.

Созерцая женские образы, созданные Рафаэлем, можно почувствовать влияние фра Бартоломео и даже, в большей степени, Леонардо, портретами и мадоннами которого Рафаэль во время своего пребывания во Флоренции явно вдохновлялся: его «Маддалена Дони» носит на себе черты «Джоконды».

И в то же время портреты Рафаэля, написанные в первый флорентийский период, если сравнивать их с работами Леонардо, являются пока еще очень слабыми и неуверенными. Если Микеланджело, прежде чем создавать свои шедевры, скрупулезно занимался анатомией, постигал особенности поведения человека, технику движений, то Рафаэль, напротив, сосредотачивался на выразительности лика своей Мадонны, стремился передать ее грациозность и изящество. Потом, изучив два известных картона, о которых мы уже упоминали, и творения фра Бартоломео, а также опираясь на собственные идеи, молодой художник стал создавать более масштабные произведения.

Конечно, именно Леонардо открыл тот путь искусства, по которому, соперничая друг с другом, пошли к своей славе два других гения – Микеланджело и Рафаэль. Их обоих и позвал папа Юлий II в Рим – город, где бок о бок сосуществуют и взаимодействуют древняя и новая культура, христианство и язычество, все формы изобразительного искусства и литературы. Наступил торжественный момент, когда человеческий дух почувствовал полное сознание самого себя в бесконечном разнообразии интеллектуальной жизни, к обращении к прошлому, в гармонии древнего и современного мира. Мир словно был наполнен звуками, льющимися с небес, что вдохновляло художников на творчество.

Такого изобилия великих творений не было еще никогда. Появляются новые формы, новые образы, новые символы, в которых греческая мифология и христианское сознание, разум и вдохновение, реальное и идеальное соединяются в бессмертных творениях, раскрывая душу народа. Италия стала своего рода микрокосмом человеческой цивилизации, светильником, озаряющим мир, смотрящий в будущее. Поэтому неудивительно, что среди величественных знаменитых памятников Рима, как и среди памятников итальянских провинциальных городков, не представляющих особого интереса в силу отсутствия у них культурной ценности, появился островок, на котором поселились флорентийские художники, создавшие славу итальянскому искусству, показавшие всему миру его могущество и силу.

В сентябре 1508 года Рафаэль переезжает в Рим. К этому времени он уже успел создать свои самые великие произведения, принесшие ему славу, но еще не успел высечь, подобно Прометею, ту искру, от которой вспыхнет яркое пламя его гения. Однако, он уже вышел на освещенную этой искрой дорогу своей жизни.

Рафаэль был счастливым человеком, хотя не всегда осознавал это. Он всегда жил в гармонии с самим собой. Эту гармонию он не завоевывал в тяжелой и мучительной борьбе. В его жизни было мало разочарований, она текла тихо, спокойно, размеренно. Но молодого художника, совершившего интеллектуальный переворот в итальянской живописи, любили все. Те, с кем так или иначе сталкивался Рафаэль, восхищались его благородством и всегда были во власти его неподкупного обаяния. И в то же время в нем кипела такая энергия, такая творческая сила! Казалось, что все итальянское искусство, все его школы и направления были собраны в этом одном гении, создающем произведения, полные изящества и удивительной нежности, хотя ни один шедевр Рафаэля не появился на свет, благодаря так называемым «мукам творчества». Все работы мастера – это результат его внутренней гармонии, которая подняла дух художника на недосягаемую высоту. Наверное поэтому искусство Рафаэля и поныне вызывает такое же чувство восхищения, которое испытывали современники художника. На наш взгляд, не стоит подробно останавливаться на полотнах Рафаэля, созданных им в десятилетний римский период. К тому же, большинство из них широко известны и не нуждаются в комментариях. Достаточно лицезреть их, чтобы понять всю силу таланта этой незаурядной личности.

В период с 1508 по 1511 года Рафаэль работает в Ватикане над росписью папского рабочего кабинета, известного как Станца делла Сеньятура (Stanza della Segnatura), т.е. «комната подписи». Фрески, созданные художником на сводах комнаты, можно назвать «грандиозной поэмой». Они аллегорически представляют четыре вида духовной деятельности человека. «Афинская школа» («Scuola di Atene») – богословие, «Священный спор» («Disputa del Sacramento») – философию, «Парнас» («Parnaso») – поэзию, «Добродетель и закон» («Virtù e la Legge») – правосудие. Трудно представить, как Рафаэль, будучи в ту пору еще очень молодым, хотя и всецело преданным искусству, человеком, не имея необходимых познаний, мог найти образы, которые бы отразили интеллектуальные завоевания человечества.

Конечно, без содействия самого папы, Юлия II, который и являлся заказчиком этой работы, Рафаэль не мог бы осуществить свой замысел. На одной из фресок изображен непосредственно Юлий II.[15] Но многие другие персонажи «Станцев делла Сеньятура» напоминают современников живописца, составляющих интеллектуальную элиту того времени. Настоящий художник всегда сможет найти прошлое в настоящем, соединив далеко отстоящие друг от друга эпохи силой своего творческого воображения. Именно этим отличается уникальность и оригинальность шедевра, созданного руками великого мастера. Повторить его никто в мире уже не сможет.

В одной комнате Рафаэль собрал поборников веры, рассуждающих о Таинстве Евхаристии, греческих философов, ведущих спор о научном познании мира, Аполлона со своими Музами, римского императора Юстиниана, византийского юриста Трибониана, папу Григорий IX. Но при этом Рафаэль, обращаясь к образам деятелей, оставивших свой след в истории, не считает, что их миссия уже выполнена. Художник воскресил героев прошлого, перенес их в свою эпоху, словно они никогда не умирали.

Рафаэль творческой силой своего гения, прежде всего, возродил к жизни Древнюю Грецию. Опустошенная средневековыми схоластиками, но согретая лучами итальянского солнца, которое, разогнав черные тучи, озарило упирающиеся прямо в небо вершины Олимпа, она вновь открылась миру в первозданной красоте своей юности. Обратив свой взор в прошлое, художник спустил с небес на землю древних богов Олимпа, ставших властителями и его эпохи.

[15] Речь идет о фреске «Священный спор», или «Диспута»

Можно сказать, что итальянское искусство, в отличие от литературы, связало едиными узами прошлое и настоящее, историю и современность, обнаружив черты богов и героев античности в человеке эпохи Ренессанса. В этом и состоит уникальность и художественная ценность итальянского искусства.

Поведать обо всех работах Рафаэля просто невозможно. Находясь на вершине своей славы, в расцвете творческих сил, он писал свои картины и фрески с такой с молниеносной скоростью, чего не удалось сделать ни одному художнику той эпохи. И все они – грандиозные по композиции, благородные по авторскому решению, сложные по технике рисования и колориту, удивительные по разнообразию представленных в них типов – стали шедеврами, которые появились не только благодаря фантазии мастера, но и в результате его тяжелого труда.

После росписи свода в Станце делла Сеньятура Рафаэль взялся за оформление других комнат папского дворца, получивших впоследствии названия «Станца д'Элиодоро» (Stanza di Eliodoro), «Станца дель Инчендио ди Борго» (Stanza dell'Incendio di Borgo), «Станца ди Константино» (Stanza di Costantino). В лоджиях папского дворца, на своде и на стенах, также появились новые художественные композиции, к которым приложил руку великий мастер. Они были потом закончены его учениками. Эти фрески украшены причудливыми арабесками в постоянно меняющихся разнообразных формах, которые одновременно пропитаны и духом античности, и духом Ренессанса. Различные орнаменты были для Рафаэля своеобразным видом отдыха. Когда он уставал от напряженной работы, то шел один на природу, захватив с собой только холст и масляные краски. Там, в тиши и безмолвии, он рисовал восхитительные узоры, ставшие впоследствии украшением его картин.

Разве можно передать словами тот источник пребывающей радости, вечного счастья, который так верно передан художником в «Мадонне в кресле» и в «Сикстинской мадонне»? На этих картинах, блещущих своим великолепием, простота образов, тщательно изученных Рафаэлем во Флоренции, сочетается с их благородством. Смотришь на эти шедевры и узнаешь руку великого мастера. Только он один мог создать подобные шедевры.

В 1509 году банкир Киджи, советник по финансам папы Юлия II, дал поручение архитектору Бальдассаре Перуцци построить для себя виллу в Риме. В 1514 году на виллу в качестве художника был приглашен Рафаэль, который на одной из стен создает удивительный образ Галатеи и расписывает одну из лоджий фресками, сюжетной основой которых стала история Психеи. Эта небольшая вилла, которая в настоящее время носит имя «Фарнезина», стала настоящим «храмом искусств». Кто хотя бы однажды увидит эти картины, тот будет постоянно возвращаться к ним снова и снова. Воссоздавая в памяти фрески Рафаэля, невольно начинаешь вспоминать все, до мельчайших подробностей, детали этих произведений. И тогда опять начнет тянуть прикоснуться к этим шедеврам хотя бы одним взглядом. Такова сила притяжения этих фресок, которые, обладая таинственной властью, помогают нам восстановить гармонию духа, раскрытую великим мастером силой своего таланта.

Рафаэль не знал покоя. Его талант, подталкиваемый неугомонной энергией, работал неустанно. Но силы человека не безграничны, иссякли резервы организма и у Рафаэля. Он умер в 37 лет, за работой, создавая свой последний шедевр – «Преображение Господне», который был позже закончен Джулио Романо.

Наполненная невероятной силой, проникнутая смелым, «в духе Микеланджело», решением, касающемся расстановки фигур, эта картина считается вершиной творчества Рафаэля, который долгое время находился под влиянием своего гениального соперника, смелого, дерзкого, толкающего всей своей мощью итальянское искусство к новым вершинам и смелым проектам, с которых оно низвергнется, если попадет в руки не талантливых последователей, а дилетантов, у которых не хватит сил удержать его в необходимых границах.

Чтобы иметь правильное представление о неисчерпаемом запасе сил и творческом вдохновении итальянского гения первых десятилетий XVI века, достаточно вспомнить, что в то время, когда Рафаэль работал в папских апартаментах и лоджиях Ватикана, Микеланджело расписывал свод Сикстинской капеллы. А в голове у него уже складывался образ другой грандиозной работы – гигантских размеров папской гробницы, которую великий мастер должен был создать и украсить по заказу Юлия II. Это был, пожалуй, самый грандиозный проект, задуманный разумом человека-творца. Работая над гробницей, Микеланджело должен был так отразить в мраморных изваяниях силу власти и силу духа Юлия II, чтобы каждому смертному, созерцающему это творение, открылись бы слава и бессмертие понтифика. Около сорока мраморных или бронзовых статуй, расположенные рядами, должны были украшать ступени больших размеров. Вверху гробницы Микеланджело собирался расположить изваяния, символизирующие небо и землю, которые должны были поддерживать саркофаг с гробницей папы. В центре саркофага художник намеревался поместить высеченную из мрамора фигуру понтифика.

Юлий II с воодушевлением поддержал идею создания своей гробницы. Однако, найти место для задуманного скульптором грандиозного памятника было трудно. Микеланджело планировал переделать, начиная от фундамента, собор Св. Петра, сделав его, в результате подобной реконструкции, самым величественным храмом христианского мира. И 18 апреля 1506 года Юлий II, несмотря на свой преклонный возраст, с риском для жизни, сошел, в сопровождении нескольких верных лиц, глубоко вниз по веревочной лестнице и заложил первый строительный камень будущего грандиозного сооружения.

Однако, зависть недоброжелателей великого мастера[16], а также переменчивость в настроениях самого Папы, который загрузил Микеланджело другими работами, вынуждали мастера постоянно прерывать работу над делом всей его жизни. Терзаемый переживаниями, он в одном из писем восклицал: «Было бы лучше, если бы мне поручили взяться за изготовление серных спичек. Каждый день меня забрасывают камнями, словно я страдающий на кресте Христос. А молодость уходит… Я впустую трачу драгоценное время, отведенное мне на создание гробницы».

Строительство этого памятника, который мог бы затмить все созданные раньше шедевры Микеланджело, не было завершено. До нашего времени дошли только статуи двух пленников да статуя Моисея, в которой навечно поселилась душа ее творца. Моисей сидит, одной рукой опираясь на скрижали Закона, а другой рукой схватившись за свою длинную бороду, спускающуюся вниз волнами. Сурово смотрит пророк в сторону евреев, поклоняющихся золотому тельцу. Невысокий лоб, на голове – символические рога[17], испепеляющий взгляд, колоссальные формы… И кажется, если этот исполин встанет на ноги в полный рост, то вся толпа разбежится в страхе, не выдержав его безудержного гнева.

Вместо того, чтобы довести папскую гробницу до логического завершения, Микеланджело был вынужден, как того требовал Папа, взяться за роспись свода Сикстинской капеллы. Статуя Моисея только позже была закончена.

Сикстинскую капеллу Микеланджело начал расписывать в 1508 году, и, постоянно подгоняемый Юлием II, которому не терпелось увидеть готовые фрески (понтифик даже угрожал мастеру, что сбросит его с настила, если тот к концу 1509 года не покажет хотя бы небольшую

[16] По версии Вазари, одним из таких недоброжелателей был Браманте, который убедил Юлия II, что строить гробницу при жизни – плохое предзнаменование. На самом деле, Браманте боялся, что Микеланджело блестяще выполнит свой проект и будет купаться в лучах славы

[17] Рога у Моисея на скульптуре Микеланджело появились из-за неправильного перевода на латинский язык Ветхого Завета, где слово «карнайим» имеет два значения – «лучи» и «рога». И фразу, в которой говорится, что лицо Моисея сияло («излучала лучи кожа лица его»), переводчики «Вульгаты» интерпретировали как «лицо его было рогато»

часть своей работы), в 1512 году завершил свой титанический труд. Мир никогда не видел ничего подобного. В движениях персонажей, в их величавых формах, в самих художественных образах была такая выразительность, такая энергия, что, казалось, одни из героев библейских сцен сдвинутся с места и снизойдут прямо на землю, а другие, раздвинув свод, полетят прямо на небо, к своему Небесному Отцу. Когда находишься в капелле, то кажется, что стены словно раздвигаются, уходят куда-то в сторону. Пространство все больше и больше расширяется, и уже не ощущаешь ни потолка, ни пола. Перед нашими очами предстают не картины, а настоящие, живые люди, титаны эпохи Возрождения, целая нация титанов, изменившая мир. Библейские и исторические персонажи, аллегории на темы из античной мифологии и Священного Писания, возрожденные к жизни пылкой фантазией художника, взошли на новый Олимп, став бессмертными образами, которые породило сознание художника.

В итальянском искусстве того времени существовало много различных школ и направлений, о чем мы уже кратко упоминали. Однако все они не придерживались определенных, строгих правил, а подчинялись полету фантазии художника, который создавал свои образы – порою вычурные, экстравагантные – на стыке прошлого и настоящего. Все эти школы приветствовали свободу творчества, хотя между мастером и школой, откуда он вышел, все же существовала логическая и неизбежная связь.

Итальянское искусство во всех его формах шире всего представлено в творчестве тех трех «титанов», о которых говорилось выше. Каждый из них дышал этим искусством. Однако дышал искусством и весь итальянский народ, вся итальянская нация, включая самого понтифика, который не жалел денег на искусство. Все шедевры той эпохи были объединены общей мыслью, оживлены единым духом, наполнены всеобъемлющей безудержной страстью. В них была душа, исполненная истинного величия Римской империи.

Юлий II не только приглашал великих мастеров в Рим и давал им грандиозные поручения. Он сам принимал активное участие в создании великих проектов. Понтифика часто видели на подмостках Сикстинской капеллы. Он распорядился провести туннель, соединяющий Ватиканский дворец со студией Микеланджело, по которому постоянно прогуливался. Казалось, папа нес большую ответственность за все итальянское искусство, поэтому и прокладывал ему дорогу к высокой цели, поддерживая не только духовно, но и материально. Действительно, в создании нового итальянского искусства участвовали не только люди, которые силой своего таланта заставили заговорить о нем весь мир, но и средства, выделяемые на осуществляемые грандиозных проектов из папской казны.

Кроме Рафаэля и Микеланджело, в Рим был приглашен архитектор Донато Браманте, который, хотя и оставался в рамках школы Кваттроченто, также вел искусство XVI века к высокому совершенству. Юлий II поручил ему строительство лоджий Ватикана и музея, где хранились сокровища Ватиканского дворца, расположенного рядом с церковью Санкта Санкторум (Святая святых). К таким сокровищам можно причислить «Аполлона Бельведерского» и «Лаокоонта», которые были обнаружены в 1506 году в винограднике среди развалин терм Тита. Несколько позже при раскопках были найдены «Бельведерский торс» и «Спящая Ариадна». Казалось, сама Земля открылась, чтобы возродиться в древности. Архитектору и скульптору Якопо Сансовино Юлий II заказал несколько надгробных памятников, которые тот должен был установить в церкви Санта-Мария-дель-Пополо. Ему удалось завершить два из них – надгробие кардинала Джироламо Бассо и гробницу кардинала Асканио Сфорца. Какой еще покровитель мог столько сделать для искусства, чем это сделал Юлий II? Кто может сравниться с ним по масштабам меценатской деятельности?

Любуясь ослепительной красотой творений многих великих художников, невольно задаешься вопросом: как же могла эта божественная сила искусства, возвышающая и очищающая человеческий дух, сочетаться с той глубиной морального разложения и упадка, какие царили повсеместно в среде образованнейших людей того времени, интеллектуалов и эрудитов? Если

проанализировать связи и взаимоотношения между интеллектуальным и морально-нравственным развитием наций, что еще до конца не изучено, возможно, мы получим ответ на этот вопрос. Во всяком случае, мы должны вспомнить тот факт, что распущенность и развращенность нравов, царившая в Италии в период Ренессанса, хотя и несколько преувеличенная, но все же достаточно большая и неоспоримая, была широко распространена, главным образом, в высших и религиозных слоях общества, ею были также охвачены политические и литературные круги. Простое население она поразила меньше. Об этом говорят многие писатели того времени.[18] Но историки, непосредственные летописцы своего времени, с подробностями повествуя обо всех катаклизмах века, редко упоминают факты, затрагивающие моральные принципы и образ жизни тех, кто явил себя миру через искусство. Они молчат также об их незнатном происхождении. Микеланджело, к примеру, хотя и происходил из древнего рода, родился в бедной семье. Как сын, как брат, как гражданин, он имел много редких и благородных качеств, которые открываются через его письма, стихи, да и через всю его жизнь. Его отношение к друзьям достойно восхищения, хотя оно иногда расценивается как любовная привязанность. А разве нельзя назвать благородным поступок, когда Микеланджело, погруженный в работу, вдруг бросает резец и бежит на помощь умирающему слуге, смерть которого он потом горько оплакивал. Родным этого слуги он впоследствии оказал посильную помощь. Фра Бартоломео, сын погонщика мулов, имел мягкий характер и был в достаточной степени доброжелательным человеком. Преданный поклонник Савонаролы, он отличался от многих других своим искренне религиозным рвением. Что же касается Леонардо да Винчи, сына нотариуса, и Рафаэля, отец которого был художником, хотя и не очень известным, история только говорит нам, что эти мастера, если только не касаться их личной жизни, которая, в общем-то, не очень хорошо известна, были постоянно заняты поисками истины и красоты, постоянно находились в созерцании самых благородных и высоких мыслей, которые, конечно, не могли оказать пагубного влияния на их моральные и личностные качества. По свидетельству современников, Леонардо и Рафаэль были полны доброты, имели уравновешенный и спокойный характер. Но тем не менее нельзя сказать, что в артистической среде не существовало свободы нравов. Некоторые художники экстравагантно одевались, поражали окружающих своим нетривиальным поведением, были завистливыми и ревнивыми. Но такой образ жизни, которым, к примеру, славился прославленный итальянский Бенвенуто Челлини, моральный облик которого оставляет желать лучшего, не может быть примером для истинных поклонников искусства. Однако, если просмотреть биографии всех мастеров, чья жизнь так или иначе связана с искусством, то можно увидеть, что большинство из них вышли из народной среды, представители которой, в отличие от политиков и людей, занимающихся литературным трудом, менее подвержены соблазнам общества, поскольку не живут по его законам. Поэтому, в отличие от нас, окружающая жизнь их не испортила.[19]

---

[18] Примером тому является книга «Письма благородной флорентийки» («Lettere di una gentildonna fiorentina») Алессандры Мачинги нельи Строцци, опубликованной Чезаре Гуасти во Флоренции в 1877 году. Написанная в XV веке, эта книга очень четко показывает, как сохраняются семейные ценности в той части гражданского общества, которая не испорчена публичностью. В своей книге писательница описывает как раз эту часть общества, но она, как утверждает автор, более интересная и насыщенная, чем жизнь тех семей, о которых пишут историки в своих хрониках. А интересна она тем, что именно в непубличных семьях формируется основа духовной жизни, складываются моральные принципы и нравственные законы. Следует также упомянуть письма сира Лапо Маццеи, флорентийского нотариуса, адресованные богатому торговцу Франческо Датини, написанные в конце XIV – начала XV века и опубликованные в двух томах тем же Ч. Гуасти в 1880 году. Они преследуют ту же цель, что и упомянутая книга. Эти письма показывают христианскую озабоченность автора, касающуюся доброты, чистоты и милосердия.

[19] История итальянского искусства того времени, кроме тех работ, на которые мы уже ссылались, представлена также в книгах Г.Ф. Гримма «Жизнь Микеланджело» (“Michelangelo’s Lében”), Ч. Клемента «Микеланджело, Леонардо и Рафаэль в исследованиях ученых Германии» (“Michelangelo, Leonardo und Raffael deutsch bearbeitet”), вышедшие в свет в 1870 году, а также в знаменитом труде Дж. Кроуи и Дж. Кавальказелле «История итальянского искусства» (“History of Painting in Italy”) и в томе под названием «Изящные искусства» (“The fine Art”), являющегося частью книги «Ренессанс в Италии» (“The Renaissance in Italy”), опубликованном Дж. Саймондом» в Лондоне в 1875-1877 годах. А. Готти на основе писем Микеланджело, опуб-

Истинное величие духа, свойственного человеку того времени, которого мы, люди XIX столетия, лишены, можно продемонстрировать на примере Христофора Колумба, который не только пылал страстью к рискованным предприятиям, но и был искренне верующим человеком. Великий мореплаватель в 1504 году, в возрасте шестидесяти четырех лет[20], несмотря на то, что много раз уже успел пройти хранящий тайны, но такой непокорный океан, отправился в свое последнее путешествие. Вернувшись из этой экспедиции, он прожил недолго. Много переживший и много повидавший, Колумб умер 20 мая 1506 года. В его жизни было все: над ним смеялись, его преследовали, на него клеветали, он знал, что такое черная неблагодарность. Но, имея мужественный характер, он не только стоически переносил все испытания, выпавшие на его долю во время морских путешествий, но и с достоинством противостоял насмешкам, преследованиям, клевете. Главное, у него была непоколебимая вера в силу науки. Она в отважного мореплавателя вселила тот дух познания, который не останавливал его ни перед капризами природы, ни перед людской ненавистью. И в период шторма, когда его судно бросало по волнам из стороны в сторону, и когда, не выдержав трудностей, команда корабля поднимала мятеж, он продолжал спокойно и безмятежно вести свои наблюдения, совершать новые открытия, изучать природные явления, делать дневниковые записи. Научная деятельность, которую вел Колумб, давала ему силу, благодаря которой он с уверенностью шел вперед к неизведанному. Кристофор Колумб был истинным сыном своего века. В нем жил подлинный дух итальянского Возрождения, и вне этой эпохи такой человек вряд ли бы родился, без нее он бы не состоялся как великий ученый, первооткрыватель многих земель, которые мы находим на карте мира.

Таким образом, Италия, несмотря на нравственный упадок определенной части ее населения, достигла интеллектуального величия за счет гениальных сынов, создавших славу итальянскому искусству и науке. Живописцы, скульпторы, архитекторы, ученые создали основу для восстановления нового, духовного, мира, повлияли на трансформацию сознания граждан. И даже вторжения французских и испанских войск на Аппенины не смогли переломить естественный ход событий.

Но тем не менее не будем идеализировать Италию XVI и XVI веков, где, с одной стороны, происходит духовный и интеллектуальный подъем нации, а с другой, процветает моральное разложение итальянского общества. Подобного рода контраст мы наблюдаем в новой национальной литературе, которая ушла от классических традиций. Примером тому является творчество феррарского поэта Лудовико Ариосто, написавшего в то время поэму «Неистовый Роланд», которая, по выражению Джино Каппони, «внесла вклад в развитие тосканского диалекта», легшего в основу литературного языка Италии.

Мы уже говорили о том, как рыцарские романы каролингской эпохи, завоевавшие в XV веке популярность во всей Флоренции, получили в эпической поэме «Морганте» Луиджи Пульчи, новую литературную форму. Но в это время, наряду с произведениями каролинского ренессанса и даже в большей степени, во всей Тоскане буквально зачитываются романами «бреттонского цикла», повествующими о рыцарях Круглого стола времен короля Артура. Эти романы были особенно популярны среди обитателей замков долины По, которые читали и слушали их на провансальском диалекте, что сильно повлияло на поэзию этого региона, получившую гибридную итало-французскую, или франко-итальянскую, форму. Этот диалект, однако,

---

ликованным Дж. Миланезе, написал в 1875 году биографию великого художника. В 1877 году в Лондоне выпущена книга К.Х. Уилсона, в которой автор проводит собственные исследования и дает свой анализ Сикстинской капеллы. Также следует упомянуть книги Х. Яничека «Ренессанс в Италии» (“Die Gesellschaft der Renaissance in Italien”) (Stuttgart, 1879), Г. Хеттнер «Итальянские исследования. К истории Ренессанса» (“Italienische Studien. Zur Gesch. der Renaissance”) (Brannschweig, 1879). В 1893 году была опубликована еще одна биографическая книга в двух томах о Микеланджело, автором которой является Дж. Саймондс, а в 1892 году вышла в свет небольшая работа Л. фон Шеффлера «Микеланджело. Исследования эпохи Ренессанса» (“Michelangelo, eine Renaissancestudie”).

[20] Хронологическая неточность автора. Колумб умер в возрасте 54 лет.

вскоре был устранен под натиском итальянского и латинского языков. Позже интеллектуальная элита Северной Италии центром изучения классической культуры сделала Феррару. Свой вклад в развитие Феррары внесли аристократический дом Эсте, университет, а также неугомонный поэт и переводчик Гуарино да Верона, который, вместе со своими многочисленными учениками, организовал среди жителей города изучение греческого и латинского языков. И вот в это время, когда тесным образом взаимодействовало классическое и романтическое искусство, в Ферраре вдруг появляется поэма «Влюбленный Орланд», автором которой был Маттео Боярдо. Прекрасно знающий классические языки, Маттео Боярдо был большим поклонником рыцарских романов и очень желал возрождения рыцарства. В том, что это рано или поздно произойдёт, он был уверен, как ни странно это звучит. Однако, написанная под воздействием рыцарских романов каролингского цикла, поэма Боярдо, обладающего незаурядной фантазией, как и ранее появившаяся поэма Пульчи, является довольно оригинальным поэтическим произведением. Так был открыт путь, по которому пошел еще один феррарский поэт – Лудовико Ариосто, а Феррара стала не только поэтической колыбелью Италии, но и литературным соперником Флоренции. Однако, улицы, дома этого города, особенно его герцогский замок, являлись не только «тихой гаванью», навевающей мирные, идиллические образы, они скрывали в себе тайны чудовищных преступлений.

Альфонсо I, ставший герцогом Феррары в 1505 году, был не только опытным полководцем, создавшем лучшую в Европе артиллерию, он был большим ценителем искусства и литературы, покровителем художников и поэтов. И в то же время этот правитель обладал достаточно суровым нравом и отличался большой жестокостью. В 1502 году он женился на Лукреции Борджиа, которая, то ли в силу того, что боялась своего мужа, то ли оттого, что была достаточно благоразумной женщиной, а может, под воздействием определенных обстоятельств, коих мы не ведаем, совершенно изменилась. От былой Лукреции не осталось и следа. Жена герцога была богобоязненной христианкой, она постоянно посещала церковь, делала пожертвования, помогала бедным. Но она также была страстной поклонницей всех писателей и поэтов, и они отвечали своей госпоже взаимностью, восхваляя ее красоту, душевную чистоту, целомудрие, эрудицию. Но судьба не была благосклонна к этой женщине. Возможно, от того, что в ее жилах текла кровь тех, кто был на службе греха и порока, Лукрецию всю жизнь преследовали ужасные необъяснимые трагедии.

За компаньонкой и кузиной Лукреции, Анжелой Борджиа, которую она вызвала из Рима, ухаживали два брата герцога – внебрачный сын его отца, дон Джулио и кардинал Ипполито. Последний стал епископом в семилетнем возрасте, а когда ему было четырнадцать лет, был назначен кардиналом. Но Ипполито был достаточно светским человеком. Он любил военные компании, охоту, женщин, любил устраивать роскошные пиршества, что, как говорят, стало причиной его ранней смерти. По легенде, 41-летний Ипполито умер оттого, что однажды съел много креветок и выпил много вина, которое хранилось у кардинала в прохладном погребе. Характер у Ипполито был буйный, неукротимый. Рассказывают, что однажды он «угостил» палкой посыльного, принесшего ему от папы Юлий II послание, в котором понтифик высказывал кардиналу недовольство, касающееся его бурной светской жизни.

Существует еще одна легенда, связанная с именами кардинала Ипполита и Анжелы Борджиа. Согласно историческому преданию, Анжела однажды сказала Ипполито, который не мог устоят перед пленительной красотой этой девушки, что он не стоит и глаза своего брата-соперника Джулио. И тогда Ипполито нанял четырех молодчиков, которые подкараулили Джулио, когда тот возвращался с охоты, и, сбросив его с лошади, выкололи ему глаза. Герцог пришел в ярость, но вскоре он успокоился, простив увечье брата. Он был беспощаден только с родственниками, жаждущими отстранить его от власти. Но в данном случае была другая ситуация: кардиналу нечего было бояться, поскольку он не претендовал на власть. То, что Ипполито это

злодеяние сошло с рук[21], подтолкнуло Джулио, который горел желанием мести, к заговору. Ему удалось восстановить один, еще не выпавший из орбиты, глаз, и, в 1506 году, он договорился с еще одним братом, Ферранте, убить и герцога и кардинала. Если бы план был осуществлен, то Ферранте, мечтающий о власти, стал бы единоличным правителем города. Однако, заговор был раскрыт. Джулио успел сбежать в Мантую, а Ферранте, по своему простодушию думая, что брат простит его, бросился к него ногам, но Альфонсо был неумолим. Разъяренный, он схватил свой посох и, сказав, что хочет сделать Ферранте похожим на брата, так ударил его своим посохом, что выбил глаз. Затем он отправил заговорщика в тюрьму, где он и умер.[22] Джулио ждала та же судьба: он был схвачен и тоже приговорен к тюремному заключению. Но, просидев в застенках вплоть до 1559 года, он был помилован Альфонсо II и выпущен на свободу.

Более печальная участь ожидала других заговорщиков. Трое преданных друзей Джулио и Ферранте были схвачены и разрублены на куски. Фрагменты их тел долгое время «украшали» ворота замка, а пики с надетыми на них отрубленными головами заговорщиков были выставлены на всеобщее обозрение. Убит не был только священник по имени Джанни, который также участвовал в заговоре, и то только потому, что был священником. Но его посадили в железную клетку, которую подвесили в башне так, чтобы каждый, кто проходил мимо, мог увидеть этого заговорщика и высказать ему свое презрение. Но, про прошествии семи дней, герцог захотел избавиться от священника, и последний был задушен. Народу же было объявлено, что он покончил жизнь самоубийством. Но и после смерти отца Джанни не оставили в покое. Над его телом изрядно поиздевались: его разрывали на части, тащили по улицам и в конце повесили на столб вниз головой, где труп находился до полного разложения.

И в то же время этот Двор – Двор, где потоком лилась кровь, – стал прибежищем, приютом поэтов, которые в своих изысканных стихах прославляли великодушие правителя, целомудрие кардинала, кротость, благочестие и чистоту Лукреции. Самым главным придворным поэтом был Пьетро Бембо, ставший позже кардиналом. Но тогда это был красивый, элегантный молодой человек, большой поклонник женщин и яростный почитатель самой хозяйки дома. Ученый, прекрасно знающий греческий язык, литератор, писавший стихи и прозу на латыни, Бембо в то же время содействовал возрождению письменной формы народного итальянского языка. Но больше в Ферраре любили поэта и завидного кавалера Эрколе Строцци. Его латинские стихи, одни из которых были посвящены донне Лукреции, а другие восхваляли кровавые «подвиги» Валентино[23], вызывали восторг и восхищение. Вдохновленный поэзией Бембо, который сам ценил творчество Строцци, он также написал несколько сонетов на итальянском языке, посвященных своей возлюбленной, Барбаре Торелло.

Однако на рассвете 6 июня 1508 года на улице, неподалеку от церкви Св. Франциска было найдено тело человека с перерезанным горлом. А вокруг него, на земле, были разбросаны пряди длинных, вьющихся локонов. Это был Эрколе Строцци. Убийцы нанесли ему 22 раны, вырвали все волосы.

Вся Феррара оплакивала своего поэта. Но невозможно выразить словами боль той женщины, которая стала его женой всего тринадцать дней назад. «Почему не могу я, - писала она, - уйти вместе с тобой в могилу?»

У меня больше нет желаний, одного алчу –
Замесить прах слезами, вылепить снова тело,
Холод смертный прогнать, дыханье вернуть обратно

И потом, с криком громким, с храбростью шестикратной,

[21] Альфонсо только выслал Ипполито из города.

[22] Ферранте умер в тюрьме в 1540 году, т.е. через 34 года после случившегося

[23] Прозвище Чезаре Борджиа

Негодяю явить, что узы рассек, без плача,
И сказать: – Посмотри, всё может Любви бог сделать.[24]

Среди непрекращающихся бесед петраркистов-рифмоплетов[25] и плоских острот мужей, стремящихся показать свою ученость, вдруг, словно глыба, выросла из плача любовь этой отчаявшейся женщины, которая, как говорит Кардуччи[26], разглядела в толпе убийцу своего мужа и, не называя его имени, фактически указала на него пальцем. Ее сонет «На смерть супруга» вернул нам истинный голос и подлинное вдохновение итальянской поэзии, которые некогда были утрачены. Говорят, что Лукреция Борджиа очень ревновала Эрколе Строцци к Барбаре. Но, скорее всего, в его убийстве был замешан граф, который мстил несчастному молодому поэту за любовь к нему своей любимой женщины, Лукреции Борджиа, ставшей потом его женою.

Таково было общество, в котором жил Лудовико Ариосто, секретарь злобного и развращенного кардинала Ипполлито д'Эсте. Однако, и в его доме обстановка была не лучше. Вокруг молодого человека не было никого, кто бы мог подать ему хороший пример. Он, конечно, не мог не знать о том, что его отец, Никколо Ариосто, был послан в Мантую графом Эрколе I, чтобы отравить Никколо д'Эсте, который хотел захватить феррарскую синьорию. Старший Ариосто, взяв с собою яд, отправился в путь и был уже готов к тому, чтобы осуществить коварный план графа, но заговор был раскрыт. Исполнителю преступления удалось сбежать, но его сообщники были повешены.

Несмотря на провал заговора, Никколо Ариосто как один из верных слуг графа Эрколе был назначен капитаном цитадели города Реджо-нель-Эмилия, где он, жадный до денег, обогатился за счет того, что урезывал расходы, данные на пропитание бедных солдат. В этом городе, в 1474 году, и родился его сын Лудовико.

В 1480 году Никколо Ариосто переводят в Феррару. Однако население Феррары негативно отнеслось к его назначению, по городу даже ходили язвительные стишки, в которых Ариосто-старший открыто назывался вором, мошенником и предателем. В одном из таких «произведений» одна женщина жалуется своему мужу на то, что не может выйти из дома, потому что все окружающие ее оскорбляют, называя женой вора, на что последний цинично отвечает:

Я воровал и буду воровать, поскольку в этом мире
Жить честно – значит, слыть глупцом.[27]

В 1496 году Никколо Ариосто находится на должности комиссара в небольшом городке Луго, но и там он долго не задержался. Поговаривали, что он организовал систему пыток, которые применял к людям благородного происхождения. К счастью, его сын был настолько поглощен в свои мысли, что не видел происходящего вокруг него, не замечал аморальных дел отца. Когда Никколо ругал сына, периодически устраивая ему скандалы, за то, что тот не изучает законы (он прочил сыну карьеру юриста), Лудовико тихо и спокойно слушал нравоучения отца. А в его голове при этом уже складывался образ одного из героев комедии «Кассандра», которую он тогда писал. Этот герой чертами и манерами напоминал Никколо Ариосто. Эрколе Строцци в одном из своих сонетов говорит, что Лудовико Ариосто даже на охоте, спуская собак, мысленно не переставал сочинять свои элегии. А еще ходил анекдот, что однажды начинающий поэт, даже не заметив, отправился из Феррары в Карпи в домашних туфлях. Он настолько был погружен в свое творчество, что даже величайшие события времени мало волновали его. А когда Карл VIII в 1496 году готовил новый поход на Италию, Лудовико написал оду на латыни *«Me nulla tangat cura»* («Меня не волнует») в духе Горация. *«Какое дело мне до Карла и его*

[24] Перевод Софии Пономаревой

[25] Петраркизм – течение в итальянской поэзии XVI века, породившее массу поэтов-подражателей великому Петрарке

[26] · Джозуэ Кардуччи – итальянский поэт XIX века

[27] · В 1865 году в Болонье вышел сборник книга шутливых сонетов ("Sonetti giocosi"), выпущенных Антонио да Пистола, в которую вошел и этот сонет. Его автор неизвестен.

армии? Я буду стоять в тени, слушая сладкий шум воды, наблюдая за работающими в поле крестьянами. О Филира, протяни между яркими цветами свою белую руку и сплети мне венки, наполненные музыкой твоих сладостных песен».

Смерть поэта Микеле Марулло повлияла на Лудовико больше, чем иностранное вторжение, для него это была большая трагедия. *«Не важно, кто тобой управляет. Кто бы ни стоял у власти, горечь утраты будет всегда меня преследовать»*, - пишет Ариосто.

С 1495 по 1503 год Лудовико Ариосто был полностью погружен в изучение классической поэзии. Подражая древним поэтам, он писал латинские стихи, наполненные теплотой чувств и движением души. Латинская поэзия помогала Ариосто оттачивать вкус, очищать и укреплять стиль, чего не могла дать поэзия на итальянском языке, которая, как считалось, еще не достигла совершенства – была бледной и невыразительной. Поступив на службу к Ипполиту д'Эсте, Ариосто слагал стихи в его честь, восхваляя дела милосердия и целомудрие кардинала. И в то же время он клеймил позором тех, кто покушался в Ферраре на законную власть. Так, он, напоминая своих одах события, связанные со зверским ослеплением дона Джулио, называл последнего завистливым, жадным, прелюбодеем и оправдывал своего хозяина, отдавшего приказ уничтожить брата. В глазах Ариосто кардинал д'Эсте был, скорее, жертвой, чем убийцей. Причем родство между кардиналом и Джулио он напрочь отрицал. Правду о родственных связях между своим хозяином и его братом-заговорщиком он узнал позже, и тут же появилась ода, восхвалявшая великодушие Альфонсо, который не убил братьев, покушавшихся на его жизнь, а только приговорил их к длительному тюремному заключению. Прославлял он и целомудрие Лукреции Борджиа, которая в одах поэта представлена святой женщиной.

Однако, вся эта дворцовая поэзия не раскрывает нам истинного лица ее автора. Сочиняя своих оды, Ариосто равнялся на Горация, откровенно подражая великому древнегреческому поэту. Совсем другого Ариосто мы видим в сатире к брату Галассо. В этой сатире, написанной в духе Тацита, Ариосто раскрывает всю свою душу, передает свои самые сокровенные мысли. Полный негодования, он говорит о тщеславии и распущенности прелатов, которые жаждут только мирской власти и славы, забывая о вечности. *«Что будет,* - спрашивает Ариосто, - *если один из них сядет на престол Святого Петра?»* И отвечает: *«Он тут же удалит всех своих детей, племянников, внуков из своей частной жизни. Но он даст им земли, посадит на трон. И даже если они когда-нибудь пойдут против него, он не посмеет воевать с «неверными». Все они будут пользоваться его покровительством».*

Колонну[28] *надо перебить и укротить медведя*[29]*,*
Отнять все земли – Палестрину[30]*, Тальякоццо…*[31]
И поделить между моими, право…
Да, это верное решенье…
Посмотрим… Найдем повод,
К чему придраться… А там – повесим,
Обезглавим… Потом вернем Романью,
Пройдя с победным маршем по земле,
Омытой кровью
Вассалов-христиан.[32]

---

[28] Колонна (итал. Colonna) – древний итальянский род, игравший большую роль в средневековой истории Рима. Постоянно конфликтовал с другим знаменитым родом – Орсини.

[29] Ариосто имеет в виду другой знаменитый род – Орсини, фамилия которого переводится как «медвежий» (ит. Orso – «медведь»).

[30] Палестрина (ит. Palestrina) – феодальное землевладение рода Колонна

[31] Тальякоццо (итал. Tagliacozzo) — коммуна в Италии, бывшее феодальное владение рода Орсини, перешедшее им в собственность в середине XY века.

[32] Аллюзия на войны, которые вел Чезаре Борджиа в Романье и Сенигаллии

Ну а саму Италию подарим
Испании иль Франции. А может, двум…
Пусть делят между своими
Бастардами, которым
Ведь тоже кушать надо.

Эти строки говорят о том, что Лудовико Ариосто не был сторонним наблюдателем того, что творилось вокруг него. Но, даже затрагивая политические события того времени, он, в первую очередь, был во власти Муз. У него был только один господин, которому он служил, – поэзия. Он писал и переписывал свои стихи до тех пор, пока не доводил их до совершенства.

Лудовико Ариосто не слишком возмущался испорченностью нравов в аристократической среде, не осуждал моральное разложение служителей Церкви. Но если подобного рода болезнь пыталась завлечь его в свои сети, он старался избежать ее пагубного влияния, уходил в сторону. Когда кардинал д'Эсте хотел взять с собой Ариосто в Венгрию, тот ему ответил, что у него нет желания сменить перо поэта на плетку конюха, и оставил Двор. Теперь он был полностью свободен. Никогда еще в своей жизни он так не отдавался творчеству, так не служил поэзии, как в это время. При этом он не считал себя жертвой. Лудовико был настолько простым и скромным человеком, что совершенно не страдал от недостатка материальных благ. По этому поводу он однажды заметил, что свободно мог бы родиться и жить среди людей, питающихся желудями, и от этого ничего не потерял бы. *«Все, что я хочу,* - писал он, - *так это тишины. Ни за какие богатства на свете я не променяю это состояние покоя, которое позволяет мне не только продолжать мои занятия, но и совершенствовать душу. Я не считаю себя бедным человеком, потому что у меня есть свобода. И я ни на что ее не променяю. Если мой господин пригласит кого-нибудь на мое место, я этому человеку не завидую. Я живу тихой размеренной жизнью, но когда меня позовут, я вскочу на ноги, оседлаю лошадь и помчусь туда, где я нужен»*.

Покинув Двор, Лудовико Ариосто сумел сохранить себя. Втянутый в водоворот дворцовой жизни, полной интриг, которую иногда отражал в своих сочинениях, он не был захвачен этим водоворотом. Он не совершил ни одного нечестного поступка, хотя о многом, что его волновало, он умалчивал. То ли просто не хотел говорить, то ли не успел переложить свои мысли на бумагу. Поэтому поэтическое наследие Лудовико Ариосто небогато.

Лудовико горячо любил своих родителей, но в личной жизни ему не везло до тех пор, пока он не встретил Алессандру Бенуччи, которой он оставался верен до конца своей жизни. Это был тайный и неофициальный брак, но так нужно было Алессандре, которая не хотела терять своих прав на семейное наследство.[33] Наконец-то бывший придворный поэт обрел счастье. Теперь у него был небольшой собственный домик с кабинетом и садом, а рядом – муза, хотя он ни разу не упоминает свою возлюбленную в своих сочинениях. Сын Лудовико Ариосто, Вирджинио, писал, что его отец в саду работал с не меньшим удовольствием, чем в кабинете, когда писал стихи. Он постоянно сажал какие-либо растения, возделывал сад. Бросив в землю персиковые косточки или семена какой-либо овощной культуры, он несколько раз на дню проверял, как они всходят, культивировал и поливал побеги. "Я помню, как он, посеяв, каждый день ходил к ним, а когда они взошли, радовался как ребенок. А потом он обнаружил, что некоторые семена не взошли. Оказалось, что он по ошибке вместе с каперсами посадил семена бузины. Как он тогда расстроился!".

Но человеку с таким деятельным характером, каким был Лудовико Ариосто, трудно изолировать себя от мира. Он должен быть полезным обществу. Поэтому в один момент поэт оставил затворнический образ жизни и снова оказался среди людей. Вначале Лудовико поступил на дипломатическую службу, где хорошо проявил себя, выполнив ряд дипломатических миссий в Риме и других городах. Потом он был назначен на должность губернатора провинции

[33] Речь идет о наследстве ее покойного мужа

Гарфаньяна. На этом посту он работал довольно активно, хотя трудностей было немало. Дружеские отношения у Ариосто с кардиналом Ипполито возобновились. Он часто сопровождал кардинала, который охотно брал поэта не только на охоту или в путешествия, но и в военные походы. Говорят, что в 1510 году, во время сражения у Полизеллы, Лудовико удалось захватить судно венецианцев и тем самым обеспечить победу герцогу. Участие Ариосто в светских и военных мероприятиях не прошло даром для поэта, который все увиденное и услышанное запечатлел на страницах своих произведений. И великолепное описание природы, и сложность характеров действующих лиц заимствованы Ариосто из реалий того времени.

До 1503 года Лудовико Ариосто писал только стихи и только на латинском языке. Но вдруг он решает взяться за более серьезный труд и задумывает эпическую поэму «Неистовый Орланд». Бросив все другие дела, он тут же сел за изучение древних источников, которое продолжалось несколько лет. К тому времени он уже приобрел элегантность слога, трезвость ума, чувство собственного достоинства, крепость духа, не потеряв при этом простоты и естественности изложения мыслей, что было свойственно его латинской поэзии.

В процессе работы над поэмой полностью сформировался, укрепился и окреп гений Ариосто. Поэт настойчиво и упорно изучает исторический материал, много раз исправляет и переделывает текст, добиваясь особенного звучания строф. Но для него главным было не только достичь изысканнооости речи, но и показать искренность чувств своих героев. Реализовать это ему помогла латинская поэзия, мощь и энергия которой проникла в молодую итальянскую поэзию того времени, отличающуюся нежностью и изяществом. В своей поэме Лудовико Ариосто гармонично соединил дух античности и стихийное начало своей эпохи, эпохи Ренессанса, что до него удалось сделать Рафаэлю в его знаменитых фресках «Триумф Галатеи». «Афинская школа» и «Парнас».

Эпическая поэма «Неистовый Роланд», по сути дела, является продолжением и развитием поэмы Маттео Боярда «Влюбленный Роланд». Но композиция поэмы, ее необычный материал, взятый из редких источников, характеры, а также ирония (хотя, может, это и не ирония вовсе, как считают некоторые литературные критики) представляют большую ценность и для истории, и для литературы, на чем мы сейчас остановимся.

Мы должны заметить, что самобытность эпической поэмы «Неистовый Роланд» проявляется, прежде всего, в новой поэтической форме, созданной автором этого шедевра. Давайте откроем наугад книгу, при этом не поставим перед собой цель дочитать ее до конца. Хочется просто насладимся чтением, для чего достаточно прочитать небольшой фрагмент произведения.

Прочитаем эпизод, рассказывающий о пребывании Клоридана и Медора во вражеском лагере. Их отношения показывают, что такое настоящая дружба, они до самозабвения преданы друг другу. И еще Медор с большим мужеством защищает своего короля, которому он верен, как пишет автор, «и в жизни, и в смерти».

Так медведица,
В скальном логове поднятая ловчими,
Вставши над детенышами,
Рвется ревом меж любовью и яростью…[34]

Медор схвачен. Зербин в ярости. Он не видит руки Клоридана, которая бросает стрелы в сторону врагов, плениших Медора. И тогда он

Золотые кудри
Сильной ухватывает рукою;
Но взглянул в его светлое лицо,

[34] Ариосто Л. Неистовый Роланд. Гл. XIX, ст. 7. Перевод М.Л. Гаспарова

И вошла в него жалость и пощада.[35]

И пока нас переполняет буря эмоций, поэт вновь седлает крылатого коня своей фантазии и переносит нас в хижину, где раненый Медор наслаждается любовью прекрасной Анжелики.

Пролистывая страницы поэмы, мы путешествуем вместе с героями Ариосто, наслаждаемся картинами, созданными воображением автора. И даже герои, с которыми мы уже встречались, события, о которых шла речь раньше, вдруг предстают перед нами в совершенно ином образе. Герои предстают перед нами такими же молодыми и прекрасными, в расцвете сил, какими они были много лет назад. И кажется, что мы присутствуем при новом рождении мира, который только что вышел из хаоса. Роза, о которой там много говорили поэты различных школ, так много о ней писали, сделав этот цветок бессмертным символом поэзии, вновь раскрылась и наполнила мир своим благоуханием.

Нежный ветер и роса рассвета
И земля и влага к ней благосклонны.[36]

Лошади, рыцари, прекрасные дамы – то попавшие в плен темной чащи леса и сбившиеся с пути, то оказавшиеся в лапах сильной бури, то вдруг перенесшиеся силой мысли автора в дальние страны – чередой проходят перед нами – такие живые, настоящие, и в то же время напоминающие существ из иного мира, нам недоступного.

Читая и перечитывая эту поэму, мы переносимся в виллу Фарнезина и в лоджии Ватикана, к фрескам Рафаэля, где мы видим, как Галатея, Психея, философы афинской школы, обитатели Парнаса отрываются от стен и приближаются к нам. Они дышат нам в лицо, смеются, словно наши старые знакомые. Таковы и герои Лудовико Ариосто, сходящие со страниц его знаменитой поэмы.

В поэме «Неистовый Роланд», как и во фресках Рафаэля, как в зеркале, отражается весь XVI век со всем его великолепием: вся его внешняя и внутренняя жизнь, моральные критерии и эстетические установки. Мы смотрим в это зеркало, и нам открывается «лицо» этого века, его очертания, формы. Этот век напоминает разноцветный витраж, поражающий нас буйством красок. После выхода в свет «Неистового Роланда», в котором автор показал всю силу, энергию, богатство, бесконечное многообразие человеческого характера, начинается упадок рыцарской поэмы, этот жанр остается в прошлом.

Интересно проследить, как в первые два десятилетия XVI века создавалось не только новое искусство, но и новая литература. Не только шедевры итальянских живописцев, скульпторов, архитекторов, но и произведения литературы, появившиеся в то время, говорят нам о том, как формировалось мировоззрение их авторов, как зрела их мысль, развивалась культура. Именно в эту эпоху, когда еще только всходила звезда Франческо Гвиччардини, под занавес жизни создавшего свою великую «Историю Италии», Никколо Макиавелли, пишет работы, по которым уже можно судить о гении их автора. Выходят в свет некоторые из его «Дипломатических миссий» (“Legazioni”), «История Флоренции» (“Storia Fiorentina”), хотя многие из трудов Макиавелли, которых достаточно для того, чтобы обеспечить автору бессмертную славу, долго не были опубликованы. Но именно в этих, неопубликованных, произведениях мыслитель дает нам представление о характере, системе взглядов, ценностных установках Гвиччардини, также принадлежавшего к плеяде тех великих мужей, которые создавали образ итальянского Возрождения.

На страницах этой книги Гвиччардини появится еще не раз. Но сейчас настал момент сказать пару слов об этом сыне своего времени, хотя он пока еще находится в тени своего великого современника. На помощь нам придут автобиографические заметки самого Гвиччардини и воспоминания тех, кто связан с ним кровными узами, хотя, к сожалению, они дают фраг-

[35] Ариосто Л. Неистовый Роланд. Гл. XIX, ст. 10. Перевод М.Л. Гаспарова

[36] Перевод М.Л. Гаспарова

ментарные сведения о личности этого историка и политика и касаются, в основном, раннего периода его жизни и деятельности.

Франческо Гвиччардини принадлежал к древнему флорентийскому роду. Большинство его предков были людьми деятельными и умными и в то же время – жизнерадостными, любвеобильными, довольно амбициозными и эгоистичными. О таких говорят: «Свое не упустит». Гвиччардини сам рассказывает, что у мессера Луиджи, брата его дяди, бывшего много раз гонфалоньером Республики, было четыре жены, и он так любил женщин, что даже в старости ухлестывал за служанками, останавливая их на каждом шагу. Из законных детей у него не было ни одного сына, но одна рабыня[37] все же родила ему отпрыска, которому отец оставил довольно внушительное состояние и который впоследствии стал епископом Кортоны. Этот единственный его сын был весь в отца – слишком охоч до женского пола, до старости волочился за юбками. Он также любил вкусно поесть, в чем не уступал другим флорентийским священникам, которые, лежа на диване, думали только о том, что будет сегодня на обед.

Дед Гвиччардини, мессер Якопо, тоже вел беспутный образ жизни и был предан чревоугодию. Человеком он был малограмотным, но достаточно предусмотрительным и смелым. Ярый приверженец дома Медичи, Якопо, несмотря на полное отсутствие у него какого-либо образования, держал в своих руках всех государственных служащих и должностных лиц Флорентийской республики, управляя канцеляриями, чинами и званиями. Будучи гонфалоньером, он, чтобы угодить Медичи, провел закон о завещаниях, хотя понимал всю его несправедливость, что в конечном счете может привести к недовольству масс. Так впоследствии и случилось: в 1478 году этот закон спровоцировал заговор Пацци. Но именно Якопо Гвиччардини успокаивал народ, когда Лоренцо Медичи отправился в Неаполь, чтобы предотвратить войну, которая могла начаться в результате этого заговора. Его сын Пьеро, отец нашего историка, имел уже неплохое образование. Он знал латинский, греческий, был знаком с философией и, конечно же, занимался политикой. Периодически осваивая то одну, то другую должность в государственных структурах Флоренции. Пьеро был страстным почитателем Савонаролы, проповеди которого он не только слушал, затаив дыхание, но и записывал. С Содерини он дружбы не водил, но приверженцем Медичи оставался до конца своих дней, что, впрочем, было свойственно всем членам его рода. Что касается человеческих качеств Пьеро Гвиччардини, то все отмечали его честность, доброту и отзывчивость, что выражалось в его сострадании к бедным. Обладая ровным, спокойным характером, Гвиччардини-старший всегда помогал людям не только словом, но и делом. Его сын Франческо оставил много положительных отзывов об отце. Однако, чрезмерную сдержанность своего предка он не приветствовал, считая, что отцу недоставало эмоциональности и более яркого выражения своих чувств.

Франческо Гвиччардини, который родился в 1482 году, соединил в себе благоразумие отца и кипучую энергию деда, опережая обоих в интеллектуальном развитии и целеустремленности. Жил он скромно, не считал себя выше других, но в то же время отличался честолюбием и тщеславием, что заставляло его рваться к власти. Достаточно эгоистичный, Франческо очень любил деньги, хотя никогда незаконно их себе не присваивал, считая, что у человека всегда должны быть чистые руки. Впрочем, у всех Гвиччардини на этот счет была безупречная репутация. У Франческо была невероятная тяга к знаниям. Он выучил латинский, взялся за математику, хотя здесь его способностей хватило только лишь на то, чтобы освоить элементарные понятия. Потом он вернулся к греческому языку, который, как он сам говорил, слегка подзабыл. Кстати, многие писатели того времени, среди которых, например, Ариосто и Маккиавелли, когда-то занимались греческим языком, но потом его забросили и уже не возвращались

[37] Рабство, хотя и было давно отменено в Италии, по крайней мере, во Флоренции, в некоторых регионах еще сохранился этот варварский обычай. Рабынь, как правило, привозили из восточных стран.

к нему. Гвиччардини же, спустя время, решил восполнить этот пробел. В 1498 году, когда был сожжен Савонарола, Франческо Гвиччардини было шестнадцать лет. Тогда он начал изучать римское и гражданское право – сначала в родном городе, потом, с 1500 по 1505 года, в Ферраре и Падуе, где также взялся за каноническое право. В те годы во Флоренции была нестабильная политическая обстановка, и отец решил отправить сына в Феррару, что обошлось ему в 2000 скудо (большая сумма для того времени). Там, по крайней мере, Франческо был в безопасности. И тот, несмотря на свой юный возраст, оправдал надежды своего родителя. Но не потому, что всегда был рассудительным ребенком. Просто между отцом и сыном всегда существовали доверительные отношения, и Франческо не хотел подвести отца, который возлагал на него большие надежды. Но когда Гвиччардини-младший учился в Ферраре, тяжело заболел его дядя – епископ Кортоны, который вскоре, в 1503 году, умер. Франческо, как он сам позже напишет в своих воспоминаниях, тогда решил бросить учебу и стать священником. Молодой человек собирался попросить своего дядю-епископа, собиравшегося оставить кафедру, передать ему свои бенефиции. При этом, как он пишет в своих «Воспоминаниях», это решение было продиктовано не склонностью к религиозной жизни и не желанием иметь крупные доходы, подобно большей части духовных лиц, а тем, что он хотел попробовать себя на ином поприще и преуспеть на нем, став, возможно, даже кардиналом. Этот фрагмент биографии Франческо Гвиччардини уже в полной мере раскрывает не только положительные, но и отрицательные черты характера будущего историка. К счастью, Пьеро Гвиччардини, у которого тогда уже было пять детей, не поддержал идею сына стать священнослужителем. Он вообще не хотел иметь у себя в семье служителей Церкви, потому что считал их «погрязшими во зле».

Наступила эпоха Алессандро Боржиа. Франческо Гвиччардини, закончив университет, приехал во Флоренцию, где он должен был преподавать право. Вскоре он получил степень доктора и стал одним из ведущих профессоров Студио. Однако, в 1506 году, он прекратил чтение лекций и решил заняться адвокатской практикой. В это же время будущий историк задумался о женитьбе. Его избранницей стала Мария Сальвиати, с которой он обвенчался в 1508 году.

Отец Франческо был против этого брака и не только потому, что хотел для сына невесту с большим приданым. Он просто не видел смысла в том, чтобы породниться с семьей Сальвиати, которая слишком любила роскошь и очень недолюбливала гонфалоньера Содерини, более того, враждовала с ним. *«Я думал,* - писал он, - *что деньги не делают чести человеку, что не важно, сколько у него в кармане монет. Для меня смысл этого брака заключался в другом. Я надеялся, что мой тесть, благодаря своим связям и огромному авторитету, поможет мне продвинуться по карьерной лестнице»*. И действительно, дела Франческо Гвиччардини пошли в гору. Он сразу же получил несколько ответственных заданий, выполнение которых сулило деньги, почет и уважение.

В это же самое время, т.е. в год женитьбы на Марии Сальвиати, Франческо Гвиччардини решает заняться творчеством и 13 апреля 1508 года садится на первую свою книгу – «Автобиографические заметки» («Bicordi autobiografici»). Почти одновременно он начинает работать над «Историей Флоренции». Последняя к февралю 1509 года была написана более, чем наполовину. Из этих двух произведений первый труд, как долгое время считалось, не представляет особой ценности – ни литературной, ни исторической. Гвиччардини сам это понял и вскоре прервал работу над ним, всецело посвятив себя «Истории Флоренции». А «Автобиографические заметки» так и осталась неоконченными, представляя собой серию разрозненных записок и фрагментов воспоминаний из жизни автора и его рода. Но тем не менее созидательный дух и желание создания психологического портрета своего современника, которыми был пропитан весь XVI век, проникло и на страницы этой семейной хроники. Позже, в более зрелых произведениях Гвиччардини, именно эти особенности будут доминировать. В «Автобиографических заметках» присутствуют простота повествования, искренность и непосредственность подачи

материала, т.е. то, чего так не будет хватать «Истории Флоренции». Можно подумать, что на подобную летопись автора толкнуло желание избежать пересудов и сплетен, которые окружали семью Гвиччардини, хотя и он сам, как мы видим, говорит о себе самом и о своих предках не только равнодушно и хладнокровно, но и с известной долей цинизма, словно об исторических персонажах или художественных образах. «Историю Флоренции», начинающуюся с повествования о Козимо и Лоренцо Медичи и завершающуюся битвой при Гьяра д'Адда, в которой 14 марта 1509 года французы победили венецианцев, можно, напротив, назвать исторической летописью, в которой отразился взгляд Гвиччардини как на современные автору, так и на далеко отстоящие от него по времени события и факты. В этом труде четко представлено формирование Флорентийской республики в исторической ретроспективе. В ней автор анализирует политические явления, исходя из хронологии событий, выделяя наиболее значимое событие того или иного периода, учитывая при этом его влияние на всю последующую историю. Но делает он это незаметно, так, что читатель просто не замечает участие автора в водовороте истории. Событийный материал книги разделен на главы, в зависимости от характера предмета и представленных фактов, которые даются в хронологическом порядке. Проницательность, с которой Гвиччардини вырисовывает характеры исторических лиц, выявление причин появления политических партий и глубокий анализ их преемственности, описание кипящих вокруг политических событий страстей и критика в адрес Медичи, устроивших суд над Савонаролой, в сочетании с исторической точностью и объективным подходом к историческим фактам, поистине делают труд итальянского историка непревзойденным историческим документом, который и по сей день не потерял своей ценности. В «Истории Флоренции» Гвиччардини повествует нам об исторических событиях своего времени не только с позиций стороннего наблюдателя, но и руководствуется рассказами очевидцев, а также архивными документами, позволяющими ему с исторической точностью излагать законы, суть реформ и дипломатических миссий Флорентийской республики. Франческо Гвиччардини не затрагивает подробнейшим образом, как в «Истории Италии», все, давние и недавние, события, оказавшие влияние на становление и развитие Республики. Он выбирает наиболее значимые из них, связывая дипломатические ходы и политические интриги своего времени с фрагментами собственной биографии, а также давая им эмоциональную оценку. то ранняя работа Гвиччардини является не только самым первым примером описания гражданского общества. Ее можно назвать и самым ярким примером новой итальянской прозы. Гвиччардини старался излагать свои мысли простым и ясным литературным языком, избегая как латинских оборотов и слишком витиеватых фраз, так и разговорной речи. Важно также отметить, что Гвиччардини, который никогда не писал ни стихов, ни драм, ни комедий, в «Истории Флоренции» не прибегает к художественному вымыслу, как это часто делает Макиавелли. Вообще в творческом наследии Гвиччардини мы не найдем ни созданных его воображением теорий справедливого общества, ни идеальных проектов, далеких от реальности. Поэтому можно сказать, что «История Флоренции», написанная Франческо Гвиччардини, с точки зрения объективности представленных в ней фактов выше рангом «Истории Флоренции» Никколо Макиавелли, несмотря на глубокое уважение к последнему. Правда, в наше время это произведение вряд ли можно причислить к шедеврам мировой литературы, но тогда, в ту эпоху, оно поразило своих читателей ярко созданной писателем картиной прошлого и настоящего Флорентийской Республики, которая ему удалась, благодаря глубокому знанию как общества, в котором ему довелось жить, так и человека, являющегося частью этого общества. Да, «История Флоренции» Франческо Гвиччардини в корне отличается от «Истории Флоренции» Никколо Макиавелли. Однако, несмотря на значительные расхождения, которые затрагивают, в первую очередь, форму подачи материала, между этими произведениями все же существует определенная взаимосвязь. В этом ничего удивительного нет, поскольку объединяет этих двух гениев не только творческий подход к созданию летописи

своего родного края, но и особенности национального мышления, что было свойственно всем личностям той великой эпохи.

Глава X

Макиавелли занимается ополчением. – Поездка Макиавелли в Сиену. – Письма друзей и комиссаров омолчения Макиавелли. – Политическая обстановка в Европе. – Подготовка Максимилиана I к завоеванию Италии с целью получения короны Священной Римской империи. – Дипломатическая миссия ко двору Императора. – Сочинения Макиавелли о Германии и Франции.

В течение двух лет (1506 – 1507 гг.) время Никколо Макиавелли было расписано по минутам: он формировал ополчение. Вся организация ополчения упала на его плечи, но он с радостью и большим рвением взялся за это порученное ему дело. Каждый день он рассылал письма мэрам городов, в которых содержались подробные инструкции, касающиеся того, как организовывать набор добровольцев, как поднимать боевой дух солдат и проводить строевую подготовку, где найти денежные средства, необходимые для обучения военному делу новобранцев. Кроме различных предписаний, он еще отправлял оружие. Когда Макиавелли сообщали о беспорядках на улицах городов Республики, он решал, какие принять меры, чтобы успокоить бунтующих. Если ситуация выходила из-под контроля, то на помощь Макиавелли приходил дон Микеле[38] вместе со своими головорезами, который разговаривал с бунтовщиками с позиции силы. Правда, своими жестокими методами дон Микеле не подавлял восстания, а, скорее, наоборот, провоцировал новые бунты. Это навело Макиавелли на мысль, что такая мера усмирения людей бездейственна и что нужно решать подобную проблему как-то по-другому. Свои соображения на этот счет он изложил «Совету Девяти»,[39] секретарем которого являлся, но члены Совета дали Макиавелли полную свободу в принятии решений, возложив на него всю ответственность. Отметим, что Макиавелли в дни получал много писем как от своих друзей, так и от комиссаров ополчения, на которые регулярно отвечал. Эти письма и по сей день хранятся в итальянских архивах. Процитируем некоторые из этих писем, в которых наиболее ярко проявляется «дух эпохи». Первые два письма принадлежат комиссарам ополчения, третье письмо - от друга Никколо, Бьяджо Буонаккорси.

Письмо от Алессадро Нази, генерального секретаря ополчения:

30 июля 1507 года

Милый Макиавелли, какое счастье, что ты наконец-то оправился. Из твоего послания от 28 числа сего месяца я узнал много нового и интересного, но, в силу нехватки времени и бумаги, я не буду на него отвечать. Но я очень рад, что теперь, когда хворь от тебя отступила, ты послал к черту дипломатическую миссию ко двору императора. Я думаю, что сейчас для тебя было бы лучше оказаться во Флоренции, чем в Германии. Ну об этом мы поговорим при встрече.

В конце концов, все когда-либо заканчивается. Мы часто напоминаем детей, которых родители вначале балуют, покупая дорогие игрушки, а потом лишают их всего. Тем не менее, те, которых не испортил свет, оказываются на лицевой стороне монеты. Это лучшая часть нашего общества, разумно поступающая во всех случаях жизни и всегда принимающая взвешенные решения. При этом не играет роли, богат ли человек или беден, высокое ли он положение занимает или низкое. Есть люди, которые часто трактуют события в противопо-

[38] Речь идет об испанском кондотьере и профессиональном убийце Микелетто Корелья, который приобрёл известность на службе у Чезаре Борджиа, устраняя неугодных ему людей

[39] Комиссия в составе девяти человек по делам флорентийского ополчения (Nove ufficiali dell'ordinanza e milizia fiorentina), орган, руководивший национальной армией Флоренции в мирное время.

ложном, чаще всего, черном, свете, передергивают факты. Думаю, то знал таких людей да и сейчас знаком с некоторыми из них. Но в любую погоду – дождь ли, холод – тебе всегда окажут поддержку Алессандро и Бьяджо[40]*. И если бы ты иногда писал им, это не было бы смертельным грехом*

Nec alia.[41]

Письмо от Филиппо Казавекья, комиссара ополчения[42]

30 июля 1507 года

Я вас выслушал, послушайте и меня. Когда-то я думал, что три человека из вашего окружения станут моей правой рукой и опорой всей моей жизни и помогут разрешить мне все мои сомнения. Но время меня ставит перед фактом и говорит, что я заблуждался. Оно заставляет меня заглянуть в прошлое, перенестись в него, словно для этой цели мне предоставили машину, летящую по небу, где мириады звезд указывают мне путь. Вы хорошо знаете, что время до неузнаваемости меняет друзей, которые с пустя годы могут стать полной противоположностью самих себя. Дружба, как и человек, проходит разные стадии развития – вначале детство, потом юность. И, как человек, дружба меняет свою внешность, свой характер, она снимает с себя старые одежды и облачается в новые. В зрелом возрасте у дружбы начинаются серьезные испытания. Тот, который впадает в удручающую, отвратительную нищету, вызывающую негодование, со временем может стать заклятым другом. Вы знаете, что дружба неоднократно становилась причиной падения богатого и величественного Рима. Достаточно вспомнить Коллатина и сына Секста Тарвиния, дружба между которыми переросла во вражду, приведшую к разрушению устоявшейся формы власти. [43] *Можно вспомнить также, чем кончились не просто дружеские, но братские отношения между Юлием Цезарем и Помпеем. А триумвират Марка Антония, Октавиана и Лепида, который погубил не только их родину, Великий Рим, но и вверг в пучину бед чуть ли не весь шар земной?*[44] *Если бы мне позволяло время, я бы привел еще несколько примеров из еврейской, греческой и латинской истории. Они, как мне представляется более яркие, более поучительные, чем случаи, взятые из нашей жизни. Оглядываясь в прошлое, мы видим весь трагический путь нашей родины, все ее падения, чувствуем все ее муки. Но этот путь, к сожалению, не окончился с уходом античности. Где, скажите, былая привязанность друг к другу Диетисальви и Пьеро ди Козимо*[45] *и дружба фра Джулиано*[46] *и Франческо де Пацци*[47]*? Можно продолжать бесконечно долго.*

---

[40] Автор письма имеет в виду себя и Бьяджо Буонакорси

[41] Лат. Ты не один

[42] Друг Макиавелли. Первый, кому он дал прочитать своего “Государя» сразу же после того, как трактат был написан. Филиппо Казавекья часто упоминается в письмах Макиавелли к Франческо Веттори.

[43] В 509 году до н. э. на пиру у старшего сына седьмого и последнего царя Рима Секста Тарквиния произошел спор о достоинствах жен пирующих. На этом пиру присутствовал Луций Тарквиний Коллатин, древнеримский военачальник и политический деятель, которого с Секстом Тарквинием связывало не только родство, но и тесная дружба. Спор закончился тем, что участники пира вскочили на коней и отправились по очереди в дом каждого. Они увидели, что почти все жены спорщиков занимаются праздным времяпрепровождением и только одна женщина, жена Коллатина, которую звали Лукрецией, работает. И тогда Секст решил опорочить ее честное имя. Следующей ночью он пробрался в дом друга и, угрожая женщине оружием, обесчестил ее, после чего скрылся. Лукреция рассказала все мужу, а затем покончила с собой. После этого случая в Риме начался бунт против царской власти, который закончился тем, что была установлена республиканская форма правления.

[44] В октябре 43 г. до н. э. Марк Антоний, Октавиан Август и Марк Эмилий Лепид объединились против убийц Юлия Цезаря, Брута и Кассия, и заключили между собой соглашение, известное под названием второго триумвирата. Однако этот союз просуществовал недолго. Его распад в 31 г. до н. э. к кровопролитной гражданской войне

[45] Автор письма упоминает двух итальянских художников – Диетисальви ди Спеме и Пьеро ди Козимо, однако, он допускает хронологическую неточность: первый живописец жил в XIII веке, второй – в XIV веке.

[46] Речь идет о втором сыне Пьеро Медичи, который был соправителем своего брата Лоренцо Великолепного. Джулиано был убит во время заговора Пацци во время пасхальной мессы в соборе Санта-Мария-дель-Фьоре во Флоренции 26 апреля 1478 года.

[47] Организатор заговора против Лоренцо Великолепного, во время которого был убит фра Джулиано.

Но, читая это письмо, вы можете мне возразить. И я уже слышу ваш ответ: Стоп! Но ведь можно привести примеры, когда дружба продолжалась, несмотря на события, которые, исходя из логики, должны были прекратить эту дружбу. И я вам отвечу: такое случается крайне редко. Каждый день тесная дружба величайших людей своего времени разрушает города. Поэтому я прошу всех тех, кто дорожит дружбой, выработать в себе сдержанность и учтивость по отношению к своим друзьям и стараться избегать зависти и подозрительности, распространенных именно в городах.

Но чтобы это мое письмо не превратилось в длинную и скучную проповедь, я его закончу на другой ноте. Наберитесь терпения и не питайте иллюзий относительно триумфа Германии. И еще я вас прошу: не избегайте нашего славного гонфалоньера[48]*, когда попадаетесь ему на глаза, и не держите на него зла. Оставайтесь с Богом и будьте счастливы. Но когда вам будет трудно, обращайтесь за помощью к Паоло, Джованбатисте, Луиджи, Томмазо дель Бене. В их лице вы найдете верных друзей.*

Письмо от Бьяджо Буонакорси, друга Никколо Макиавелли

20 февраля 1509 года

Ваше великолепие капитан-генерал ну и тому подобное! Я не буду тебе больше писать, пока ты не сообщишь мне, получил ли ты то, что я тебе отправил.[49]

Папа нанял швейцарцев. Он начинает изрядно тратиться, во всяком случае, он запалил фитиль. Венецианцы, кстати, делают то же самое, а еще служат мессы, усердно молятся. Они отправили к тебе Тарлатино и Ромео. Посмотри, где они обосновались и как у них обстоят дела. Император, как говорят последние письма из Франции, кажется, не намерен провести этот год в Италии, но он собирает армию и ищет деньги. Но об этом с тобой можно не говорить, ты все это знаешь лучше меня. Испания, как я уже говорил, посылает в Апулию людей и артиллерию. Она намерена там закрепиться. Посмотрим, что будет дальше. Хотя не следует ни о чем думать, пока мы не завершили дело с Пизой. Нужно с ней покончить, несмотря ни на что. Четыре дня уже как построен мост, пора действовать. Не зря ведь Антонио да Сангалло с таким количеством рабочих создавал это сооружение. Да и столько древесины и прочего материала на него ушло. Но необходимо позаботиться о подготовке войска, которое будет переходить реку, чтобы солдаты и офицеры были подготовлены, а то воды Арно могут сыграть злую шутку. Кстати, вновь поднялся ветер, в последние дни потерявший свою силу. Стихия не утихает, ветра будут еще долго сменять друг друга. Как и пустая болтовня…[50] *Комиссар Кашины пишет, что эти несчастные болтуны, во главе которых стоит предатель-изменник, подарили врагам 13 лошадей, а многих солдат потеряли, из которых 5 человек попали в плен. Это заставило их закрыть свои глотки и протрезветь. Они, наконец-то поняли, что невозможно усидеть на двух стульях и стали вести себя как подобает. Теперь они просят выкупить всеми правдами и неправдами пленников и предостерегают тех, кто ищет приключений на свою голову, от необдуманного шага.*

Напиши Никколо Каппони, который все ворчит и жалуется на судьбу. От него самого мы вряд ли весточки дождемся. И скажи этому господину Батальону не пороть горячки. Поспешишь – людей насмешишь. Напомни им, что, прежде чем идти на пролом, нужно подготовиться. И организуй мне встречу с Бальдовино. Желательно, чтобы она состоялась в этот пост. Да и вообще я жажду твоего совета.

---

[48] Имеется в виду Пьеро Содерини

[49] Речь идет о новой одежде, которую должен был заказать Бьяджо для своего друга

[50] Здесь и в конце письма Филиппо намекает на недругов Макиавелли, о которых он говорил еще в послании от 28 декабря 1508 года. Мы цитируем это письмо в XII главе данного тома.

Но вернемся к активной деятельности Никколо Макиавелли, который, формируя ополчение, не сидел на месте. За это время он объехал всю территорию республики, чтобы лично удостовериться в трудностях, с которыми, как писали ему комиссары, сталкивались рекруты-пехотинцы. Он лично назначал капитанов рот, а потом их списки отправлял во Флоренцию, где они были официально утверждены «как избранные и проверенные лица».[51] В качестве эксперимента было решено отправить несколько сот пехотинцев в лагерь под Пизой, куда Десятка и Синьория послали и Макиавелли проводить работу среди новобранцев. Но как только солдаты научились владеть оружием, сюда прибыли агенты наемных войск, обладающие широкими полномочиями, и разрешили солдатам покинуть лагерь. Таким образом, все старания Макиавелли, все его хлопоты по организации лагеря, на которые он положил столько сил, закончились ничем.

Итак, у Никколо Макиавелли было много дел. Он выполнял не только военные, но и дипломатические поручения, многие из которых были повышенной важности, поскольку гонфалоньер Содерини ему очень доверял. В августе 1507 года Макиавелли был отправлен в Сиену, чтобы разузнать, кто сопровождает Бернардино Карвахаля, кардинала-священника церкви Санта-Кроче, которого папа направил навстречу Максимилиану, предполагая, что тот собирается в Рим за императорской короной[52], и какой прием ему оказан. Макиавелли должен был выяснить у приближен ных кардинала, что представляет из себя император Максимилиан и каковы его истинные намерения.[53] И вот секретарь Флорентийской республики уже находится в Сиене и шлет отчеты, информируя правительство о том, что вместе с кардиналом в Сиену прибыли 110 лошадей, 30 или 40 мулов, и о том, как добрые сиенцы несли кардиналу на обед молодых бычков, барашков, гусей, голубей, диких уток, свежие дыни и фляги с вином.[54] В одном письме он сообщает, что, по слухам, Пандольфо Петруччи очень недоволен приездом императора, считая, что только пизанцам его приезд на пользу, хотя он делает вид, что с нетерпением ждет Максимилиана. Кардиналу же, который, как уже говорилось, поехал ему навстречу, было поручено отговорить императора от этой поездки, в связи с чем у Карвахаля была достигнута договоренность с одним немецким кардиналом о том, чтобы короновать Максимилиана где угодно, но только не в Италии. Новостей, которые Маккиавелли передавал правительству Флорентийской Республики, было немного и по ним нельзя выявить полную картину политической обстановки. Но даже эти скудные и малозначительные сведения были получены не «от третьих лиц», а были основаны на фактах.

Поездка императора держала всех в Италии в подвешенном состоянии, хотя во Флоренции о ней много не говорили. Поэтому Макиавелли вскоре с еще одной дипломатической миссией покинул пределы страны. Отправляясь в путь, секретарь не только знал, что, где бы ни проходил император, он требовал больших финансовых вливаний в свою казну. Макиавелли видел политическую напряженность в Европе и понимал, что даже одна незначительная ошибка, один неправильно сделанный шаг могут привести к серьезным и непредсказуемым последствиям.

Смерть королевы Изабеллы и подъем Кастилии, благодаря эрцгерцогу Филиппу и его жене Хуане, дочери и законной наследнице королевы, заставили Фердинанда Арагонского следовать более осторожной и менее агрессивной политике. Поэтому Максимилиан отправляется

---

[51] С ноября 1508 по февраль 1509 года Макиавелли назначил 584 капитана.

[52] Максимилиан I не был коронован, хотя и носил титул «короля Римской Империи». Позже он был провозглашен императором, но только в Германском Королевстве. Таким образом, его называли то «королем», то «императором».

[53] В «Сочинениях» Н. Макиавелли есть письмо Десятки от 18 мая 1507 года, где от него требуют отправиться в Пьомбино, чтобы продемонстрировать знак дружбы «тем синьорам, которые входят в пизанское общество, из чего можно извлечь определенную выгоду». Но, прибыв в Вольтерру 20 мая, Макиавелли получил другое письмо (Carte Machiavelli, cass. IV, n. 141), в котором его настоятельно просили вернуться обратно, поскольку порученное ему дело «не имеет смысла».

[54] Письма от 10, 12 и 14 августа 1507 года

вначале во Францию, чтобы заключить перемирие. В октябре 1505 года он подписывает в Блуа договор о мире и дружбе с королем Людовиком XII и уезжает в Италию, чтобы на месте определиться с положением дел. Последовавшая затем смерть эрцгерцога, безумие Хуаны и, как следствие, управление Кастилией, доверенное Фердинанду, успокоили Максимилиана и заставили его уехать домой. Хуана и Фердинанд могли бы обратиться за помощью к «Великому капитану» Гонсало[55], но он находился на покое, куда его отправил новый правитель. Фердинанд опасался популярности этого военачальника, относился к нему с подозрительностью, хотя, скорее всего, это была обыкновенная ревность. Во всей Испании трудно было найти лучшего профессионала в военном деле. Под командованием Гонсало испанские войска одержали не один десяток славных побед. Теперь же он был не у дел. Такое положение дел было на руку Франции, которая становилась могущественной и влиятельной державой, благодаря сильной армии. Захватническая политика Франции стала причиной яростного мятежа, произошедшего в Генуе, которая была взята войсками Людовика XII в самом начале 1507 года. Это восстание было жестоко подавлено.

Притязания Франции на мировое господство привели к тому, что на авансцене театра военных действий появилась фигура Максимилиана I, еще одного соперника Франции, который руководил слабой и политически нестабильной страной, доведенной до крайности волнениями и беспорядками. Он позиционировал себя как император Священной Римской Империи, которая теперь не имела вселенского статуса, а трансформировалась в Священную Римскую Империю германской нации, расширенной за счет некоторых других государств. Однако, на Италию, Испанию, Францию и даже на Англию влияние Империи, ее власть и сила не распространялись, напротив, эти страны были опасными соперниками для нее. Но и у тех государств и городов, которые входили в Священную Римскую империю, также был силен дух независимости. Их монархи и епископы ставили под сомнение авторитет Максимилиана, который управлял только эрцгерцогством Австрии, Эльзасом, Щвабией и некоторыми другими феодальными образованиями, которых все же недостаточно, чтобы считаться императором Священной Римской империи. Германия, где очень силен дух нации, – та Германия, которая, используя свои властные полномочия, объединила разбросанные «осколки» земель некогда могущественной Римской империи, конечно, могла бы поддержать поборника единства этой Империи. Но было одно обстоятельство. Максимилиан хотел, чтобы созданная им Империя обслуживала интересы Гамбургов. Для этой цели был создан подчиненный ему Совет. Однако, патриоты Германии считали, что власть должна быть сосредоточена в руках олигархии, управляющей не только Империей, но и самим императором. В результате разгорелся конфликт интересов между домом Габсбургов и теми государствами, которые находились в подчинении Максимилиана. Таким образом, желание независимости отдельных регионов Империи, с одной стороны, и растущее чувство патриотизма, выражающееся в стремлении к всегерманскому единству, привели к тому, что нарушились традиции власти, на которых еще держалась Империя.

И вот в таких сложных и достаточно запутанных условиях Максимилиан, имеющий сложный характер, вдруг обнаружил, что еще не коронован, что пока еще не имеет титула императора Священной Римской Империи. Некрасивый, но пропорционально сложенный правитель Германии, был достаточно сильной личностью, обладал прекрасными манерами, всегда был сдержан и любезен. И в то же время он был очень расточительным человеком, не умел распоряжаться деньгами, щедрость его буквально не знала границ. Будучи опытным военачальником и одним из лучших командиров артиллерии, он находил общий язык с солдатами, которые его любили. Но его голова была все время наполнена какими-то странными и фантастическими

[55] Гонсало Фернандес де Кордова (исп. Gonzalo Fernández de Córdoba) – испанский генерал и военный реформатор. Благодаря его выдающимся победам Испания в XVI в. стала одной из самых мощных военных держав в Европе

проектами, противоречащие друг с другом. Особенность его характера была такова, что, начав какую-либо затею, он тут же ее бросал и переходил к следующей. Мысленно обращая свой взор ко временам средневековья, Максимилиан хотел вернуть мир под власть Империи. Завоевав Италию, он собирался отправиться в Константинополь, сражаться против турок и освободить Святую Гробницу. Временами он подумывал даже о том, чтобы стать папой, о чем говорят некоторые его письма. И хотя подобную идею реализовать было бы невозможно, Максимилиана это ничуть не волновало. Он горел желанием подчинить себе Восток и Запад, каждый день обсуждая со своими приближенными численность армии, денежные суммы, полученные от имперских князей и независимых городов. Но он не мог заставить подчиняться себе даже подданных земель, входящих в Германию. Денег на содержание армии Максимилиану не хватало, поэтому жалованье военнослужащим не всегда выплачивалось. И тщетно он пытался достучаться до правительственного Совета. Его просьбы, требования, которые он предъявлял Совету относительно финансирования военных кампаний, оставались неуслышанными. Он не выиграл ни одной судебной тяжбы. Теперь все свои надежды он связывал с императорской короной, и вовсе не потому, что хотел большей власти над монархами других государств, подвластных Германии, от которых денег он получал ровно столько, сколько получают кондотьеры на военной службе. Просто драгоценные каменья, которыми украшена корона, он мог бы заложить и тем самым на некоторое время решить свои финансовые проблемы.

Желание быть коронованным императором заставило Максимилиана оставить все далеко идущие планы, которые Германии шли только во вред. Начав с жаром один проект, он быстро к нему охладевал, потому что в голове его созревала уже новая идея, которую ждала участь предыдущей. Таким образом, все планы Максимилиана заканчивались, не успев начаться. Но мысль о получении имперской короны долго мучила германского короля, которому суждено уйти в небытие в образе последнего странствующего рыцаря. Несмотря на свои хорошие качества и благородные черты, он остался в истории комической и гротескной фигурой.

Акцентируя внимание на внешней политике Максимилиана, следует отметить, что у короля были серьезные противоречия с Францией, которая вошла в сговор с многими имперскими князьями, враждовавшими со своим королем. Интересы двух государств, одно из которых называло себя Империей, не совпадали. Между Германией и Францией разгоралась борьба за власть в Нидерландах и Италии. Фердинанд и Изабелла Испанская не без причины были склонны унизить Францию и поддержать Германию. Однако после подписания мирного договора в Блуа Людовик XII почувствовал уверенность в своих силах, и Максимилиан, видя неизбежную войну, начал к ней готовиться – собирать войско и искать денежные средства. Франция не сдержала своего обещания отдать Карлу, внуку Максимилиана и наследнику Империи, дочь короля, Клод, и Максимилиан отозвал у Франции инвеституру на владение миланским герцогством, собираясь захватить его для себя. Завоевание Генуи, которое подняло настроение французам, побудило короля поскорее начать поход в Италию, чтобы овладеть имперской короной, завоевать Ломбардию, вернув ее под власть Империи.

Папа Юлий II с тревогой и беспокойством следил за развитием событий, но он преследовал свою цель, которая почти ничем не отличалась от планов Максимилиана. Понтифик, как и немецкий король, хотел установить власть над провинциями, которые, как он считал, незаконно были отобраны у церкви и, прежде всего, Венецианской Республикой. И он горел желанием поквитаться с Венецией, против которой испытывал лютую ненависть. Опираясь на некоторых предусмотрительных легатов, Юлий II ловко, словно паук, начал плести нити политических интриг, хотя до сих пор не мог реализовать свои планы, потому что существовали враждующие стороны – Германия и Франция. Последняя приближалась к Венеции. Максимилиан все еще не оставлял мыслей об императорской короне, но на пути к ней преградой стояли французы и венецианцы. Таким образом, обстановка в Италии была накалена до предела, все чего-то ждали. Но и понтифик, и Максимилиан не могли допустить, что события будут разви-

ваться по совершенно другому сценарию, а не так, как они задумали. И трудно представить, как бы отреагировал Юлий II, если бы до его ушей дошел слух о навязчивой идее Максимилиана стать папой, хотя всеми эта идея воспринималась как наивная и неправдоподобная.

Но чтобы начать свой победоносный поход в Италию, Максимилиану, в первую очередь, нужны были солдаты и деньги. Войско короля было укомплектовано наполовину, денег все время не хватало. Он мог, конечно же, обратиться за помощью к Швейцарии, которая после отважного и героического сопротивления войскам Карла Смелого, герцога Бургундии (1476-1477), была признана кузницей военных кадров. Но теперь Швейцария была частью Священной Римской Империи, хотя и чисто номинально: Максимилиан, после упорной борьбы (1499) был вынужден признать независимость Швейцарской Конфедерации. После того, как в состав Конфедерации вошли Базель и Шаффхаузен, а потом присоединился и Аппенцель, образовалось тринадцать кантонов, тесно связанных между собой. Эти кантоны, а также ряд небольших республик и еще три рейтийских кантона, названные в Италии «Серой Лигой» (Lega Grigia), а позже получившие название «Гризон» (итал. Grigioni), и образовали Швейцарскую Конфедерацию. Все эти республики были готовы отправить своих самых лучших пехотинцев на любую войну, но нужны были еще и деньги, а у Максимилиана, в отличие от Людовика XII, их, как всегда, не было. Таким образом, конфликт Германии и Франции, на стороне которой было преимущество, затронул даже Швейцарию – страну, которая несколько лет назад признала верховную власть Империи.

В 1507 году Максимилиан попросил правительство Констанцы дать ему пехотинцев для похода на Милан. Он надеялся с помощью наемных войск захватить корону и восстановить в Италии императорскую власть. И ему пошли навстречу, поддержали это военное предприятие. Но власти хотели действовать от своего имени, назначая даже военачальников, в то время как Максимилиан хотел управлять войсками от лица Империи. Такие разногласия привели к известным последствиям. Однако, тогда Максимилиану на полгода, начиная с середины октября 1507 года, дали 8000 лошадей и 22000 пехотинцев, а также выделили 120000 рейнских гульденов на артиллерию и различные нужды армии. Учитывая легкость, с какой Максимилиан тратил деньги, его расточительность и щедрость, можно предположить, что уже к началу компании у короля не было в кармане ни одного гульдена, в результате чего численность войска сократилась, поскольку наемные солдаты не собирались бесплатно рисковать своими жизнями. Тем не менее, даже оказавшись, как говорит Гвиччардини, «на галере с одним сухарем в кармане», Максимилиан был полон решимости и готовности ринуться в бой при первой же возможности. По его приказу выступающее вперед войско было разделено на три части: одна часть направилась к Безансону, создав угрозу Бургундии, другая часть была переброшена к Каринтии, недалеко от Фриули, третья часть пошла на Трент, чем создала опасность для Вероны. Все свои маневры Максимилиан, как всегда, держал в строжайшей тайне. Своим же советникам и послам он не рекомендовал поездки дальше Больцано или Трента. А вот Венеция не захотела поддержать Максимилиана, войдя в альянс с Францией, что вызвало возмущение у короля. Венеции такая позиция была выгодна, поскольку Франция гарантировала ей не посягать на материковые земли Венецианской республики (так называемую «Terraferma»), а последняя, в свою очередь, обещала Франции Миланское герцогство и отчаянное вооруженное сопротивление войскам Империи.

Людовик XII, тем временем, готовился к защите Бургундии, куда направлялась часть армии Максимилиана. Он послал Дж. Дж. Тривульцио четыреста копий[56] и четыре тысячи солдат пехоты в помощь венецианскому войску. Венеция, в свою очередь, отправила вооружен-

[56] Копье – средневековая тактическая единица (численность войска измеряли в копьях), состоявшая из рыцаря с оруженосцами и сержантами и иногда наемниками

ный отряд в количестве 400 человек, которым руководил граф Питильяно[57], к Вероне и отряд в восемьсот человек под командованием Бартоломео д'Альвиано – к Фриули. Назревало великое противостояние, которое могло иметь тяжелейшие последствия для Италии. Все чего-то ждали, в воздухе витала тревога. Но больше всех беспокоилась Флоренция, где Максимилиан, от имени Империи, попросил 500 тысяч дукатов в качестве субсидии на поездку в Рим, на коронацию. Для флорентийцев эта сумма была неподъемной. Но даже если бы Максимилиан запросил денег в два раза меньше, все равно Флоренция оказалась бы в тяжелом положении. Однако флорентийцы собрали эту сумму, так как очень боялись Максимилиана. Кто знает! Может он и впрямь станет императором Священной Римской империи и тогда припомнит старые обиды. Но с другой стороны, они прекрасно понимали, что пойти на уступку Максимилиану – значит потерять дружбу с Францией, которая им дорого стоила. Враги Содерини, зная, что он открыто выступает за соглашение с Францией, плели интриги против него, в которые был втянут даже посол Империи, который называл правительство Содерини «тиранническим» и обещал, что император поможет Флоренции устранить этого тирана. Возникла оживленная дискуссия и было выдвинуто предложение отправить к Максимилиану представителя от Флорентийской республики, как это делали другие государства Италии. Но прежде чем это сделать, необходимо удостовериться, действительно ли Максимилиан идет на Италию, в противном случае нет необходимости в проведении переговоров и в заключении соглашения. Сам же Содерини решил возложить эту миссию на Макиавелли, которому всецело доверял. Он надеялся, что его поддержит в этом вопросе магистрат. Но это предложение Содерини, которое назвали «актом неоправданной благосклонности», было отклонено и на переговоры с Максимилианом должен был отправиться Франческо Веттори, назначение которого могло успокоить «горячие» головы.

Тем временем противники Содерини начали формировать политическую партию, противодействующую гонфалоньеру, открыто вступая с ним в борьбу. Они говорили, что Флорентийская республика является свободной чисто номинально, что власть сосредоточена в руках одного человека, который окружил себя сторонниками и случайными людьми неблагородного происхождения, чтобы отодвинуть в сторону авторитетных граждан, которым небезразлична судьба родины. Говорили, что у главы Монетного двора, желающего угодить гонфалорьеру, появилась странная идея – выпустить новый флорин, на одной стороне которого, вместо лилии, красовался бы портрет Содерини. Сам же гонфалоньер не одобрил подобное решение и заставил изъять из обращения те монеты, которые уже успели отчеканить. Но, несмотря на это, глава города долго еще подвергался язвительным нападкам и насмешкам. Было также принято решение освободить от должности дона Микеле, капитана полицейской стражи, потому что его вызывающее подведение и жестокие методы обеспечения правопорядка могли спровоцировать еще большее насилие. Мошенник и убийца, как говорили о нем, не способен верой и правдой служить республике. К тому же, он ведь может взять к себе в отряд повстанцев и всякого рода отморозков, что вообще за гранью разумного.

Нам представился случай вспомнить слова историка того времени, Пьеро Паренти, который так пишет о доне Микеле: «Он, конечно же, сделал людям много зла, и за это был жестоко наказан. В феврале следующего, 1508, года, он был убит кем-то из испанцев. Таким образом, у него отняли жизнь точно также, как он ее отнимал у многих». И в то же время Паренти в какой-то степени оправдывает дона Микеле: «Странным покажется не только то, что этот злодей-душегуб, один из верных слуг Валентино, был призван на официальную службу во Флоренции, но и то, что ему покровительствовали многие кардиналы. Когда он оказался в тюрьме при папе Юлии II, то последний вообще не знал, что с ним делать». Далее Паренти приводит

[57] Никколо III Орсини, граф Питильяно (1442 – 1510) – итальянский кондотьер, генерал-капитан на службе у Венецианской республики

цитату из письма посла Флорентийской республики Джованни Аччайоли, отправленного в Рим Десятке 20 октября 1504 года: *«Я не хочу упустить возможность сказать Вашим Превосходительствам, что за дона Микеле, который, как говорят, заслужил смерти, ходатайствовали десять кардиналов. Да и весь Рим утверждает, что дон Микеле когда-нибудь положит свою голову на алтарь свободы».*[58] Убийца дона Микеле найден не был, но в его смерти обвинили Содерини. Ненавистники гонфалоньера считали, что только Содерини может убить человека без суда и следствия. Такова, к сожалению, была эта эпоха.

Но вернемся к описываемым событиям. Жаркие дискуссии тогда вызвало письмо Франческо Веттори, который сообщал, что Максимилиан на данный момент будет очень рад выданной ему сумме в 50 тысяч дукатов, но что он должен получить эти деньги немедленно, в противном случае он не примет представителя от Флорентийской республики. И надо бы, добавляет Веттори, поскорее принять решение, поскольку вести из Германии идут с быстротой молнии. У Флоренции, пишет Веттори, есть два пути: либо выплатить дань Максимилиану, но стать злейшим врагом Франции, либо проигнорировать требование Максимилиана, но тогда стать врагом императора. Эта дилемма долго будоражила умы флорентийцев, большинство из которых все же склонялись к первому варианту. После долгих размышлений было решено отправить ко двору императора новых послов. Выбор пал на Пьеро Гвиччардини и Аламанно Сальвиати.

Однако, члены Совета Десяти и Совета Восьмидесяти были против кандидатуры Гвиччардини, считая, что он не сможет выполнить возложенную на него дипломатическую миссию. Да и сам Гвиччардини отклонил свое назначение, поскольку полагал, что заключение союза с Максимилианом – не только неверное, но и опасное решение. Он считал, что глупо терять дружбу с Францией, когда точно не знаешь, во что выльется помощь со стороны Германии. 17 декабря 1507 года снова решали этот вопрос, не зная кого отправить к Максимилиану, но к какому-либо выводу так и не пришли. И тогда гонфалоньер, которому надоели все эти споры, собрал Генеральный Совет, где каждый из членов мог высказать свое собственное мнение на этот счет. В те годы это было необычным явлением. Хотя во Флоренции слово «свобода» не сходило с уст, на деле все боялись высказываться открыто. Содерини хотел, чтобы правительство представило свои предложения, а потом он собирался поставить этот вопрос на общественное обсуждение и голосование. Флорентийцы должны были выбрать своих представителей, которые могли бы участвовать в дебатах. Каждый народный избранник, подобно члену правительства, имел право голоса. Если он поддерживал решение, то должен был голосовать, а если был против него, то мог просто промолчать. К слову сказать, подобное предложение гонфалоньера флорентинцы восприняли с опаской, такая «свободу слова» жителями Флорен-

[58] Странным кажется то, что этот злодей и губитель душ, один из доверенных лиц Валентино, которому он служил верой и правдой длительное время, не только был взят Флорентийской республикой на государственную службу, но и находился под покровительством многих кардиналов. Когда он убит в тюрьме, к чему приложил руку Юлий II, которого потом замучили угрызения совести, флорентийский посол Джованни Аччайоли, 20 октября 1504 года написал из Рима Десятке: «Я не собираюсь доказывать Вашим Превосходительствам, которые ничуть не жалеют дона Микеле, считая, что он заслуживает смерти, что десять кардиналов ходатайствовали за него, о чем говорит весь Рим» (архив г. Флоренция). Как видим, даже документально этот факт подтвержден.Почти все историки называли дона Микеле испанцем. Однако, иногда его считали венецианцем. Подтверждением тому является письмо Никколо дельи Альберти, которое, на наш взгляд, идет вразрез с утверждениями историков и официальными документами. В нем можно найти намек на этот факт. Это письмо сейчас находится в коллекции Катерины Барбальи, урожденной графини Плачиди, которая нам любезно его предоставила, за что мы выражаем ей особую признательность. Хотя это коротенькое письмо, рассказывающее нам об отставке дона Микеле, на которое часто ссылаются историки, не может изменить наших утверждений и не имеет исторического значения, мы его все же приведем. *Досточтимые сеньоры, Мне было выделено из государственной казны 50 золотых флоринов, по шесть лир, и еще 18 сольдо на мелкие расходы. Деньги были отправлены гонцом в венецианскую Синьорию, тринадцатую по счету. Эти деньги предназначались дону Микеле Корелья, венецианцу, которого, как явственно следует из писем венецианской Синьории, очень просили уехать отсюда в Фиренцуолу. Расписку в получении вышеуказанной суммы, заверенную рукой моего канцлера, прилагаю. Говорили, что дон Микеле не хотел брать эти деньги, ссылаясь на то, что этой суммы даже не хватит, чтобы оплатить все его счета. Долгов он, действительно, наделал везде немало. В конце концов, прочитав письмо из Синьории, в котором обосновывалась необходимость его отъезда, дон Микеле поддался на уговоры, сказав, что рад услужить Его Превосходительствам, под покровительством которых мы постоянно находимся* (Ареццо, 16 июля 1507 года)

ции воспринималась как повод для устранения неугодных. Но тем не менее обсуждение данной проблемы состоялось, все пришли к единому мнению, что надо составить депешу о возможном принятии условий, выдвинутых Максимилианом, и отослать эту бумагу Франческо Веттори, чтобы последний ее внимательно изучил и позже высказал свое мнение в ответном письме. Содерини, воспользовавшись случаем, сумел убедить Десятку, что неразумно посылать такое ценное письмо обычным курьером, у которого в дороге эту бумагу могут перехватить недоброжелатели, и тут же предложил отправить к Веттори надежного человека, который, при необходимости, сможет передать содержимое письма в устной форме. Таким надежным человеком гонфалоньер считал Макиавелли, которому, как уже было неоднократно сказано, безоговорочно доверял. Правда, ходили слухи, что Макиавелли – пешка в руках Содерини и скажет то, что выгодно гонфалоньеру, то, что вписывается в его замыслы и планы.[59] Но как бы то ни было, гонфалоньер прекрасно понимал всю опасность этого предприятия и не хотел втягивать Веттори в эту политическую авантюру.

Итак, в декабре 1507 года Макиавелли отбыл вместе с правительственными наставлениями к Веттори. Согласно предписаниям, Максимилиану следует предложить 30 тысяч дукатов, но, в случае крайней необходимости, нужно будет увеличить сумму до 50 тысяч, как того требовал император. Под «крайней необходимостью» подразумевался факт отправки Максимилианом своих войск в Италию. Платить гонорар своим наемникам император уже начал, но потом выплаты приостановил, ожидая того дня, когда увидит немецкую армию, марширующую по итальянской земле.

Макиавелли же по дороге должен был порвать письма[60], поскольку в Ломбардии, как он предусмотрел, за ним могли неотложно следить и выкрасть у него эти ценные бумаги. Эта дипломатическая миссия, от которой нам время оставило только 16 писем (три из них были подписаны самим Макиавелли, а на трех стоит подпись Веттори, хотя они тоже принадлежат перу Макиавелли), не имеет особой политической значимости. Ее цель – как можно дольше вести переговоры с Максимилианом, чтобы оттянуть время и в конце концов не дать ему ни одного дуката. Но тем не менее нужно этой миссии воздать должное. Благодаря ей, Макиавелли сделал кое-какие наблюдения, касающиеся швейцарцев и немцев, и собрал сведения, которые потом пригодились во время событий в Северной Италии.

25 декабря Макиавелли оказался в Женеве, а 11 января 1508 года он уже был в Больцано, откуда 17-го числа отправил два письма. В одном из них, подписанном Веттори, он рассказывает, как предложенная Максимилиану сумма в 30 тысяч дукатов ему не понравилась. Но когда ее подняли до 40 тысяч, император стал более благосклонен к посланникам Флоренции, хотя есть подозрения, что послы в общении с Максимилианом использовали всякого рода хитрости, чтобы быть начеку. Император находился в семи лье от Трента и испытывал катастрофическую нехватку денег. Поэтому любую финансовую помощь, даже небольшую, он принял бы с радостью, но, желательно, без промедления. Уж это Макиавелли и Веттори могли ему обеспечить.[61]

В первом письме, написанном сразу же в день приезда, Макиавелли делает зарисовки своего путешествия, подробно и с большим интересом описывая те страны, в которых он побывал

---

[59] Об этом пишет Бартоломео Черретани, открыто враждовавший с Содерини. Он уверяет, что Содерини вел двойную игру. Всем было известно, что гонфальньер раньше посещал Францию, а не Германию. Следует отметить, что в своих флорентийских историях Паренти, Черретани и Гиччардини проявляют одинаковую неприязнь к Содерини, что не может быть подвергнуто сомнению, поскольку открыто говорят об этом. Противники Содерини создают оппозиционную партию, численность которой растет с каждым днем.

[60] Макиавелли сообщает об этом в письме от 17 января 1508 года. В нем говорится, что не раньше, чем 21 ноября, Десятка написала Веттори, что Макиавелли отправился в дорогу, «чтобы сообщить о принятом нами решении. Но если по пути что-нибудь случится с депешей, он должен будет на словах передать тебе всю информацию. Но мы все же надеемся, что он пребудет в целости и сохранности». Но уже 29 января члены Совета Десяти выражают свое недовольство относительно того, что письма, которые лучше прояснили бы ситуацию, пропали.

[61] Письма Макиавелли от 17 и 24 января, оба подписанные Веттори

проездом. *«По пути из Женевы в Констанцу,* - пишет он, - *я четырежды останавливался на швейцарской территории и с удовольствием изучал традиции и обычаи швейцарцев. Я узнал, что Швейцария состоит из 12 кантонов, объединенных в союз, но при этом каждый кантон имеет свои выборные органы власти, постановления и законы которых признаются во всех кантонах.*[62] *Однако, тот, кто считает, что в четырех кантонах установлена власть Франции, а остальные восемь кантонов являются частью Священной Римской империи, серьезно заблуждается. Правда лишь в том, что Франция купила Швейцарию, отравив ее воздух богатством и золотом толстосумов, переселившихся на швейцарскую землю. Если бы император владел несметными богатствами, он был бы выгоден Швейцарии, которая непременно использовала бы дружбу с ним против богатой Франции. Некоторые земли Швейцарии не входят в кантоны. К ним относятся, например, Вале и Серая Лига, находящиеся на границе с Италией. Эти области не связаны с кантонами, они имеют полную политическую независимость. Но тем не менее, все регионы Швейцарии действуют согласованно, если дело касается свободы страны. Чтобы защитить свою землю, каждый из двенадцати кантонов выделяет четыре тысячи человек, а от тысячи до полутора тысяч человек отправляются на военную службу в другие страны. В первом случае закон обязывает всех взять в руки оружие, если страна в опасности. Во втором случае речь идет о добровольцах, участвующих в военных компаниях на стороне других государств».*[63] Нет ничего удивительного, что Макиавелли так подробно описывает армию Швейцарской республики. Армия, с его точки зрения, есть фундамент государства. И он страстно желает, чтобы во Флоренции прислушались к его словам, чтобы Десятка, сравнив флорентийскую и швейцарскую армии, сделала определенные выводы.

Но чтобы соотнести свое письмо хоть как-то с миссией, возложенной на него флорентийским руководством, он в заключительных строках пишет, что в Констанце ему удалось побеседовать с представителем герцога Савойского при дворе Максимилиана. Макиавелли, как он сам рассказывает, спросил его относительно действий Максимилиана, мол, собирается ли император идти вглубь Италии или пока еще колеблется. На вопрос Макиавелли посол ответил вопросом: «Вы хотите за два часа узнать то, что я не смог выяснить за многие месяцы?» И тут же пояснил, что все свои планы император держит в секрете. Германия – большая страна, в ней не только много крупных городов, но и небольших провинций, удаленных от столицы. И чтобы хоть что-то узнать о намерениях государя, необходимо везде иметь своих шпионов. [64]

Четыре письма, написанные в период с 25 по 31 января, пестрят цифрами. В них содержатся незначительные и не очень понятные сведения, которые Макиавелли передает завуа-

---

[62] Александр Дагет в своем докладе, прочитанном в 1875 году в городке Невшатель перед историческим обществом, занимающимся историей кантонов, говорит: «Макиавелли лично приехал в Швейцарию. Он был на нашей территории мало времени, всего лишь несколько дней, но для такого жадного к знаниям человека, как Макиавелли, этого было достаточно, чтобы составить точное представление о политической организации конфедератов, о сильных и слабых сторонах законов Конфедерации и научиться распознавать публичное право, объединявшее 12 кантонов, которое позже стало основой Гельветической республики». В то время кантонов было двенадцать. Другие кантоны вошли в состав Конфедерации значительно позже.

[63] Письмо датировано 17-м января. В это время послом у Максимилиана от Венецианской республики был Винченцо Квирини, чьи донесения пока еще не опубликованы, но свет увидели его «Записки», в которых содержатся совсем другие сведения о состоянии швейцарской армии. По Квирини, чтобы обеспечить защиту страны, 12 кантонов отправляют на иностранную службу 13000 пехотинцев, Серая Лига дает 6000 человек, Вале – 4000 человек и по 3800 человек дают Санкт-Галлен и Аппенцель. Каждый кантон имеет свой собственный флаг, но у двенадцати кантонов есть еще общий флаг. Швейцарцы не имеют права сражаться не под своим флагом. Поэтому, даже если они сражаются за свободу другого государства, они обязаны нести свой флаг. Если же швейцарец участвует в боях против своей Конфедерации, то ему грозит смертный приговор с конфискацией имущества. Лудовико Моро, чтобы вернуть власть, пригласил 1500 швейцарских наемников, которых должны были сражаться в составе мелких групп вместе с итальянцами под командованием нескольких военачальников. Но в таких условиях они не могли нести свой флаг. Поэтому, несмотря на хорошее денежное вознаграждение, они отказались сражаться против Людовика XII, в войсках которого также были швейцарские наемники, но эти наемники, в отличие от тех наемников, которые должны были воевать на стороне Лудовико Моро, имели право нести флаг. Таким образом, как свидетельствует Квирини, итальянские наемники-швейцарцы отказались идти в бой. Причем отказались они воевать даже не против своих соотечественников, а против флага своей страны. И этот факт послужил причиной разгрома армии Лудовико Моро.

[64] Письмо от 17 января, подписанное Макиавелли, которое цитировалось выше.

лированно, т.е. используя иносказания, намеки, метафоры. Дипломат очень боялся, что его отчеты попадут в руки врагов, поэтому и послал письма, которые можно назвать «отвлекающим маневром», впереди остальных, надеясь на то, что если их прочитают недоброжелатели и не поймут ни строчки, то уже не будут перехватывать дальнейшие послания, в которых будет содержаться более конфиденциальная информация – и о составе войск Максимилиана, и о его резерве, и о его военной стратегии и тактике. 8 февраля Макиавелли написал из Трента письмо (оно было подписано Веттори), где рассказывалось о прибытии туда Максимилиана и о том, как на четвертый день император, со шпагой, вынутой из ножен, и в сопровождении глашатаев, бежавших впереди него, направился к собору, где его секретарь Матиас Ланг, епископ Гуркский, обратившись к народу, торжественно объявил, что император идет в Италию. Странным кажется то, что Макиавелли не упомянул один важный факт. В соборе Максимилиан был провозглашен императором Священной Римской империи. И поскольку ему не хватало только короны, без которой он не мог быть признан таковым, он и собрался идти в Италию, где, как он думал, он эту корону получит из рук папы Юлия II, хотя сам понтифик не хотел короновать Максимилиана в Италии. Тот эпизод говорит о том, что императору было все равно, какое решение примет понтифик. Он не желал видеть свою империю под папской властью.

В том же самом письме Макиавелли рассказывает, с чего началась экспедиция Максимилиана. Маркиз Бранденбургский, имея в наличии 5000 пехотинцев и 2000 лошадей, пошел в сторону Ровередо, но внезапно повернул назад. Император же, под командованием которого было 4000 солдат пехоты и 1500 лошадей направился в сторону Виченцы и по пути захватил и разорил 7 свободных коммун, находившихся под протекторатом Венеции. Говорили также, что Максимилиан готовил осаду одной крепости, но когда узнал, что сопротивление сломлено, он остановился в десяти милях от города и пошел на Больцано. «*А теперь,* - пишет Макиавелли, *- я бы хотел спросить самого мудрого в мире человека: что бы он сделал на моем месте, если бы ему такие уважаемые, как вы, сеньоры, доверили столь ответственное поручение, какое получил ваш покорный слуга? Если бы я получил ваши письма*[65] *три дня назад, я бы, будучи уверенным, что император идет на Италию, отдал бы ему все деньги, за что удостоился бы от вас похвалы за мой доблестный поступок. Как говорится, не стоит откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня. Но потом, узнав то, что произошло, вы бы меня прокляли, сказав, что я поспешил. Да, трудно предугадать события. У императора много хороших солдат, но у него нет денег да и получить их неоткуда. А о щедрости его ходят легенды. Нет, конечно, щедрость – это добродетель, в принципе. Но чем раздать милостыню тысяче нуждающихся, каждый из которых получит крохи, лучше уж помочь одному человеку – дать ему 20 тысяч и тем самым спасти его от верной гибели. Дарите добро – и оно окупится. Правда, Максимилиан еще и опытный воин, бороться с ним крайне тяжело. Многие легковерные сомневаются в успехе его предприятия, хотя это сомнение есть не что иное как надежда, смешанная со страхом. Но находятся и те, которые верят в его успех. Что их заставляет верить? Италию, говорят они, сотрясают мятежи и смены власти. К тому же, у нее слабая армия, которую преследуют потери и поражения, хотя побед у нее тоже немало. Но французы, имея хорошую армию, как ни странно, тоже сомневаются в успехе Максимилиана. Однако, эта французская армия держится, в основном, за счет швейцарских наемников, без помощи которых у французов почва уходила бы из-под ног. Если бы не швейцарцы, французы не одержали бы ни одной победы. Учитывая все это, я остаюсь словно в*

[65] 19 января Десятка написала Веттори, что он может пообещать Максимилиану 40 тысяч дукатов и, когда император уже ступит на итальянскую землю, выдать ему 16 тысяч. Но Трент не входил в состав Италии, поэтому император, оказавшись в Тренте, передвигался по территории княжества как ему заблагорассудится. Веттори был уполномочен заплатить Максимилиану и 50 тысяч дукатов, выдав ему в Тренте 20 тысяч, но сделать он это должен был только в случае крайней необходимости, т.е. тогда, когда будет точно известно, что император выдвигается в Италию. Все эти инструкции, которым должен был следовать Веттори, были изложены в вышеупомянутом письме.

подвешенном состоянии и прихожу к следующему выводу: если хотите, чтобы ваше поручение было выполнено, император должен пойти войной на Италию и стать победителем». Это письмо, как и другие письма, было написано Макиавелли, а подписано Веттори. Последний же добавил от себя несколько строк, в которых говорится, что сейчас самым неподходящим и несвоевременным будет решение отозвать Макиавелли, необходимого до тех пор, пока в мире сохраняется неспокойная обстановка.

Каждая отправленная Макиавелли и Веттори депеша была написала в том же духе. Поскольку сюжет оставался прежним, тема не менялась. Император по-прежнему хотел получить все деньги сразу, и флорентийцы спорили о том, стоит ли пойти ему навстречу или постараться оттянуть время и в результате ничего Максимилиану не дать, поддержав тем самым свое государство, которому лучше бы не участвовать в сомнительных и запутанных делах. А тем временем в Кадор, преданный Венецианской республике, вошла армия в составе пяти тысяч пехотинцев и четыреста лошадей, которую догнал Максимилиан с шестью тысячами своих солдат. Вся эта гвардия разорила и опустошила сорок миль Венецианской земли, не оставив камня на камне. Но внезапно у императора кончились деньги, и он вернулся в Инсбрук, чтобы заложить кое-какие драгоценности, которые у него были. Но, как следует из доклада Макиавелли и Веттори, так как Максимилиан не заплатил швейцарским наемникам, Франция, с разрешения швейцарских властей, переманила на свою сторону часть пехотинцев, в результате чего из пяти тысяч швейцарцев в армии императора осталось только три тысячи. Тем временем кондотьер Бартоломео Альвиано окружил противника, оставшегося в Кадоре, и захватил крепость, взяв в плен многих пехотинцев, состоявших на службе у Максимилиана. Потеряв тысячу солдат убитыми, враг отступил, но Альвиано не остановился: он взял Порденоне, где у кондотьера было поместье, Горицию, Триест и Фиуме. Немецкая армия попыталась взять Трент, форсировав озеро Гарда, и отчасти имела успех, но непродолжительный. Столкнувшись в долине Адидже с итальянцами, войско Максимилиана опять потерпело сокрушительное поражение, поскольку незадолго до этого две тысячи швейцарцев кантона Граубюнден, которым не выплатили жалованье, покинули военный лагерь, за ними последовали и остальные. Поэтому, когда остатки немецких завоевателей вошли в Трент, то от армии Максимилиана почти ничего не осталось. Потерять сразу четыре тысячи солдат за шесть месяцев – для императора это было впервые! Каждый день десятки пехотинцев покидали лагерь, оставались единицы, а чтобы собрать армию, нужны были деньги, которых у Максимилиана, как всегда, не было. Тогда император обратился в рейхстаг, находившийся недалеко, в Ульме, с просьбой о субсидии, после чего он отбыл в Германию, где след его потерялся – никто не знал, где Максимилиан находится. А укрылся император в Кельне, где его и застала новость, что рейхстаг отклонил просьбу Максимилиана. Дальнейшее финансирование военной операции откладывалось на неопределенный срок.

В письме, посланном 22 марта 1508 года Десятке из Инсбрука, Никколо Макиавелли, после сообщения некоторых новостей, пишет: «Вы мне говорите, чтобы я отдал императору ранее оговоренную сумму, но, бьюсь об заклад, он на этом не остановится. Да, не остановится. Уж очень хороший у него аппетит. К сожалению, я не провидец и не могу предугадать, куда он направится и чем закончится его новый поход – победой или поражением, но если остановиться на настоящем положении дел, то оно таково: одна из его армий, в количестве шести или семи тысяч человек, полностью разбита, вторая армия закончила свой поход бесславно. С другой стороны, не будет исключать, что Германия – очень сильная держава и может, при желании, одержать победу. Что же она выберет? Посмотрим». От себя Веттори добавил, что, хотя в этом хорошего мало, он решил отправить Макиавелли в рейхстаг и к Максимилиану в качестве дипломатического представителя. Десятка одобрила это предложение, хотя никто из ее членов не верил в успех такой миссии, поскольку люди из окружения Максимилиана предупредили, что не следует ехать к императору, как, впрочем, и писать послания. Дипломаты

прислушались к этому совету и стали просто ждать, продолжая переписку со своими наставниками. «*Ваши превосходительства,* - писали они в одном из писем, - *соткали полотно из таких тонких ниток, что оно рано или поздно порвется. Если императору не очень нужны будут деньги, то он начнет шантажировать, требуя вообще неподъемную сумму. Ну а если его карман полностью обнулится, то все равно нет гарантии, что, взяв предложенную вами сумму, он не пожалует к нам в гости. Нужно решить, откуда исходит наименьшая опасность, и, проанализировав все «за» и «против», положиться на Божью волю, ибо, даже выстроив все стратегии и тактики, проведя все расчеты, можно жестоко обмануться*»[66].

Но, как показали дальнейшие события, полотно было соткано неплохо. 8 июня пришла новость, что 6 июня Максимилиан заключил соглашение о перемирии с Венецией сроком на три года. В Венеции прекрасно понимали, что, с одной стороны, им противостоят Святой Престол, Англия, Венгрия и государства, входящие в Империю, а с другой стороны – другие республики Италии, а также Испания и Франция. Последняя, однако, не прислушивалась ни к чьему мнению и заранее не сообщала о своих планах, но была очень недовольна этой сделкой. Впоследствии это стало поводом того, что Венеции была объявлена война, в которую был втянут папа, присоединившийся к Камбрийской Лиге, намеревавшейся уничтожить и расчленить Венецианскую республику. В результате всех этих перипетий император так и не получил от Флоренции столь желанного денежного подарка. Таким образом, цель была достигнута, и Веттори, воспользовавшись случаем, попросил отпуск, заявив, что оставаться на своем посту нет смысла, поскольку миссия его выполнена. Причиной отъезда Макиавелли стали начавшиеся у него колики в почках – обострилась давняя болезнь. Десятого июня он покинул Трент, а четырнадцатого был уже в Болонье, откуда и написал свое последнее письмо, информировавшее Десятку о перемирии.[67]

Во Флоренции Макиавелли не было 183 дня. Покинув родной город 17 декабря 1507 года, он уже 25-го был в Женеве, из которой прямо на следующий день отправился в Констанцу. Его путешествие длилось семь дней, и все это время он не только двигался к своей цели, но и изучал Швейцарию. Конечно, он мог бы поторопиться и прибыть к месту своего назначения раньше, но он не хотел упускать случая познакомиться со страной, понаблюдать за ее жителями. 17 января он уже писал из Больцано. И вплоть до 8 июня, т.е. до того самого момента, как Макиавелли должен был отбыть из Трента во Флоренцию, он оставался в Больцано, откуда иногда ездил в Инсбрук.[68] Но, выполняя дипломатическую миссию, он даром времени не терял. Перед его глазами каждый день представала яркая картина. Он видел солдат, генералов, князей, епископов, дипломатов и, наблюдая за их жизнью, он каждый день, по возможности, описывал их быт и нравы. Посланники от Флоренции не должны были, подобно венецианским дипломатам, ежедневно отчитываться перед дипломатической миссией и посылать им строгие доклады о состоянии дел в стране, где они находились. Поэтому в отправленных ими официальных депешах, наряду с информационными сообщениями о политической обстановке, содержатся интересные замечания и размышления, не лишенные остроты и сар-

---

[66] Письмо от 30 мая

[67] В конце этого письма Макиавелли сообщал, что некий Серентано из окружения императора сказал Веттори, что это соглашение должно было затронуть и Флорентийскую республику, что флорентийцев император считал своими сторонниками, если, конечно, они не откажутся от его покровительства. Но требуется незамедлительное решение. В этом письме он также сообщает, что французы начали собирать войско. И далее: «Франческо думает, что этот человек (Серентано) преследует свои интересы, поскольку он запросил тысячу дукатов, которые намеревается передать лично императору. Думаю, что эти деньги до адресата не дойдут. Поэтому он так торопил с принятием решения. Франческо завтра покидает Трент, потом отправится к вам с отчетом. Да благословит вас Господь». Архив г. Флоренция.

[68] Из документов, найденных во Флорентийском архиве, следует, что Десятка сделала выбор в пользу Макиавелли 17 декабря 1507 года и определила его жалованье. Он отъехал в тот же день, а вернулся домой 16 июня 1508 года. При себе Макиавелли имел 110 золотых флоринов крупными купюрами на карманные расходы, из которых 80 флоринов были потрачены на поездку в Инсбрук. Жалованье Макиавелли в период его дипломатической миссии составляло чуть больше семи лир в день, из чего можно сделать вывод, что за 183 дня своей командировки он сумел заработать 1419 лир.

казма. Это была тоже своего рода миссия, и такие политики, как Макиавелли и Гвиччардини, выполняли ее даже лучше, чем поставленные перед ними государственные задачи. Им была дана полная свобода действий, но, несмотря на это, дипломаты со всей долей ответственности подходили к возложенной на них миссиию Они сами, без давления со стороны представителей государственной власти, писали ежедневные отчеты, слали письма с важной информацией.

Забегая вперед, хотелось бы упомянуть некое «Руководство» (*Istruzione*), написанное Макиавелли в 1522 году (уже в то время, когда он был не у дел) и адресованное Рафаэлло Джиролами, отправленного в качестве посла ко двору императора в Испанию. В нем он дает советы начинающему «посланнику» относительно того, как грамотно проявить себя на дипломатическом поприще, какие методы использовать при выполнении заданий, делится своими личными секретами, касающимися ремесла дипломата. *«Прежде всего,* - пишет он, - *вы должны внимательно изучить окружающую обстановку и окружающих вас людей, узнать получше характер государя, князей, дворян, всего народа. Особенности страны и ее населения вы должны описать в своем первом отчете».* Далее Макиавелли рассказывает ему о нормах этикета, принятых в Испании, потом добавляет, что посол, прежде всего, должен заработать себе хорошую репутацию, что он не должен быть человеком, который говорит одно, а думает другое. *«Я знал многих дипломатов – довольно проницательных и сообразительных, но они вели двойную игру. Монарх, раскусив их двуличие перестал им доверять, в результате чего они не могли уже вести ни с кем переговоры. Карьера их закатилась».* В заключении Макиавелли раскрывает несколько тайн ремесла дипломата, который, при возможности, должен уметь применять маленькие хитрости, но в зависимости от ситуации. Если речь идет о проблемах, затрагивающих обоюдные интересы, необходимо искать компромиссы. Дипломат, как отмечает Макиавелли, должен уметь предугадать финал и ход событий того или иного политического события, но свое решение не всегда нужно выставлять напоказ, лучше его держать в тайне. И ни в коем случае, говорит Макиавелли, нельзя выражать личные мысли и чувства, не стоит открывать того, что лежит у тебя на душе и, конечно же, нужно полностью отказаться от собственного мнения. Прежде чем что-то сказать, дипломату необходимо все как следует обдумать, а при проведении переговоров следует взвешивать каждое слово. Лучше, если дипломат будет ссылаться на авторитетные источники. Можно использовать, к примеру, такие фразы: «Я где-то уже читал об этом», «Здесь собрались благоразумные люди, поэтому, я думаю, мы придем в общему знаменателю и примем всех устраивающее окончательное решение». Подобные наставления мы можем встретить и в другие легациях Макиавелли, но этот документ нам представляется наиболее ценным, поскольку он носит практический характер. В этом «Руководстве» опытный дипломат указывает начинающему послу на ошибки, от которых никто не застрахован, в том числе и автор послания, в карьере которого, как он сам считает, было немало промахов. Но ему не к кому было обратиться в свое время за помощью и получить дельный совет.

Дипломатическая миссия, которую Макиавелли совершил вместе с Франческо Веттори, была очень насыщенной, хотя посланники Флоренции не проводили каких бы то ни было серьезных переговоров. Значимость этой миссии заключалась в том, что Макиавелли сам, по собственному желанию, досконально изучал страну, в которой находился по политическим мотивам. Да и не только эту страну. Мы упоминали, с каким вниманием он изучал Швейцарию, через которую лежал его путь. Свои наблюдения он излагал в письмах, адресованных Совету Десяти. Прибыв во Флоренцию, он сразу же, на следующий день, т.е. 27 июня 1508 года, написал «Доклад о положении дел в Германии», в котором с предельной точностью описал характер, повадки и привычки императора Максимилиана и дал общую картину состояния страны. Эта работа вначале называлась «Доклад о великих делах» (“Rapporto di cose della Magna”). Но позже, к концу 1512 года, она была переписана в более литературной форме. Тогда же это сочинение и получило новое название – «Доклад о положении дел в Германии». Есть сведения, что после битвы при Равенне (1512), которая здесь упомянута, Макиавелли собирался посвя-

тить Германии новый труд, в котором бы не только резюмировал все сказанное ранее об этой стране, но и изложил бы свои свежие взгляды на эту страну. Однако Макиавелли вскоре оставил эту затею, не добавив ни строчки к тому, что успел написать. Сохранился лишь небольшой фрагмент этого сочинения, которое автор намеревался назвать так: «Разговор о положении дел в Германии и об императоре Максимилиане». Этот фрагмент, датированной 1509 годом (именно в это время Джованни Содерини и Пьеро Гвиччардини были приглашены ко двору императора), представляет собой только две страницы, в которых Макиавелли просто повторяет то, о чем уже сказано в «Докладе». Таким образом, «Доклад о положении дел в Германии» является, по сути дела, единственной оригинальной работой о Германии, за исключением нескольких наблюдений, вставленных в другие сочинения.

«Доклад о положении дел в Германии» подвергся оценке со стороны немецких историков. Георг Готфрид Гервинус утверждает, что это сочинение, как и ему подобные сочинения, написанные позднее, создавались под влиянием французской политики, но «та острота, с которой Макиавелли дает характеристику немецкого народа, та глубина, с которой он рассуждает о политической обстановке в самой Германии и состоянии дел в других странах, о природе наций и правительств» доказывают, насколько точно Макиавелли мог подметить то, чего другие просто не замечали. «А его заметки о Франции! – продолжает Гервинус, - Да они просто великолепны. Никому еще не удалось лучше охарактеризовать императора Максимилиана и немецкое правительство, чем это сделал Макиавелли».[69] И до сегодняшнего дня эта точка зрения в отношении взглядов Макиавелли является в Германии приоритетной.[70] Но не все ученые соглашались с точкой зрения Г.Г. Гервинуса. Среди таковых – профессор Теодор Мундт, написавший книгу «Никколо Макиавелли и система современной политики» (1861), которая стоит рангом ниже, чем сочинение Г.Г. Гервинуса об итальянском деятеле. Мундт считает, что суждение Макиавелли о немцах и Германии – чистой воды фантасмагория, вдохновленная «Германией» Тацита. Это сочинение, по мнению Мундта, далеко стоит от реальности начала XVI века.[71] С его слов, финансовая политика Германии, которую Макиавелли описывает, чистота нравов немецкого народа, его стремление к свободе и равенству, которыми он восхищается, – это не что иное, как воспаленное воображение итальянского политика. Ему непонятно, откуда Макиавелли взял тот портрет Германии, который он выдает нам за истину.[72] Мундт говорит, что достаточно прочитать сочинения Лютера или его современника Иоганна Фишарта, чтобы убедиться, что немецкая простота, которая так поразила Макиавелли, – всего лишь греза реформаторов. Стремление к роскошной жизни (болезнь, поразившая, в большинстве своем, города), постоянная коррупция – вот признаки немецкой нации.

Мы уже отмечали и у нас еще появятся случаи удостовериться в этом, что Макиавелли всегда старался придерживаться конкретных фактов, хотя точность, которой он ста-

---

[69] Очерки Никколо Макиавелли о Франции и Германии показывают, как хорошо он понимал особенности народов, насколько проницательно он оценивал политическую ситуацию, внутреннюю обстановку других стран, характер наций и правительств. Его записки о Франции более сухие, в них много цифр и подсчетов, но и они великолепны. Еще никто не описал так личность императора Максимилиана и характер немецкого правительства, чем это сделал Макиавелли в своих отчетах, а иногда и в других сочинениях, написанных по тому или иному поводу.

[70] Как отмечал немецкий историк Карл Нис в 1871 году, «сегодня мы можем с горечью отметить, что чужеземец за такой короткий промежуток времени мог увидеть состояние дел в рейхе и метко охарактеризовать его, что сыграло на руку самим немцам».

[71] «В то же время воспоминания о Таците и его книге, где древний писатель повествует о здоровых и неиспорченных природой древних немцах, кажется, невольно определили и смутили воображение Макиавелли. Во всяком случае, на него Тацит оказал неизбежное влияние и в своей голове Макиавелли сконструировал замечательную картину, которая не гармонировала с реальностью того времени, превратившись в политический мираж. Созданный силою мысли прельщенного художника» (Т. Мундт).

[72] Никому не известно, в чем причина того, что Макиавелли увидел немцев своего времени не такими, каковы они на самом деле, представил их нравы и жизненную позицию, словно сказку, – в таком свете, который не соответствует действительности. При этом информация, которую он давал, не была заимствована ни из каких источников».

рался следовать, часто его подводила. Однако венецианские дипломаты, фантазировавшие на тему немецкого национального характера и пытавшиеся свои фантазии выдать за реальность, поскольку «общались с различными слоями немецкого населения» и «смогли угадать их истинные намерения», всё же его превзошли. И даже если мы коснемся отчета о Германии, прочитанного послом Венето Квирини на одном из заседаний венецианского Сената в декабре 1507 года, мы найдем, что у Макиавелли более глубокое знание страны, а значит – и более точное ее описание. Ведь флорентийский посланник, прежде чем сделать какие-либо выводы, долго путешествовал, изучая страну и ее народ. Информация, которую дает Макиавелли, тысячу раз была проверена, и он получал ее из уст тех людей, которым доверял. Никколо Макиавелли до сего дня остается непревзойденным мастером в умении давать оценку людям и нациям, определять специфику национального характера и политического самоопределения народов. А, как известно, именно эти качества оказывают огромное влияние на политические события и становление институтов власти, что актуально и в нашу эпоху. Если нужно было узнать, что будет сегодня или завтра делать король Франции, где будет находиться император, какие страсти кипят в кулуарах двора в тот или иной момент, какие желания обуревают монархом и его приближенными, то всегда обращались к венецианским послам, которые по части сплетен были впереди флорентийского дипломата. И даже некоторые из соотечественников Макиавелли (например, Гвиччардини) в этих вопросах иногда шли бок о бок с веницианцами. Наверное, по этой самой причине Макиавелли, несмотря на все свои заслуги и таланты в искусстве дипломатии, так никогда и не был назначен послом официально. Однако, Николло Макиавелли был незаменим, если нужно было затронуть проблемы политической власти или ответить на вопрос, в чем заключается политическая сила Франции или Германии, короля или императора. Рассуждая о задачах политического устройства, Макиавелли демонстрировал всю силу своего гения. Никто не мог равняться с ним, если обсуждались темы внешней и внутренней политики. Но здесь следует отметить, что объективное отслеживание политических событий не было в Италии чем-то из ряда вон выходящим. Подобное явление известно с античных времен, но конкретные примеры мы находим только в хрониках XIV века, а также в путевых очерках ученых мужей и послов, которые оставили нам удивительные описания стран, в которых им удалось побывать, и политических деятелей, с которыми им приходилось встречаться. Кстати, и Гвиччардини, когда был с дипломатической миссией в Испании, собрал много интересных фактов, а потом ясно и логично изложил свои впечатления от этой поездки на бумаге. Он дал очень точную и достоверную характеристику политического устройства этой страны, рассмотрел политические взгляды испанских органов власти, раскрывающиеся через постановления и указы, но об этом пойдет речь ниже. За многие годы Италия накопила много материала (да и до сих пор продолжает его собирать), позволяющего исследовать политические феномены многих стран и народов. И первым, кто воспользовался собранными ранее документами итальянских послов и дипломатов, был Никколо Макиавелли, который, переработав уже имеющийся исторический материал и добавив в него свои наблюдения, заложил основу политической науки. Доказательством тому служит его доклад о положении дел в Германии и написанные вскоре после него рассуждения о Франции. В этих трактатах, особенно в первом, заметна одна особенность, которая, хотя и не признается многими, оказала влияние на его дальнейшее творчество.[73]

Вспомним, что писали о Германии Поджо Браччолини и Алессандро Пиколомини, которые (особенно второй) долго жили в этой стране и старались запечатлеть ее образ на бумаге. Они оставили массу воспоминаний о Германии, но все они далеки от идеала. Браччолини и

[73] Якоб Буркхардт был первым, кто отметил это в своей книге «Культура Ренессанса в Италии». Ссылаясь на Макиавелли, ученый пишет: «Опасность, которую он создает себе сам, заключается не в том, что он считает себя гением, не в том, что он способен трактовать события в ложном свете, а в том, что он имеет очень сильное воображение, которое не поддается дрессировке».

Пиколомини в один голос говорят о невежестве, хамстве, жестокости немцев, называя их варварским народом. «Путешествие в Германию» Франческо Веттори, который вместе с Макиавелли какое-то время находился в Тироле, тоже содержит много нелицеприятных фактов. Заметки Веттори показывают нам совсем другую Германию, отличную от той Германии, образ которой сходит со страниц очерков Макиавелли, так красноречиво описавшего все прелести этой страны. Однако, невозможно не обратить внимания на проницательность Макиавелли, который, так восхищаясь наивностью и простотой немецкого народа, его военной подготовкой, не может не оценить возможности этой нации, которая, несмотря внутренние противоречия и политическую нестабильность, представляет собой реальную силу. Это стало возможным благодаря доблестному, хотя и «слабому», как говорили о нем, Максимилиану, пользовавшемуся уважением и сумевшему создать огромную империю. Все это доказывает и обосновывает в своих исторических трудах Г.Г. Гервинус.

Однако давайте вспомним Макиавелли, который за достаточно короткое время пересек Швейцарию и, добравшись до Инсбрука, отправился в Тироль, где его путешествие и закончилось. Там он общался со многими немцами, которые говорили на латыни или на итальянском языке, но в самой Германии Макиавелли не удалось побывать. А значит, говорить о том, что Макиавелли судит о стране, исходя из собственного опыта, не приходится. И хотя Макиавелли прекрасно понимал, что Швейцария – это не Германия. Он, рассуждая о стране из Тироля, не делал различий не только между этими двумя странами, но и между швейцарским и немецким народами. Еще посещая в составе комиссии военный лагерь под Пизой, Макиавелли швейцарцев часто называл немцами. В упомянутом докладе ясно прослеживается, что, когда флорентийский политик говорит о Германии, он имеет в виду не только немецкоязычные страны, которые он посетил (прежде всего, это Швейцария и Австрия), и Тироль, но и рассматривает обычаи, нравы, характер народов, проживающих на территориях этих стран в контексте немецкого менталитета. Он восхищался этими народами, трезвостью их ума, отвагой и смелостью, а в «свободной свободе» (“libera libertà”) швейцарской республики видел идеал нации, сумевшей защитить свои права «огнем и мечом». И этот идеал он перенес на Германию, на которую, как он считал, Италия должна ровняться. Продвижение немецких войск стало для Макиавелли откровением. Он постоянно получал известия о том, как немцы хозяйничали на итальянской земле, и их военные действия, временами граничащие с преступной жестокостью, никак не укладывались в голове Макиавелли, создавшего образ страны, способной с оружием в руках отстаивать свою свободу. Но Макиавелли совершенно не задумывался о том, что этот образ родился у него в результате знакомства с жизнью швейцарцев и тирольцев, которые в его воображении ассоциировались с немецкой нацией. Подобное замечание может объяснить неточности в работе Мундта, посвященной Макиавелли. Немецкого ученого не волновали причины появления у Макиавелли такого образа Германии. Поэтому он не пытается пролить свет на то, что мешало итальянскому дипломату представить Германию в истинном свете.

«Кто может сомневаться, - пишет флорентийский секретарь, - *в мощи страны, обладающей таким военным потенциалом и имеющей такие военные кадры. При этом финансовые затраты немцев не распространяются на тех, кто руководит военными операциями и уж тем более – на тех, кто рискует своими жизнями*.[74] *Во время больших праздников немецкая молодежь, вместо того, чтобы забавляться различными играми, бросает друг в друга камни, сражается, используя все виды оружия. Немцы в достаточной степени бережливый народ, они одеваются довольно скромно и в их домах мы не увидим предметов роскоши, только все*

[74] Винченцо Квирини в своих «Донесениях» также сравнивает арийцев с итальянцами, выявляя в чем армии этих народов уступают друг другу, а в чем друг друга превосходят. Комментируя мысли флорентийского политика, венецианский посол, ссылаясь на слова Макиавелли, говорит, что итальянцы перестали уважать себя как нацию. Он пишет: «Немцы отличаются большей жестокостью и бесстрашием. Они не боятся смерти, как итальянцы. И в то же время они не такие благоразумные и дисциплинированные, как последние, хотя и преуспели в военном деле».

самое необходимое: хлеб, мясо и, конечно же, печь, согревающую в холодное время года. Они никогда не переживают, если не имеют того, что есть у других. Их страна живет за счет того, что производит сама, немцы крайне редко покупают что-либо у других. Но выпускаемые ими товары они продают в других странах, в том числе и Италии, получая прибыль, намного превышающую первоначальный капитал. Жизнь, которую ведут немцы, можно назвать грубой, неотесанной, но они свободны и наслаждаются своей свободой. Поэтому они не хотят воевать ни за какие деньги, разве что их на войну пошлет правительство страны». Почти точно также отзывался о Германии и немцах Тацит. Кажется, что Макиавелли пишет эти строки с горечью, которая особенно чувствуется, когда он сравнивает Германию с Италией. Он словно восклицает, обращаясь к Десятке: берите пример с немцев, если действительно, хотите, чтобы наша Республика была свободной и сильной. Шедевры искусства и литературы, все культурное наследие Италии, чем так восхищались итальянские писатели, никогда не трогали Макиавелли, который всегда смотрел в корень. Причину бедственного положения страны он видел в испорченности нравов, в коррупции, которая захватила страну. Однако есть очень значительный и существенный момент, на котором внимание Макиавелли, похоже, никогда не останавливается. Тот, который, мечтая о создании сильной нации, много раз размышлял о возможности объединения Италии, никогда не приводил в пример Швейцарию как Конфедерацию кантонов. Макиавелли никогда не задавался вопросом: почему итальянские муниципалитеты не объединяются в Конфедерации? И есть еще один не менее существенный момент, который на затрагивает Макиавелли. В Швейцарии, частично в Тироле, основу нации составляли сельские жители. Именно благодаря им, нация оставалась сильной. В Италии же во времена Макиавелли крестьяне вообще были исключены из общественной жизни, что стало причиной упадка муниципалитетов.

Но вернемся опять к Макиавелли, который смотрел на жизнь не сквозь розовые очки. Пытаясь разобраться в порядке вещей, он апеллирует только к реальности, которую описывает ярко, точно и выразительно. Германией, управляют как городские советы, так и местные князья, которые частенько враждуют между собой. Но и те, и другие являются врагами императора, считая, что его власть нужно ограничить, даже если он покорит полмира, подобно французским королям. Отчего такая немилость по отношению к Максимилиану, понимают все. Но какова причина, по которой вольные города Швейцарии так ненавидят всех, в чьих руках находится власть, в том числе и городские советы, с которыми последних объединяет любовь к свободе и военная доктрина, предполагающая защиту от внешних врагов. Швейцарцы, конечно же, ужасно не любят немецких князей и самого императора. Но они вообще не любят всех немцев благородного происхождения, причем не только тех, которые живут в Германии, но и в их собственной стране. Для них нет разницы, немецкий ли это дворянин или швейцарский. Любой представитель знати для них – враг народа. Только к магистратам швейцарцы питают должное уважение, ведь они – за «свободную свободу». Поэтому немецкие князья всеми силами стараются сохранить независимость своих общин от Швейцарии. С другой стороны, император, который сталкивается с противоборством со стороны князей, поддерживает коммуны, являющиеся главной опорой и основной движущей силой Германии. Князей же, которых бьют с двух сторон, можно упрекнуть за слабость, нерешительность, что привело к борьбе за власть между многочисленными наследниками. вспомнить о ненависти князей и коммун, об их войне друг с другом и о том, что те и другие находятся в состоянии вражды с самим императором, то можно себе представить, как ослаблена эта страна, несмотря на имеющуюся у нее военную мощь».[75]

[75] Во многих своих сочинениях Никколо Макиавелли восхваляет Германию. Например, в «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия» (книга I, глава LV) он вспоминает законы, действующие в некоторых республиках страны, где прописано, что каждый добродетельный гражданин должен заплатить налог в соответствии со своим доходом, предварительно озвучив какое у него благосостояние. Установленный процент от имеющегося состояния он платит самостоятельно, никакого контроля со

Подобные размышления, почти слово в слово, мы находим в трактате Никколо Макиавелли «Положение дел во Франции» (“Ritratti della Cose di Francia”), а также во второй части «Доклада о положении дел в Германии» (“Rapporto di cose della Magna”). Последнее сочинение является официальным документом. В начале «Доклада» говорится о политической ситуации в Германии, потом дается характеристика самому императору, который, несмотря на свое видимое величие и силу, показан Макиавелли слабой личностью, поскольку он, во-первых, не сумел объединить Германию, расколотую на множество княжеств, а во-вторых, совершенно не умеет распоряжаться деньгами (сколько ему ни дай, все равно будет мало). *«Говорят, что подконтрольные земли дают Максимилиану 600 тысяч флоринов чистого дохода, сама же Империя приносит ему 100 тысяч флоринов ежегодно, - пишет Никколо Макиавелли, - Этого вполне хватит на оплату жалованья хотя бы тем, кто у императора на военной службе. Однако, император, в силу своей неограниченной свободы, постоянно пребывает и без солдат, и без денег. Куда деваются последние – неизвестно. Отец Лука (священник Лука деи Ренальди), который всегда находится рядом с Максимилианом, сказал мне однажды, что император никогда не никому не дает совета, да и сам ни у кого не спрашивает, как ему поступить в том или ином случае. Но, хотя он и хочет делать так, как считает нужным, ему не всегда удается реализовать свои планы в силу определенных обстоятельств. Хотя его мысли и даже дела окутаны ореолом тайны, ход событий срывает с них маску, показывая его истинные намерения. Да и многие из приближенных императора тянут его на дно. Все восхваляют императора, поют ему дифирамбы, но он не понимает, что это конец, что только благодаря своей щедрости он является «великим» в глазах своего окружения. Получая от Максимилиана подарки, вознаграждения, все обманывают его. Один из свиты императора рассказал мне, что однажды император заметил это и стал следить, чтобы в очередной раз не быть обманутым. Но вокруг него так крутится много людей и ежедневно происходит столько событий, что просто невозможно быть все время начеку, рано или поздно опять попадешь в ловушку. И император перестал обращать внимание на такие мелочи. Если бы Максимилиан не имел перечисленных выше недостатков, он был бы превосходным монархом, поскольку ведь он добродетелен, справедлив и, конечно же, прекрасный полководец*.[76] *Прибытие императора Максимилиана в Италию всех пугает, ибо в случае, если он одержит победу, его аппетиты вырастут, ведь его природу не изменишь. И даже если бы на деревьях Италии росли дукаты, ему бы и этого было мало. Заметим, что беспорядок в голове порождает неумеренные потребности, которые, в свою очередь, создают условия для повышенных запросов, поэтому императору Максимилиану часто приходится обращаться с просьбами в ландтаг, который один может его спасти от слабых решений и неправильных действий. Однако военные компании Максимилиана ландтаг отказывается финансировать»*

«Положение дел во Франции» («Ritratti della Cose di Francia»), написанное Никколо Макиавелли в 1510 году после посещения страны, представляет собой сборник отдельных и не связанных между собой мыслей, которыми он делится со своим читателем. В этом сочинении итальянский мыслитель отмечает растущую мощь Франции вследствие ее централизации, которая является результатом объединения и подчинения различных провинций Короне. Отсюда – политическая и военная сила страны, которая превалирует над ее социальной силой и силой власти короля. Вот на этом акцентирует внимание Макиавелли в этом очерке. «Во французской армии служат благородные люди, поэтому французские военные – одни их лучших в Европе. Но это если не брать пехоту. Пехота – зло французской амии, она состоит из невеже-

стороны сборщиков подати нет. Единственным свидетелем уплаты налога является совесть граждан, которым государство доверяет.

[76] Подобный портрет императора дает Квирини в отчете, который мы уже упоминали. Венецианский посол также говорит, что император «всегда прыгает от одного решения к другому, ему всегда кажется, что новый проект лучше предыдущего, но, в результате, он упускает драгоценное время и теряет подходящий случай, чтобы реализовать задуманное»

ственных людей, принадлежащих к низшим слоям общества. Большинство пехотинцев нельзя причислить к профессионалам. Это ремесленники, которые находятся в подчинении у баронов, выполняя их не всегда адекватные требования. Правда, гасконцы, которые живут недалеко от Испании, не в счет. Они все-таки больше испанцы и поэтому немного лучше чистых французов, хотя, как показал опыт, среди них встречается много нечистых на руку и очень мало доблестных воинов. Гасконцы хорошо обороняются и берут крепости, однако, они плохо сражаются на открытой местности.[77] В этом они являются полной противоположностью немцам и швейцарцам, которые не имеют себе равных, если приходится биться, например, в поле. Но если говорить о захвате или защите крепостей, то здесь последние явно уступают гасконцам. По этой причине короли Франции, не доверяя своей пехоте, нанимают швейцарцев и других ландскнехтов. Наемные солдаты, как правило, более жестоки, но менее выносливы. И еще им не хватает ловкости. Кроме того, если они геройски бросаются в бой, не думая о смерти, то они впоследствии настолько стесняются такого своего порыва, что становятся похожими на женщин, о чем говорил еще Юлий Цезарь. По словам великого полководца, наемные пехотинцы в начале боя – отважнее любого мужчины, но когда битва подошла к концу, они и на женщин-то непохожи. Тот, кто хочет победить, должен не упускать этих солдат из вида и первым отразить их атаку. Они не выдерживают длительных испытаний и легко можно их сокрушить, если в войске смятение. Именно так случилось в битве при Гарильяно, где сошлись французские и испанские войска.

«Франция, - продолжает далее Макиавелли, - *очень богатая страна, где широко развито сельское хозяйство. А вот денег в стране постоянно не хватает, поскольку всеми финансами во Франции ведают аристократы и епископы. В руках французской церкви сосредоточено две трети всего богатства страны, поэтому церковь во Франции обладает огромной политической властью. Со стороны церкви французская корона получает огромную поддержку. Но сам французский народ – смиренный и послушный, он очень почитает французского короля. Материальные притязания у него небольшие, он довольствуется малым, хотя большинство простых французов постоянно употребляет в пищу мясо и имеет стабильный доход . Но одежда французов довольно грубая, на предметы одежды они тратят мало денег. Они не одеваются в шелк, причем не только мужчины, но и женщины, которые не хотят выставлять напоказ свое благородное происхождение. На другой странице этого сочинения, составленного из фрагментов воспоминаний, Макиавелли пишет уже о другом: «Французы, с одной стороны, – народ жадный, с другой стороны, щедрость многих из них не знает границ. И все же француз легко может совершить кражу, если захочет кушать, а потом пригласит того, кого обокрал, разделить с ним трапезу. В этом отношении французы отличаются от испанцев, которые, если и украдут у кого-либо что-либо, то и вида не подадут*».

По всей видимости, Макиавелли не испытывал симпатий ни к французам, ни к Франции, которую знал немногим лучше Германии. И, действительно, у республики были большие проблемы. Доказательством того, что Макиавелли недолюбливал Францию, могут служить некоторые короткие афоризмы итальянского мыслителя, которые он собрал под заголовком «О природе французов» (Della Natura dei Francesi): *«В беде французы очень застенчивы и скромны, но если им улыбнулась удача, они наглеют. Они скорее скупы, чем благоразумны. Они злобно плетут, словно паук, ложные сведения. Они легкомысленны и суетны. Итальянцы никогда не проводят столько времени в суде, как французы, разве что когда им грозит потеря всего имущества».*

[77] В последней франко-прусской войне немцы обвинили французов в том, что они менее хороши в бою на открытом поле, и всегда предпочитают сражаться под прикрытием. «Тактика французов, - писали французские газеты, - вступать в бой либо когда за их спинами – какой-либо форпост, либо когда их прикрывают с фланга». Хотя Французская революция и наполеоновские войны сформировали совершенно иное представление о французах.

В «Положении дел во Франции» Макиавелли делает зарисовки и других стран, граничащих с Францией. Наверное, для того, чтобы показать французам, что им нечего бояться, что на них никто нападать не собирается. Он упоминает в своем очерке и о налогах, и о доходах населения, и о законах, исходящих от правительства. Он рассказывает о французской армии, университетах, судах, административной системе и, конечно же, о монархии, пользующейся исключительным правом и имеющей неограниченную власть. Это сочинение, скорее, напоминает путевые «заметки на полях», поскольку информация, которую дает Макиавелли, кратка, лаконична, можно даже сказать – мимолетна.

Но что, прежде всего, привлекает внимание в этом очерке, так это то, что в нем, как и в своих заметках, посвященных Германии, автор пытается дать широкий образ страны, построенный на соединении конкретных фактов и метких зарисовок, касающихся природы страны, характера народа, особенностей управления. Эти зарисовки, являющиеся результатом наблюдения автора, становятся центром повествования, они начинают рассказ о том или ином событии и заканчивают его на той же ноте. Они являются фоном, на котором представлена политическая и социальная жизнь страны и ее «свободных граждан». Правда, существует определенная опасность личной свободы, которая приносится в жертву, но массы по-прежнему остаются угнетенными. Время доказало истинность этого мнения. По прошествии стольких веков, после смены сотен поколений и множества революций данное суждение является неоспоримо верным.

Сегодня Франция тоже страдает от своей централизации, которая своими корнями уходит в глубь веков, о чем говорит Алексис Токвиль в своей книге «Революция и прежний режим» («La Revolution et l'ancien Regime"). Эта централизация рассматривается и в «Положении дел во Франции». И по-прежнему сохраняется в стране та чрезмерная власть духовенства, о которой говорил Макиавелли. Даже большая часть тех немногочисленных земель, которые стали потом собственностью государства во время революции, о чем писал Токвиль, не ускользнула от внимания Макиавелли, который знал древнее происхождение этих земель. Флорентийский секретарь всегда говорил о том, что имело всеобщее и политическое значение. При этом он старался подходить к тому, о чем говорил и писал, объективно. Правда, часто «детали» обманывали его, но его это совсем не волновало.

Описывая Германию, Никколо Макиавелли исходил из большого разнообразия локальных обычаев и традиций, национальных интересов, местного колорита и менталитета. Даже если они вносили определенную сумятицу, поскольку не говорили о единстве нации, которой можно централизованно управлять, все же не ослабляли истинную мощь страны, стремящейся, даже на фоне внутренних беспорядков и волнений, к индивидуальной независимости, в связи с чем придавала огромное значение военной подготовке. И сегодня Германия после всех триумфов и падений, после войн за национальное единство сохраняет свою федеративную форму, хотя и подвергается воздействию различных элементов, которые борются между собой за влияние над этой страной.

Есть еще один очень важный факт, о котором Макиавелли не упоминает. Это – огромное религиозное противостояние, которое подготовило Реформацию. Но это объясняется, с одной стороны, тем фактом, что итальянский политик и мыслитель, как мы помним, никогда не жил в самой Германии и даже не знал немецкого языка. С другой стороны, необходимо вспомнить, что Макиавелли был настолько равнодушен ко всем религиозным вопросам, что, даже если бы и знал о религиозной борьбе внутри самой Германии, не посчитал бы нужным акцентировать на этом внимание. Такая позиция была свойственна многим итальянцам, живущим в ту эпоху.[78]

[78] Немецкий историк Г. Хайденхаймер пытается простить итальянского мыслителя, отмечая, что Макиавелли или мало находился в Германии, или совсем не посещал эту страну, язык которой он также не знал. Он был знаком хорошо с ее судебной системой, но не с немецким народом. Это верное замечание, как верным является и то, что незнание религиозной жизни народа – существенный недостаток Макиавелли как политика.

Глава XI

Пизанская кампания. – Переговоры с Францией и Испанией. – Пиза зажата с обеих сторон. – Макиавелли отправляется в Пьомбино, чтобы вести переговоры о капитуляции. – Макиавелли в лагере. – Сдача Пизы и ее оккупация Флоренцией.

Когда в Генуе в 1507 году началось восстание, Людовик XII пообещал флорентийскому послу Франческо Пандольфини, что, приехав в Италию с армией и усмирив этот город, он остановится в Тоскане, чтобы окончательно подчинить Пизу флорентийцам. Он сказал это с такой уверенностью, что было принято решение отблагодарить французского короля, если так и произойдет. Однако, когда Людовик покорил Геную, он вернулся назад во Францию, не выполнив своего обещания. Но как только флорентицы освободились от страха перед Максимилианом, который сделал небольшую передышку после заключения перемирия с венецианцами, они подумали и пришли к выводу, что лучше решать свои дела, полагаясь на собственные силы, которых у них предостаточно. Поэтому во Флоренции молниеносно было принято решение вернуть Пизу, оставленную в прошлом году, под свой контроль, применив при этом тактику выжженной земли. Однако, голову подняли противники гонфалоньера Содерини. Оппозиция называла эту войну жестокой и взывала к совести, рисуя картины страдающих от нищеты пизанских крестьян и умирающих от голода и болезней женщин.Так был запущен и поддержан проект по устранению гонфалоньера от власти, оставалось только ждать подходящего момента для реализации планов.

Пизанцы были очень подавлены. И чтобы еще больше зажать их в тиски, флорентийцы наняли генуэзского корсара Барделлу, выделив ему ежемесячное жалованье в 600 флоринов. Этот корсар тремя кораблями перекрыл устье реки Арно, предотвращая оттуда доставку припасов в осажденный город. Никколо Макиавелли, который, набирая пехотинцев, объездил в марте-апреле всю территорию Флорентийской республики, теперь был отправлен в военный лагерь, где должен был находиться с августа по ноябрь. Там он выплатил жалованье солдатам, разъяснил им суть предстоящей военной операции, сделал распоряжение пополнить ряды пехотинцев, внес предложение избирать капралов (примерно 400 человек, по его предложению, были поставлены на эту должность и утверждены Девяткой). И после всех этих хлопот, Десятка доверила Макиавелли руководство всей компанией. 18 августа он получил следующее письмо: *«Вы достаточно благоразумный и предусмотрительный человек. Чтобы держать операцию в тайне, поступайте по своему усмотрению».* В октябре флорентийская армия не только совершила очередной набег на пизанские земли, но и захватила часть Виареджо, а именно – город Лукку, вынудив его жителей заключить соглашение сроком на три года, по которому они обязывались не оказывать какую бы то ни было помощь Пизе – ни финансовую, ни продовольственную, ни военную.

Но когда Франция поняла, что Флоренция настроена решительно, что собирается любой ценой самостоятельно довести войну с Пизой до конца, не прибегая к чьей-либо помощи, возмущению ее не было предела. Она заявила, что проводить тактику выжженной земли, не спросив при этом разрешения Его Королевского Величества, было необдуманным шагом флорентийцев. Французы были недовольны и тем, что флорентийцы вели переговоры о заключении мирного договора с Максимилианом, их злейшим врагом. Затем Франция объявила, что собирается направить в Пизу генерала Дж. Тривульцио с небольшим (300 человек) войском, который поможет флорентийцам взять город, хотя это был только повод, чтобы заявить о своих правах на пизанские земли. Во Флоренции прекрасно понимали, что Франция не имеет права требовать Пизу, причитая, что ее несправедливо обидели, Претензии Франции считали абсурдом. Однако, от настойчивых требований короля, который выжимал деньги у республики,

невозможно было спрятаться. Но во Флоренции уже было известно о том, что проект папы Юлия II под названием «Камбрейская Лига», который он долго вынашивал, увенчался успехом: в декабре 1508 года Святой Престол, невенчанный император Священной Римской империи, Испания и Франция объединились против Венеции. Это событие на время увело Тоскану, находящуюся в состоянии войны и бросившую Франции вызов, из поля зрения, оставив ее наедине с собой, но Флорентийскую республику явно недооценивали. Между тем, Франция обещала ввести свою армию в Северную Италию, если она не дождется денег, показав тем самым алчность и опасность своей политики.

Поэтому в Блуа на переговоры отправились послы Алессандро Нази и Джованни Ридольфи. Перед ними была четко поставлена задача – заплатить как можно меньше Франции и Испании, которая тоже выставляла Флорентийской республике необоснованные претензии. Последняя заключила сделку с Флоренцией, сославшись на старую дружбу, связывавшую Испанию и Пизу; Франция же торговалась со своим старым союзником, который собирался принимать решение, опираясь на свои собственные силы и учитывая собственные интересы. Но нужно было где-то пойти на уступки. Переговоры шли долго потому что речь шла не только о сумме, которая должна была быть предоставлена, но и о способах оплаты. Кроме того, надо было сделать подношения министрам Франции и Испании, которые, в награду за согласие, просили все больше и больше и поэтому не спешили заключать соглашения. Наконец, от Нази и Ридольфи пришло сообщение, что 13 марта 1509 года подписан договор, по которому Флоренция обязана выплатить несколькими партиями 50 000 дукатов французскому государству и столько же испанскому. Послу Испании был обещан гонорар в размере 1500 дукатов (тысячи ему оказалось мало). Но это еще не все. В обстановке самой строгой секретности (во избежание ревности со стороны Испании) должен был быть подписан еще один договор с Францией, в котором было прописано, что Флоренция обещает Франции еще 50 000 дукатов. Таким образом, Республика должна была заплатить своим друзьям 150 тысяч дукатов, чтобы они отказались от своих прав на владение Пизой. Но, несмотря на стремление к разрешению этого спорного вопроса дипломатическим путем, Флоренция все же встала на тропу войны. Поэтому Никколо Макиавелли постоянно находился в лагере 15 февраля он получил письмо от Десятки, в котором нашел необходимые приказы и распоряжения, *«потому что все руководство этой военной компанией мы возложили на ваши плечи».* Для Макиавелли, который не имел никакого отношения к военной службе, это была огромная ответственность. Но он с таким жаром, с такой страстью взялся за доверенное ему дело, что, казалось, неприятности сами собой отступают, уступая место чудесам. Все шло гладко, как по маслу. Корсару Барделле генуэзцы приказали отступить, и тут же корабли, нагруженные зерном, спустившись по реке Арно, направились в Пизу, чтобы оказать оккупированному городу помощь и поддержку. Но 18 февраля им преградили путь вооруженные люди, а 800 пехотинцев под прикрытием артиллерии, согласно приказу, направились к церкви Святого Петра (*San Piero in Grado),* чтобы контролировать устье реки. Еще одна вооруженная группа разместилась в долине Серкио, чтобы следить за каналом, именуемым «Мертвая река», по которому через Осоле или Осери шли корабли в Пизу. Спустя некоторое время к осаде Пизы подключился известный зодчий Антонио да Сангалло, который, вместе с корабельными мастерами, соорудил деревянную дамбу. Эта дамба, перекрыв Арно, затруднила поставку продовольствия в осажденный город. Следом, по приказу Макиавелли, подобная конструкция перекрыла проход кораблям через канал. Все это время, пока шли подготовительные работы к взятию Пизы, секретарь вел переписку с Десяткой, оставив не очень довольного, но не подающего вида генерального комиссара Никколо Каппони в Кашине, полностью игнорируя его, за что получил дружеский выговор от Содерини, который посоветовал своему сподвижнику сохранять знаки приличия, хотя бы для видимости.[79] Вскоре Каппони

[79] Письмо из Андреа делла Валле от 19 февраля 1508/1509 г.

получил от Макиавелли письмо, в котором говорилось, что он «был на мельнице в Куози, чтобы понаблюдать не направляются ли в Пизу какие-нибудь новые суда и, если да, то перекрыть им путь».[80] Макиавелли некогда было отдавать комиссару дань учтивости, о чем просил Содерини. Лавина дел накрыла его с головой. Он направился в Лукку, откуда тоже шла в Пизу поддержка, и пообещал жителям строжайший контроль за их кораблями.

7 марта было закончено строительство дамбы через канал. Это сооружение, находящееся недалеко от селения Куози), представляло собой три ряда спрятанных глубоко под водой железных свай. Дамба пересекала реку Осери, рядом с ней находились три небольших суденышка, захваченных у пизанцев, которые могли бы помочь флорентийским солдатам пройти этот участок реки. И в это же время Никколо Макиавелли писал Десятке, что «Якопо Савелли с восьмью лошадьми дважды переходил эту реку, что даже войско царя Ксеркса могло бы ее перейти». И, демонстрируя свою уверенность в том, что Флоренция на правильном пути, Макиавелли добавил: «Это прекраснейшая из всех компаний. Она заставит заговорить о себе весь мир. Хотя я все еще не верю, что на этот раз жители Лукки одумаются и перестанут помогать Пизе. В Лукке много сочувствующих; в основном, это частные лица. Они-то и везут помощь. Некоторые пизанцы тоже едут в Лукку за поддержкой. Но я, будучи в Лукке, сказал, что нельзя работать на два лагеря, что нужно выбирать: или договор с Флоренцией, или договор с Пизой. Нельзя вести двойную игру».[81] Макиавелли считал, что луккийцы не только могут, но и должны как предотвратить отправку помощи Пизе, так и не допустить, чтобы пизанцы сами везли ее из Лукки.

И вот наступил момент, когда флорентийская армия была разделена, согласно поставленным задачам, и вот-вот должны были начаться боевые действия. Не кажется ли странным то, что вся тяжесть этой войны упала на плечи Никколо Макиавелли, который не был ни генералом, ни комиссаром, а только человеком из окружения Содерини, его доверенным лицом? Совет восьмидесяти избрал двух новых комиссаров[82] – Антонио да Филикайя и Аламанно Сальвиати. 10 марта они встретились с Макиавелли и Каппони в Кашине, чтобы обсудить ход дальнейших действий, чтобы как можно скорее закончить эту военную операцию. Было решено разбить три лагеря. Один – в базилике Святого Петра, где должны были находиться Макиавелли и Сальвиати вместе с Антонио Колонной, наблюдающем за мостом через канал, строительство которого было почти завершено, и бастионом для его защиты. Второй лагерь предполагалось разместить в церкви Св. Якова. Он должен был не допустить помощь Пизе, шедшую из Лукки по долине Серкьо. Этим лагерем руководил комиссар Антонио да Филикайя. Но оставалась еще дорога по горным склонам, по которой население Пизы несло на себе провизию из Лукки Поэтому третий лагерь расположился в Медзане, откуда просматривались все пути. Командиром этого лагеря был назначен комиссар Каппони. Как только все три лагеря общим количеством тысяча человек (две трети состава этих лагерей были флорентийскими военными) заняли назначенные им места, у Пизы была отнята последняя надежда на спасение.

Но перед тем, как планы по осаде Пизы были претворены в действие, Маккиавелли в письме от 10 марта получил приказ отправиться в Пьомбино, куда должна была прибыть большая делегация из Пизы с дипломатической миссией по разрешению конфликта, чтобы предложить условия капитуляции.[83] У флорентийцев, правда, были опасения, что это такой ход

---

[80] Письмо от 20 февраля

[81] Письмо от 7 марта 1508 г.

[82] Гвиччардини, который не очень был благосклонен к Содерини, писал, что «эти выборы были преднамеренными. Ситуация требовала хорошей подготовки, которую должны были осуществлять люди с большой репутацией. А единственным человеком, который был хорошим организатором и, к тому же, уважаемым человеком среди солдат и офицеров, был Никколо Макиавелли, секретарь Десятки»

[83] В состав делегации входили как горожане, так и крестьяне. Ф. Гвиччардини в «Истории Флоренции» говорит, что их было 20 человек. С. Аммирато, еще один современник Макиавелли, написавший историю Флорентийской республики, отмечает, что делегация состояла из 24 человек. Сам Макиавелли не указывает количество представителей от Пизы, прибывших

конем пизанцев, что они просто хотят выиграть время. Поэтому Совет Десяти и командировал Макиавелли с целью разузнать их намерения, выявить, действительно ли они собираются поднять вопрос о безоговорочной капитуляции. Было оговорено, что если Никколо поймет, что пизанцы что-то замышляют, он немедленно покинет эти переговоры, не подписывая никаких соглашений.[84]

Пиза, действительно, была доведена до крайности. Организовав слежку по трем направлениям, флорентийцы убили у пизанцев надежду на всякую помощь извне – как со стороны Лукки, так и со стороны моря. А заплатив Испании и Франции за отказ от прав на владение Пизой, Флоренция получила полную свободу действий. Но в это же время над Европой сгущались тучи. Великая война, следствием которой была Камбрейская лига, была неизбежна. Все внимание было приковано к этой войне и к военной мощи государств, вступавших в нее. Понтифик, войска которого заняли Северную Италию, тоже не остался в стороне. Поэтому про пизанцев, надеющихся на помощь, все забыли. До этого времени они вели долгую, героическую борьбу, стойко держали оборону и, несомненно, продолжили бы сопротивление, если бы не эти, создающие серьезную опасность, внешние обстоятельства, которые могли иметь непредсказуемые последствия.

Энергии и упорству пизанцев, благодаря которым они побеждали в сражениях, можно было только позавидовать. Эти качества они приобрели в результате того, что всегда рассчитывали на свои силы. Если флорентийцы привлекали в свою армию наемников и резервистов, то граждане Пизанской республики сами брали оружие в свои руки, причем в правительственные войска служить шли не только горожане, но и жители сельской местности.

Этот союз города и деревни, ставший новым явлением в республиках Италии, укрепил силу пизанского народа, породил множество примеров добродетели, самоотверженности и героизма, необычных в итальянской истории того времени, которыми восхищались даже враги Пизы. Сам Макиавелли признавал, что у пизанцев следовало бы поучиться организации ополчения. Но столь длительная война привела и к другим последствиям. Она, прежде всего, усложнила жизнь крестьян, которые подвергались ежедневным нападениям. Их убивали, разоряли, и это в конечном итоге привело к тому, что крестьянство не просто вошло в состав пизанского правительства, ставшего, по сути, военным правительством, организовывавшем самооборону города, но и заняло в нем ключевые посты. Именно крестьяне, взяв власть в свои руки, стали той силой, которая могла дать отпор врагу. Что же касается городских жителей города Пизы, то они старались не лезть на рожон, если того требовала политическая обстановка. Благодаря природному чутью и сообразительности, горожане стремились вести дела с учетом общественных интересов. Это привело к тому, что со временем между городским и сельским населением Пизы возник конфликт, в результате которого в Пизанской республике началось внутреннее противостояние.

Длительное сопротивление пизанцев привело к тому, что сельским районам Пизы был нанесен колоссальный ущерб: поля были сожжены, крестьяне – разорены и разграблены. Но флорентийцы, как известно, не пылали жаждой мести, хотя и требовали от жителей Пизы безоговорочной капитуляции. Они обещали гражданам Пизы, что будут относится к ним гуманно, как к своим подданным, если последние станут частью Флорентийской республики. Эти условия вполне удовлетворяли жителей сельской местности, хотя они понимали, что, как только война закончится, они, по договору, будет иметь равные права со всеми субъектами итальянских республик, находясь у Пизы в формальном подчинении. Но пизанцев-горожан такая перспектива не устраивала. Для них безоговорочная капитуляция означала полную потерю своей независимости, а свою свободу они ценили больше всего на свете. Так в Пизанской республике

на переговоры, но отмечает, что их сопровождало много пизанцев – “161 человек, а может, и больше”.

[84] Письмо Макиавелли от Десятки за 10 марта 1508 года.

начался конфликт города и деревни. Селяне говорили, что их поля были доведены до такого состояния, что продолжить оборону страны для них стало уже невозможным. Ведь, будучи голодным, трудно сражаться с врагом, лучше уж сдаться. Но городские граждане Пизы, будучи достаточно упрямыми и своенравными, не собирались сдаваться. Они тянули время, выжидали, просчитывая тысячу вариантов, чтобы продолжить войну. Вначале они стали предлагать Флоренции сельскохозяйственные угодья, но самих крестьян пытались запугать тем, что завоеватели обрушат на их головы свой гнев, будут мстить за былое сопротивление, хотя, как известно, флорентинцы были всегда народом доброжелательным и милосердным. Идея отдать Флоренции только земли, находящиеся в сельской местности, никого не прельщала, поскольку Флоренция все равно не оставила бы в покое город. Война вспыхнула бы с новой силой и неизбежно перекинулась бы на сельскую территорию, уничтожив и разорив часть пизанского крестьянства.

Учитывая обстановку, теперь становится понятным, почему в состав посольства, отправленного из Пизы в Пьомбино, входили и городские, и сельские жители. Однако, мыслили они неодинаково, интересы горожан и крестьян явно не совпадали. Эту особенность Пизанской делегации Макиавелли хорошо знал, что дало ему возможность попытаться извлечь выгоду из внутренних распрей переговорщиков из Пизы. Но 15 марта он написал Десятке о том, что возложенная на него миссия может не состояться, поскольку пизанцы, которые все пребывают и пребывают в Пьомбино, начали возмущаться тем, что вместо двух или трех авторитетных граждан к ним на переговоры послан обыкновенный секретарь, да и тот приехал сюда не прямиком из Флоренции. Но как бы то ни было пизанцы, которые, кстати, не имели мандата на заключение договора, стали говорить о мире и просили сохранить им жизнь, имущество и честь. Макиавелли был ужасно недоволен тем, как повела себя пизанская делегация. После нескольких невнятных слов представителей Пизанской республики уполномоченный от Флоренции сказал мэру Пьомбино: «Я не знаю, что ответить пизанцам, потому что они толком так ничего и не сказали. Если они хотят получить ответ, то они должны четко дать понять, чего они желают. Вот, к примеру, Пьомбино… Власти вашего города решили покориться, но при этом они не требовали, чтобы жителям города сохранили жизнь, имущество, честь, о чем умоляют пизанцы. И вам подарили умеренную свободу».[85] Тогда члены пизанской делегации предложили Флоренции взять прилегающие к Пизе территории, а сам город, спрятавшийся за крепостной стеной, оставить независимым. «Разве Вы не видите, - обратился Макиавелли к правителю Пьомбино, - что они смеются над вами? Если вы не хотите отдавать Пизу в руки флорентийских синьоров, то с этими посланниками бесполезно вести переговоры. Что же касается безопасности, то гарантировать ее я не могу, поскольку к пизанцам нет доверия». А крестьянам позже Макиавелли сказал, что «его поражает их простота и доверчивость, что они – пешки в чужой игре, которая в любом случае обернется для них большими потерями. Если произойдет силовой захват Пизы, то крестьяне уж точно могут потерять все, в том числе и жизнь. В случае, если пизанцы выйдут победителями в этой войне, то сельские жители будут порабощены еще больше. Они не будут иметь никаких прав, а будут только пахать, сеять на благо своих господ». Услышав это, делегаты, выступающие от имени пизанского крестьянства, в целом, согласились с Макиавелли. И тогда один из тех, кто говорил от лица городского населения, испугавшись такого поворота, начал кричать, что так нельзя говорить, что флорентийский секретарь этими словами пытается посеять вражду среди пизанцев, которые и без того разделены на два лагеря. И тут один из крестьян, которого звали Джованни да Вико, громко воскликнул: «Мы хотим мира! Посол, мы хотим мира!» Но Макиавелли потерял уже всяческий интерес с беседе с делегатами из Пизы, ему было уже все равно, что они скажут, и на

[85] В 1115 году город Пьомбино был в составе Пизанской республики. Но в 1399 году Пьомбино, благодаря своему правителю Жерардо Аппиани, получил статус независимого государства.

следующий день он уехал, хотя пизанцы долго его атаковали. Даже тогда, когда он, оседлав лошадь, собирался покинуть Пьомбино, пизанцы требовали продолжить переговоры[86]

Макиавелли вместе со всеми членами своей делегации, по приказу Десятки, требовавшей скорейшего возвращения дипломатической миссии[87], отправился во Флоренцию. Ехали они в больших раздумьях, ведь уже папа и Франция – каждый со своей стороны – шли против Венеции. Вскоре Макиавелли отправляется в лагерь под Медзаной. Десятка советует ему остановиться в Кашине. В письме от 16 апреля он пишет о состоянии армии, отмечая, что, после тщательного изучения войска, пришел к выводу о хорошей боевой подготовке флорентийской пехоты, которая ничем не хуже пехоты других итальянских республик. В конце этого послания он очень просит оставить его здесь, поскольку, находясь в Кашине, куда можно послать и другого человека, очень трудно контролировать состояние дел как у самих пехотинцев, так и в лагере в целом. Конечно, он добавляет, в Кашине более спокойно и менее опасно, «но если бы я хотел избежать опасности и стремился бы к легкой жизни, я бы не покинул Флоренцию. Поэтому я очень бы хотел, чтобы Ваши превосходительства разрешили мне остаться здесь, чтобы оказывать комиссарам лагеря посильную помощь в насущных делах. Именно здесь я смогу быть полезным. Если я буду там, где от меня будет мало пользы, я просто умру от отчаяния. Поэтому я еще раз прошу вас направить в Кашину кого-нибудь другого».[88] Члены Десятки поддержали Никколо Макиавелли в его решении, разрешив ему остаться там, где он сможет принести пользу[89], и секретарь стал смотреть за всеми военными лагерями (их, как мы помним, было три): следить за порядком, за тем, чтобы солдаты ни в чем не нуждались. Он знал, что нужен здесь, в лагере. Макиавелли распределял жалованье, добивался поставок провианта армии, консультировал, руководил необходимыми операциями, предотвращающими помощь Пизе.[90] 18 мая он поехал в Пистойю, чтобы поторопить отправку хлеба в армию, которая по непонятным причинам задерживалась. Там он отдал необходимые распоряжения, касающиеся того, чтобы в дальнейшем таких неудобств не возникало.[91] Все заботы, легшие на плечи Макиавелли дали желаемый эффект: защитники Пизы, несмотря на крепость своего характера, который помогал им стойко держать оборону, приняли решение отступить.

20 мая три комиссара написали Десятке,[92] что из Пизы приехала делегация в составе четырех человек с просьбой о создании безопасного коридора для своих послов, которые прибудут во Флоренцию, чтобы подписать договор о капитуляции. На следующий день эти послы в сопровождении девяти человек, пять из которых представляли город, а четверо – крестьянство,[93] прибыли в лагерь и сразу же, в тот же вечер, вместе с Аламанно Сальвиати и Никколо Макиавелли, отправились в Сан Миниато.[94] 31 мая Макиавелли уехал в Кашину, а послы, согласившись на условия безоговорочной капитуляции, предложенные Флоренцией, вернулись в Пизу. Но нельзя было терять ни минуты. 2 июня из осажденного города вышла колонна из 300 человек. Голодные, изможденные люди направились в Меццану, чтобы попросить хлеба. Их накормили, а на следующий день почти все жители Пизы и близлежащих селений вышли

---

[86] Письмо от 15 марта 1508/9 г.

[87] Письмо от Десятки датировано 5 апреля. В нем говорилось, что Макиавелли вместе со всеми людьми, которых он взял с собой в эту поездку, должен быть во Флоренции как можно быстрее, желательно в тот же день. Ему писали: «Поторопись, ибо дело не требует отлагательств».

[88] Письмо от 16 апреля 1509 года.

[89] Письмо от 17 апреля 1509 года

[90] Письмо от 21 апреля из лагеря, расположенного при церкви Св. Петра.

[91] Письмо от 18 мая из Пистойи.

[92] Это письмо хранится во флорентийском архиве. Под ним стоит четыре подписи (Макиавелли и трех комиссаров. Написано из лагеря, расположенного в долине Серкио.

[93] В письме от 21 мая, написанном Макиавелли и подписанным Сальвиати, говорится, что в делегацию от Пизы входили пять крестьян и четыре горожанина; но верительные грамоты членов Пизанского правительства исправляют эту ошибку.

[94] Письмо от 24 мая 1509 года из Сан Миниато, написанное Макиавелли и подписанное Сальвиати.

из своих домов и пошли по тому же самому пути. Их было так много, что они чуть не смели лагерь, который не смог вместить всех голодных и несчастных.[95] 6 июня все было готово для триумфального входа флорентийской армии в город, что должно было произойти уже на следующий день. А в Меццану к Макиавелли приехали три комиссара и выдали ему три тысячи дукатов на жалованье солдатам. Они также привезли с собой приказ, согласно которому солдаты, готовящиеся войти в город, должны получить одну треть причитающегося им денежного довольствия. Этим решением правительство Флоренции хотело предотвратить случаи мародерства, ведь у солдат, имеющих при себе деньги, не было бы соблазна отбирать у несчастных пизанцев последнюю рубашку. Однако, войска вошли в Пизу не 7 июля, а через день, т.е. 8 июля. С чем связана такая задержка, неизвестно. Хотя существует версия, что здесь не обошлось без предсказаний астрологов, которые определили не только день, но и час, когда следует войти в покоренный город. Среди писем, адресованных Макиавелли в те дни, есть письмо от одного из его друзей, Латтанцио Тедальди, в котором он настоятельно советует Никколо не входить в Пизу до половины первого, а лучше, если это произойдет во втором часу дня. «Это лучшее время, оно принесет нам удачу», - пишет Тедальди.

Согласно точке зрения современных историков, с того самого момента, как Флоренция захватила Пизу, в городе все изменилось в лучшую сторону. Флорентийцы относились к жителям покоренного города, на долю которых выпало так много страданий, благосклонно и дружелюбно.[96] Флорентийцы не только не стремились показать свою силу и превосходство, применяя насилие к местному населению. Они ввезли в город большое количество продуктов питания, распределяя их таким образом, чтобы никого из голодных жителей Пизы не обделить. Более того, флорентийцы вернули пизанцам их конфискованное добро, скрупулезно подсчитав все убытки, которые те понесли не только в последний год, до дня подписания мирного договора, но и раньше. Якопо Нарди, флорентийский историк, говорит, что Пиза должна быть благодарна Флоренции, которая много сделала для ее граждан, которые, прежде чем согласиться на условия мира, выставляли разного рода ультиматумы. Пизанцам вернули их утраченные привилегии, восстановили в правах административную магистратуру города, разрешили заключать торговые сделки. Они получили возможность разрешать споры в суде, обращаться к тем же судьям, что и флорентийцы. Однако, все эти решения сыграли на руку победителям. К благодетелям Пизы следует причислить, в первую очередь, Макиавелли и Содерини, которые играли важную роль в принятии указов и постановлений, затрагивающих судьбу пизанцев. Но жители Пизы, которых вынудили склонить колена перед захватчиками, все равно не было удовлетворены, ведь свобода, независимость, политические права для них были потеряны навсегда. Теперь ни один гражданин Пизы не мог самостоятельно решать судьбу своего города. Кроме того, целые семьи граждан Пизы были сосланы в Палермо, Лукку, Сардинию и другие города Италии. Важно также отметить, что после покорения Пизы многие жители бывшей Пизанской республики начали переходить на службу во французскую армию. Они сражалась в Ломбардии против Венеции, а после демобилизации остались в южной Франции, климат которой так напоминал им тосканский. Среди тех, кто навсегда покинул Пизу, был широко известный род Сисмонди, из которого вышел прославленный швейцарский историк, «биограф» итальянских республик, Жан Шарль Леонар Симонд де Сисмонди.

Делая обзор событий тех лет, Якопо Нарди вспоминает Антонио Джакомини, который дал старт Пизанской войне и мог привести ее к успешному завершению. Однако зависть недругов сделала свое дело, и Джакомини подал в отставку, а вскоре о нем забыли. Умер он в глу-

---

[95] Письмо от 3 июня 1509 года.

[96] Ф. Гвиччардини в своей «Истории Флоренции» (книга VIII, гл. III) пишет: «Флорентийцы всегда были честными людьми. Даже если бы они хранили внутри себя ненависть и обиду, они не подали бы вида и сдержали бы свое обещание быть милостивыми по отношению к покоренному народу».

бокой старости, слепым и заброшенным. По иронии судьбы, победа в этой войне была приписана Никколо Макиавелли, который не знал искусства ведения войны и лаже не был простым солдатом. Но это был человек с чистой совестью, который прекрасно понимал, что эту войну выиграл Джакомини, хотя и был во время осады Пизы уже не у дел. Макиавелли никогда не презирал Джакомини, как это делали другие. Наоборот, он искренне им восхищался и осуждал тех, кто не относился к нему с должным уважением. Макиавелли считал Джакомини примером, достойным подражания, считал, что именно ему обязана флорентийская армия своими успехами. Можно сказать, что Джакомини создал ту армию, которая в конечном итоге осуществила взятие Пизы.

Итак, для Макиавелли все сложилось очень удачно. Город был взят цивилизованно, не было выявлено ни одного случая мародерства. Обращаясь к флорентийцам, Макиавелли просил их оказывать поверженному народу помощь и поддержку, что создало ему репутацию человека благоразумного, которому теперь можно доверять, а значит, и наделять властными полномочиями. Макиавелли отовсюду получал письма с поздравлениями. Одно такое письмо было датировано восьмым июня. Его прислал Агостино Веспуччи, помощник Макиавелли по флорентийской канцелярии. Он пишет, что в городе всю ночь, начиная с девяти вечера, горели факелы и невозможно описать ликование флорентийцев: «Каждый человек по-своему выражал радость, но каждый славил нашу республику, силу воли и характер нашего народа. Если бы я считал вашу гордыню непомерной, дерзнул бы сказать, что Вы с вашим войском проделали безукоризненную работу и помогли не отсрочить, но приблизить время, когда Флоренция вновь обрела по праву ей принадлежащее. Клянусь Богом, у нас столько ликования, что у меня просто нет слов…». А 17 июня комиссар Филиппо да Казавеккья, друг Никколо, написал ему из Барги: «Вы являетесь ценным приобретением этого благородного города, но и этот город в значительной степени сделал Вас как личность… День ото дня я все более и более убеждаюсь, что Вы превосходите даже тех пророков, что рождались у евреев и иных народов».

Но все эти панегирики были в некотором роде опасны как для будущего самого Макиавелли, так и для Республики в целом. С одной стороны, они спровоцировали зависть, поскольку обычному секретарю, фактически в одиночку организовавшему осаду Пизы, была дана власть, которой не обладали даже флорентийские военачальники. Но понимали ли эти завистники, что не колесо Фортуны привело Макиавелли к славе? На протяжении многих лет между Флоренцией и Пизой шла упорная, ожесточенная борьба, которая исчерпала силы обоих городов. А Макиавелли просто оказался в нужное время в нужном месте, хотя вся роль Макиавелли в этом военном предприятии сводилась к тому, чтобы в доведенный до крайности голодный и измученный город, который больше не мог себя защищать, не пропустить запасы продовольствия. С другой стороны, этот успех помог всем поверить в силу закона, в так называемую *ordinanza*[97]. В первую очередь, в нее поверил сам Макиавелли, хотя впоследствии эта *ordinanza* вызывала у него горькое разочарование.

Глава XII

Камбрейская лига и битва при Аньяделло. – Унижение Венеции. – Дипломатическая миссия в Мантую. – Поэма "Decennale Secondo" («Второе Десятилетие»). – Никколо Макиавелли впадает в немилость. – Папа – союзник Венеции и враг Франции. – Война начинается. – Третья дипломатическая миссия во Францию

[97] Ordinanza – это общее название нормативных актов, административные мер, юридических постановлений. В различных юрисдикциях этот термин используется для обозначения актов, имеющих силу закона, принятого правительством или нормативных актов, изданных местными территориальными органами.

10 декабря 1508 года наконец-то была образована Камбрейская лига, создание которой так горячо поддерживал папа. Император Священной Римской империи Максимилиан I, Испания, Франция и Юлий II объединились якобы для борьбы с турками, но фактически целью этой войны было уничтожение Венеции, земли которой они должны были разделить. Папа жаждал получить всю Романью; император претендовал на Падую, Виченцу, Верону и Фриули; Испания хотела прибрать к рукам неаполитанские земли на Адриатике; Франция, которая играла главную роль в этой войне, хотела присвоить Бергамо, Брешию, Крему, Кремону, Гьяра д'Адда и Миланское герцогство. Как только был образован этот союз, сразу же начались военные действия. Казалось, что не только люди, но и сама природа ополчилась на Венецию. Вначале взорвался склад пороха: молния ударила в крепость Брешии. Потом лодка, которая везла в Равенну 10 тысяч дукатов, перевернулась. Далее некоторые представители родовитых семейств Орсини и Колонны, которые должны были производить набор в пехоту и кавалерию и уже получили деньги (15 тысяч дукатов), по приказу папы, разорвали контракт. Но эти несчастья, следовавшие одно за другим, не сломили дух свободолюбивой Венеции и довольно быстро была сформирована мощная армия из добровольцев и наемников, среди которых было много граждан других государств и республик. Эта армия, под командованием достаточно благоразумного и осмотрительного Никколо Орсини, графа Питильяно, который, прежде чем отдать приказ, все просчитает, и импульсивного, Бартоломео д'Альвиано, действовавшего порой на эмоциях, выдвинулась к реке Ольо. Эти две личности настолько контрастировали друг с другом, что исход войны был неясен и непонятен. Других военачальников, по требованию Альвиано, даже не рассматривали.

Враги Венеции выступали единым фронтом против республики, поскольку у них была единая цель. 15 апреля Юлий II издал буллу, в которой отлучал Венецию от церкви, а вместе с ней – и тех, кто помогает Венецианской республике. Эта булла предоставила свободу врагам Венеции, которые теперь имели право грабить венецианцев и даже продавать их в рабство. 14 мая под Аддой арьергард венецианцев под командованием Альвиано столкнулся с французами, которым руководил Г.Г. Тривульцио. Однако венецианский отряд, оказавшись отрезанным от армии, продолжавшей свой путь, не смог победить французов, к которым постоянно пребывало подкрепление. Заметив это, Альвиано отправил депешу Орсини, в которой просил прислать к нему помощь. Однако, граф, со свойственной ему осторожностью, ответил, что Сенат не хочет открытого противостояния, не хочет втягиваться в войну. Но, вместо того, чтобы, как советовал Орсини, следовать дальше, Альвиано вступил в схватку с врагом. Его отряд мужественно отражал оборону, но удача отвернулась от венецианцев, которые потерпели сокрушительное поражение от итальянских пехотинцев отряда из Бризгиллы, потерявшего в бою шесть тысяч свои людей, но вышедшего победителем. Оставив на поле боя двадцать артиллерийских орудий, венецианцы бежали. Сам же Альвиано был ранен и попал в плен. Но, несмотря на полный разгром той части венецианской армии, которой командовал Альвиано, еще оставалась кавалерия, шедшая, во главе с графом Орсини, впереди и не участвовавшая в схватках. Сражение под Аньяделло было первым большим и кровопролитным боем, после которого сражения не прекращались ни на минуту. Солдаты и офицеры двух противоборствующих сторон мужественно сражались, не понимая того, что их страна является разменной монетой в руках других государств. Французы захватили Караваджо, Бергамо, Брешию, Крему, потом была взята Пескьера. Спустя 15 дней Людовик XII, прибывший в Италию во главе своей армии, уже владел всеми землями, которые были обещаны Камбрейской Лиге. Потом его пыл прошел, наступила временная передышка. Орсини спрятался в Вероне.

Тем временем папская армия, состоящая из 400 офицеров, 400 скакунов и 800 пехотинцев, среди которых было 3000 швейцарских наемников быстро двигалась в сторону Романьи. Войском командовал Франческо Мария делла Ровере, племянник папы, а ныне – герцог Урбинский, ставший таковым после усыновления дядей, Гвидобальдо да Монтефельтро, кото-

рый не имел детей. Герцог Альфонсо д'Эсте, до сих пор остававшийся нейтральным в этой войне, после известия об исходе сражения под Аньяделло изгнал из Феррары венецианского видама[98], а затем, отправив армии папы 32 свои знаменитые пушки, вернул свои земли, некогда отобранные у него венецианцами. Маркиз Мантуи[99] также объявил себя врагом Венеции. Между тем, некоторые вассалы Империи из Фриули и Истрии, ожидая прибытия Максимилиана, начали захватывать земли республики Св. Марка[100] с целью передать их врагам, надеясь тем самым заслужить их благорасположение.

Теперь Венеции ничего не оставалось, как сдаться Франции, ибо последняя уже взяла то, что хотела. Испании же венецианцы отдали некоторую часть неаполитанских земель на Адриатике, но этого для испанцев оказалось мало. Чтобы добиться желаемого результата, необходимо было сделать больше. Историки говорят, что Венецианская республика собралась пойти на уступки и к Императору в качестве доверенного лица был послан Антонио Джустиниан, который должен был отдать все, что требовал последний. Джустиниан приготовил длинную речь на латыни – "Ad divum Maximilianum Imperatorem"[101], которую должен был представить монарху. Это была достаточно подобострастная речь – речь, унижающая и Республику, и самого оратора, хотя, по многим свидетельствам, выступления и письма этого оратора всегда отличались остротой ума и были наполнены чувством собственного достоинства. Эту речь публикует Ф. Гвиччардини в своей «Истории Италии». Макиавелли также хранит ее в своих бумагах и ссылается на нее в своих «Рассуждениях» ("Discorsi"). 7 июля 1509 года флорентийский посол Пьеро де Пацци отправил из Рима копию этой речи Совету Десяти во Флоренцию, прокомментировав ее следующим образом: «Удручающее зрелище представляют собой венецианские посланцы, высокомерие которых в одночасье превращается в смирение».

Конечно, потерпевшая поражение Венеция, против которой были настроены папа, Империя и Франция, была очень встревожена, но она не падала духом. Даже эта рабская, по сути, речь не заставила ее упасть на колени. Мы располагаем наставлениями, которые Республика дала сначала Джустиниану, а потом и другим своим представителям, отправлявшимся на переговоры с теми, кто всячески стремился ее унизить. И только теперь мы понимаем, что все ее решения были взвешенными, что в каждом отдельном случае принимались постановления, соответствующие беде, исходящей извне. Пытаясь сделать все возможное, чтобы перетянуть Максимилиана на свою сторону и направить его сражаться против Франции, Венеция решила вернуть те земли, которые она в прошлом году захватила у Империи. Но то, что казалось достаточным в отношении некоторых других городов, которые император считал своими, здесь этого было мало: Венеции необходимо было признать власть императора, выплачивая ему подать. Когда Максимилиан оказался бы в Италии, венецианцы изо всех сил собрали бы ему сумму в 200 тысяч флоринов. Позже, подумав и обсудив, они объявили, что готовы платить ему даже 50 тысяч флоринов в год всю его жизнь. Однако, Император ответил, что, во-первых, он не хочет портить отношения с Францией, а во-вторых, не собирается вести переговоры с теми, кто отлучен, согласно распоряжению понтифика, от Римско-католической церкви. А Джустиниана он принять отказался, сославшись на отсутствие у него охранной грамоты. Таким образом, речь Джустиниана не дошла до императора, а значит, и не может считаться «риторическим шедевром» врага Венеции. К тому же, содержание этой речи идет вразрез с теми наставлениями, которые Джустиниан получил от венецианского Сената.

Несмотря на упрямство императора, понтифик, инициатор и организатор Лиги, был более сговорчив. Он готов был изменить свое решение, если Венеция отдаст ему папские лены

---

[98] Видам – в феодальной Франции и Германии викарий или наместник епископа.

[99] Автор имеет в виду маркиза Франческо Гонзага, который возглавил Священную лигу, созданную против Венеции папой Юлием II.

[100] Второе название Венецианской республики

[101] лат. Божественному Императору Максимилиану

в Романье. Гневу его не было предела, когда он видел, что венецианцы собирают доход с земель, принадлежащих Святому Престолу по праву. Но, с другой стороны, папа считал своими врагами всех чужеземцев, в том числе и французов, которые, взяв у Венеции то, что хотели, не собирались больше воевать. Поэтому он был склонен к тому, чтобы объединиться с императором против Франции. Но последний, несмотря на то, что испытывал нехватку денег, продвигался медленно, хотя некоторые венецианские земли уже готовы были ему сдаться. В то же время союзники шли вглубь республики, и Венеция, чтобы избежать любого конфликта с Максимилианом, готова была уступать захватчикам все новые и новые территории. Епископ Трентский очень легко овладел Вероной и Виченцей. Падуя сдалась без сопротивления. В Тревизо, однако, все пошло несколько иначе. Там, если представители высших сословий, выступавшие против венецианской власти, готовы были сдаться захватчикам без сопротивления, то народ, преданный своей родине, наоборот, с криком "Viva San Marco!"[102] поднялся на борьбу, причем не только с непрошенными гостями, но и с теми, кто готов был эту власть принять. Крестьяне грабили дома дворян, охотились за пособниками Империи. Это была своего рода искра, из которой легко могло разгореться пламя, что дало повод Максимилиану подумать о наращивании своей силы. Историки говорят, что Венеция, проявив огромную политическую мудрость и большое доверие к своим подданным, освободила города материковой части республики (так называемую "terra ferma") от клятвы послушания, предоставив их жителям право выбора – либо самостоятельно защитить себя, либо сдаться врагу. И они выбрали первое. Граждане Венецианской республики стоически сражались, потому что были преданы своей земле, своему покровителю – Святому Марку. Правда, существует мнение, что это всего лишь легенда, происхождение которой легко объяснить, если реально проанализировать историческую обстановку. Венеция собиралась посеять раздор между императором и Францией, хотела привлечь императора на свою сторону. И никакие жертвы, никакие материальные затраты не могли ее остановить. Она была готова сдать часть своих городов, о чем говорят отдаваемые ею приказы. Но когда Сенат увидел, что император в замешательстве, а народ Венецианской республики готов поднять восстание, он начал менять курс.

Венеция уже смирилась с мыслью, что Падуя должна вот-вот сдаться. 17 июля 1509 года войска Лиги вошли в город, который сразу же, вместе с крепостью, был занят захватчиками. Воспользовавшись ситуацией, народ начал мародерствовать, грабив дома богатых падуанцев. Вскоре подобные бесчинства покрыли всю территорию падуанской земли. Верона, где находился архиепископ Трента с небольшими силами, тоже была на грани восстания. Силы Империи позвали на помощь Маркиза Мантуи, но когда Франческо Гонзага прибыл на место, он тут же был захвачен в плен венецианскими страдиотами.[103] Людовик XII, вместо того чтобы помочь союзникам и вступить в войну, вернулся во Францию, оставив на границе с Вероной 200 солдат под командованием Жака де ла Палиса и 500 единиц оружия. Далее французский король, заключив с папой договор о совместной обороне своих собственных государств, оставил на произвол судьбы вассалов Церкви, среди которых находился и его союзник, главный герцог Феррары, который теперь стал ненавистен Юлию II и открыто подвергался его нападкам.

Наконец, Максимилиан решил двигаться дальше. Его целью была осада Падуи, которую венецианцы изо всех сил отчаянно защищали, расположившись в крепости. В ополчение вступили и два сына венецианского дожа Леонардо Лоредано, которые за свой счет наняли 100 солдат-пехотинцев. Их примеру последовали еще 176 венецианцев дворянского происхождения, а затем большинство населения окрестных сел, собрав скудный провиант, направилось в сторону крепости, чтобы держать оборону. Император командовал самой могущественной, хорошо вооруженной (200 пушек) армией, которую в Италии не видели уже много веков. В

[102] ит. Да Здравствует Республика Св. Марка!

[103] Страдиоты – легкая конница балканского происхождения, служившая в армии Венеции с конца 15 в.

эту армию, насчитывавшую от 80 до 100 тысяч человек, входили французы под командованием Жака де ла Палиса, испанцы, обученные военному делу еще Гонсальво ди Кордовой, итальянцы, немцы, искатели приключений из других стран. Вскоре началась осада Падуи, была осуществлена попытка прорыва. Однако, когда вражеская армия собиралась взять штурмом город, взорвались заложенные защитниками Венецианской республики мины, и большая часть неприятелей, атакующих крепость, включая капитанов, руководивших операцией, взлетело на воздух. В результате 3 октября осада была снята. Союзники были очень недовольны, особенно император, который, оказавшись опять без денег, начал вновь искать источники дохода. И тогда Максимилиан вспомнил о флорентийцах, напомнив им о той сумме, которая была ему обещана Веттори, когда он окажется на итальянской земле. И вот он сейчас здесь, в Италии.

Договорились о том, что флорентийцы отправят Максимилиану в Верону, куда он собирался прибыть, хотя спустя какое-то время повернул обратно, двух своих послов – Джованни Витторио Седерини и Пьеро Гвиччардини, отца историка. Макиавелли посоветовал им ознакомиться с тем, что написал о Германии и императоре и попросил их быть предусмотрительными. Не следует, говорил он, вести себя так, чтобы «вечер не заканчивался утром». 24 октября 1509 года послы, прибывшие в Верону, подписали договор, согласно которому флорентийцы брали на себя обязательство выплатить Максимилиану 40 тысяч дукатов в обмен на его дружбу и покровительство. Но император не должен был получить всю сумму сразу, было решено выплачивать деньги частями: в октябре, ноябре, январе и феврале.

Второй взнос предполагалось выплатить 15 ноября. Поэтому 10 ноября было решено отправить в Мантую Никколо Макиавелли, который, отдав императору деньги, должен был отправиться в Верону или куда-либо еще, где ему посчастливиться добыть нужные сведения. Выполнив поручение, Макиавелли стал собирать информацию прямо в самой Мантуе, хотя и знал, что это «то место, где рождаются слухи, где идет дождь из сплетен, которые себя чувствуют вольготно не только на улицах города, но и при Дворе».[104] 22 ноября он был уже в Вероне, откуда 26 числа написал письмо Десятке о делах и настроениях в городе, обращаясь, как всегда, к фактам, которые помогают раскрыть истину. «Дворяне, - говорит он в этом письме, - не любят Венецию, они все на стороне союзников, но простой народ – крестьяне, чернь – все они *marcheschi.*[105] Епископ Трента находится в Вероне с несколькими тысячами пехотинцев и лошадей. В Виченце – восстание, и она уже перешла в руки Венеции. Император сейчас в Ровередо и не хочет принимать никаких послов. Дворяне Вероны смотрят в сторону Франции, которая, наконец, отправила в Италию 200 гасконцев и 200 военных. Но эта помощь не играет никакой роли, потому что она – мизерная. А между тем, союзники разоряют и обкрадывают страну неописуемым образом. Поэтому в сознании крестьян вспыхнуло желание мести. И своими врагами они, в первую очередь, делают венецианских патрициев. Именно на них они направляют весь свой гнев, всю свою ненависть. Но истинные венецианцы, хотя и не напоминают иудеев, восставших против римлян, скорее, примут смерть, чем отрекутся от своей родины. Вчера один такой предстал перед епископом. Он сказал, что был и остается *marchescho* и умрет *marchescho,* что он не может жить иначе. Он просил епископа, чтобы тот укрепил его, поддержал. Учитывая это, приходишь к выводу, что никакие короли не смогут завоевать страны, где живут такие крестьяне».[106] Сильное и героическое сопротивление этих крестьян напоминает сопротивление пизанских крестьян против Флоренции. Это говорит о том, что именно в низших слоях итальянского общества сохранилась крепость духа и моральная сила, которые пока еще не изучены историками.

---

[104] Письмо от 20 ноября из Мантуи.

[105] *итал.* преданные Св. Марку

[106] Письмо от 26 ноября

«Война в таких условиях, - отмечает Макиавелли, - не может продолжаться долго. Затягивать ее нельзя, потому что чем дальше – тем больше будет крепнуть любовь народа Венеции, измученного союзниками, которые убивают и разоряют венецианцев, к своей родине. Но дворянское сословие, хотя его союзники тоже грабят, показывает захватчикам знаки уважения и делает постоянные попытки с ними договориться».[107] «Между тем, - говорится в следующем письме, - Людовик XII и Максимилиан не ладят друг с другом, и есть опасения, что в итоге они объединятся с венецианцами. Эти два короля, один, который может вести войну, но не хочет, и поэтому просто тянет время, другой хочет, но не может, довели до отчаяния крестьянство Венеции, жизнь которого стала просто невыносимой. Я уже говорил и снова повторюсь, что если так будет продолжаться, то может произойти нечто страшное, которое заставит раскаяться всех – и королей и пап. Каждого из них ожидает расплата. Долг должен быть возвращен».[108] «Венецианцы, - говорит Макиавелли, - где бы они ни находились, рисуют Св. Марка, у которого в руке вместо книги – меч. Это говорит о том, что они сделали свой выбор – и отнюдь не в пользу книг и знаний».[109] 12 декабря Никколо Макиавелли был уже в Мантуе, когда вокруг Вероны сжималось кольцо союзников. Отсюда он прислал Десятке длинное письмо с точным описанием города, после чего он получил предписание вернуться во Флоренцию.

Эта командировка для Макиавелли была самой короткой, она длилась менее двух месяцев. Более того, она была для него не такой обременительной. Флорентийский секретарь располагал большим количеством свободного времени, поэтому он начал работу над второй частью «Десятилетий» (“Decennale secondo”), которую, однако, вскоре прервал. Но фрагмент поэмы, которым мы располагаем, точно описывает события, произошедшие в период с 1501 по 1509 гг. В письме, отправленном Луиджи Гвиччардини из Мантуи, есть посткриптум: «Жду ответа Гуалтьери на мою *cantafavola*[110]». Так Макиавелли и его друзья называли поэму «Десятилетия».

Вторую часть «Десятилетий» Никколо Макиавелли начинает с того, что собирается рассказать о новых событиях, хотя они таковы, что *«от горя можно тронуться рассудком»*.[111] После обращения к Музе автор поэмы говорит о передвижении войска Бартоломео д’Альвиано по территории Тосканы и восхваляет отважного Антонио Джакомини, благодаря которому этот поход великого кондотьера стал возможен. Потом он мельком касается политических событий, происходящих в Европе, и вспоминает, как папа Юлий II, не удержав *«в узде свирепую душу»,* начал войну против тиранов в Перудже и Болонье. И вот он, наконец, создает Камбрейскую Лигу для борьбы с Венецией, которая еще в 1508 году захватила часть земель Священной Римской Империи, *«проглотив которые, Св. Марк начал страдать несварением желудка».* Тогда флорентийцы, воспользовавшись случаем, взяли плотно в кольцо Пизу, отчего там начался голод. Никто не мог выйти из города, *«разве что только по воздуху»,* но тем не менее пизанцы стойко сражались, защищая крепостные стены. Но ничто же может быть сотворено без *«сильных мира сего»,* жажда наживы которых управляет миром. Выискивая новые источники дохода, они используют любой повод, чтобы добиться цели. Стремясь *«как можно плотнее набить*

---

[107] Письмо от 29 ноября

[108] Письмо от 1 декабря

[109] Письмо от 7 декабря

[110] итал. длинная и скучная история

[111] На основании этой цитаты можно сделать вывод, что поэма “Decennale Secondo” («Второе десятилетие») была написано позже, то есть после 1512 года, т.е. в то время, когда пала Республика и начались истинные беды. Таким образом, Макиавелли начал писать “Decennale Secondo” тогда, когда десятилетие, о котором он собирался рассказать, почти закончилось. Надо только объяснить, почему же он в своей поэме подробным образом коснулся 1509 года. Именно этот год, по мнению историков, имел для Италии печальные последствия, что ранило и душу самого Макиавелли. Но поэма «Десятилетия» является, по сути, исторической хроникой, положенной на стихи и, возможно, Макиавелли работал над ней по мере развития событий и когда у автора было свободное время. Но в этом фрагменте второй части «Десятилетий» он рассказывает о последних событиях, которые имели место в Италии

глотку», они *«никогда не закрывают рот».* Далее Макиавелли описывает, как союзники подавили Венецианскую республику, но, несмотря на унижение Венеции, начинаешь понимать, насколько слабой может быть сила, если она не построена на разуме. Такая сила не предотвратит и тем более не устранит зло, а, наоборот, посеет еще большую вражду. *«Благоразумие, сошедшее с небес, излечит мир от зла»,* - пишет Макиавелли.

Стиль Макиавелли нельзя назвать изящным и благозвучным, но в его поэме мы можем увидеть безграничную веру в «искусство управления» (*arte di governo*) и в то, что он назвал «политической прозорливостью» *(accortezza politica).* Именно их, с точки зрения автора, не доставало Максимилиану, потерпевшему неудачу в штурме Падуи. Император, *«мечтая о славе», «поднял уставших и измученных людей»* на борьбу, но, *«будучи предан Лигой», «потерял, к глубокому сожалению, еще и Виченцу».* Таким образом, Никколо Макиавелли, находясь в те дни в Вероне и Мантуе, коротко отразил события того тревожного времени на бумаге, хотя вторая часть поэмы «Десятилетия» (“Decennale secondo”) в литературном отношении уступает первой части (“Decennale primo”).

В письме, адресованном Луиджи Гвиччардини, которое Макиавелли отправил 8 декабря из Вероны в Мантую, автор прилагает отрывок поэмы и говорит, что свои часы досуга он занимает не только тем, что сочиняет посредственные стихи. Возможно, так он реагирует на письмо Гвиччардини, в котором последний рассказывает Макиавелли какую-то непристойную историю, случившуюся с ним. Отвечая на это письмо, секретарь рассказывает Гвиччардини подобный случай из своей жизни. Мы можем его только пересказать, поскольку данный фрагмент был убран издателями из этого документа.

Итак, Макиавелли рассказывает Гвиччардини, что, находясь в Вероне, он однажды посетил убогую лачугу одной женщины, ведущей непристойную жизнь. Когда утром, при свете фонаря, Макиавелли увидел, с кем провел ночь, его стошнило. Настолько эта женщина была грязной, дурно пахнущей и безобразной, что он сам себе стал противен. Рассказанный великим политическим деятелем эпизод из своей частной жизни, который, впрочем, всегда игнорировался историками, ясно показывает, что Макиавелли, чтобы рассмешить друга, не просто преувеличивает, но более, чем обычно, выходит за рамки правдоподобия. И его совершенно не волнует тот факт, что подобная крайность может негативно сказаться на так сложно заработанном авторитете. Подумать только! Как мог, пусть даже в шутку, серьезный отец семейства, имеющий верную и любящую жену, к тому же, уже в годах, предать огласке такой отвратительный эпизод своей жизни.[112] Но это можно оправдать «веянием времени». К счастью, Макиавелли был настолько загружен государственными делами, что больше не оставил письменных свидетельств своей «непристойной жизни», хотя друзья Макиавелли в письмах, адресованных секретарю, часто описывают свои «похождения».

В те дни Никколо также получал из Флоренции письма, раскрывающие личные тайны его семьи. Один из его родственников, Франческо дель Неро[113], в письме, датированном 22

---

[112] Оригинал этого письма находится во флорентийском архиве. Потом письмо в несколько искаженном и урезанном виде было опубликовано в одном из томов «Сочинений» Никколо Макиавелли и в книге «Личные письма Макиавелли», изданной Э. Альвизи.

[113] Франческо дель Неро был родственником Макиавелли, что подтверждают многие письма его современников, Вот фрагмент одного неопубликованного письма, подписанного рукою Макиавелли, которое можно найти в Национальной библиотеке Флоренции*: «Дорогой мой родич, желаю Вам терпеливо перенести все тяготы, которыми я Вас обеспечил. Церковь, как видите, включила меня в список тех, кого предали анафеме, я не у дел. Прошу вас, отправьте в Болонью мое прошение о помиловании, которое я вам посылаю. В противном случае я рискую закончить свой славный путь в качестве «советника кур». Всегда Ваш. 26 сентября 1523 года».* Письмо заканчивается так: *«Никколо Макиавелли, из поместья».* Адресовано оно *«достойному мужу и славному моему родственнику Франческо дель Неро»* и отправлено *«во Флоренцию».* Историки теряются в догадках, в каких же все-таки родственных отношениях состояли между собой Франческо и Никколо. На основе некоторых писем, написанных на латыни, можно сделать вывод, что Франческо дель Неро был сводным братом Мариетты Корсини, жены Никколо Макиавелли. В свое время мать Мариетты вышла замуж за человека из рода дель Неро, от которого родила Франческо. Когда муж умер, она вышла замуж за Луиджи Корсини и родила Мариетту Таким образом, Франческо дель Неро

ноября 1509 года, рассказывает о семейной тяжбе, довольно серьезной, которая требует сил для ее разрешения. Он пишет, что многие авторитетные люди, среди которых, например, гонфалоньер Содерини и его братья, изучали этот вопрос и приняли сторону Макиавелли. Приводим это письмо полностью.

«Дорогой Никколо! Я получил ваше послание и обещаю Вам, что сделаю все так, как как вы пишете. Тотто Микиавелли я написал обстоятельственное послание. Господин Джованветторио еще не принял окончательного решения, и я попросил господина Антонио написать главную причину того, что дело пока не решено. Антонио ответил, что этот вопрос не в его компетенции, а Джованветторио мне пообещал все разъяснить в письме. Сегодня мне пришло письмо от Джованветторио, в котором он пишет, что неправомочен решать такие дела. Антонио тоже мне написал причину, по которой не может взяться за это дело. Поэтому я немедленно передаю его другим вашим адвокатам и отправляю документы снова господину Антонио, как вы приказали. Я не перестаю торопить всех побыстрее завершить судебный процесс. Лучше уж я буду казаться надоедливой мухой, чем стану равнодушным и нерадивым человеком. Я четыре раза на дню являюсь во дворец. Надеюсь, что нет никакого сговора. Зашел я и к нашему славному Гонфалоньеру, напомнил ему о вашем деле, сказал ему и о том, что являюсь вашим поверенным, поэтому обязан решить этот вопрос как можно скорее. Как мне стало ясно, его Великолепие соизволило снизойти до понимания всей важности вашего дела. Он сказал, что Франческо апулиец[114] *должен был ему прислать ответ и что он бы отправил его мне, если бы хоть что-то стало известно. Я, как уже сказал, со всей благосклонностью, усердием и заботой, жду с нетерпением начала этого судебного процесса. Сегодня я отправлю к судье Франческо Нелли*[115] *и Пьеро и когда он определит главный казус, то я пошлю всех ваших родственников, друзей и господина Джулиано.*

Я написал на ваше имя и велел Джованбатисте Содерини написать Его Высокопреосвященству. Герцог Филиппо дель Морелло также принимает участие. И как я счастлив, что дело сдвинулось с мертвой точки. Джованни Угуччиони сказал мне, что мы на мели, что денег практически нет. Я попросил его написать Л. Макиавелли и попросить у него помощи. Он сказал, что с удовольствием это сделает. Не сочти мою просьбу неуместной, но его можно было бы как-то отблагодарить, написав, например, какой-либо панегирик. Если Джованни Угуччиони достанет денег, проблема будет решена. Жду Ваших дальнейших распоряжений».

Мы досконально не знаем, что это за семейная тяжба. Доподлинно известно только то, что в результате соглашения между Никколо и его братом Тотто, избравшего духовное поприще, Никколо Макиавелли получил все отцовское наследство, причем не только деньги, но и немалые долги, а также налоги, которые его обременяли. Так, в 1511 году чиновники Монте[116] внесли за отца Никколо десятину. Кроме того, он вынужден был выплачивать большие суммы кредиторам.[117]

Из всего этого легко предположить, что возникли споры и что один из них был упомянут Франческо дель Неро. Вскоре после этого Макиавелли пришло еще одно письмо – от Бьяджо Буонаккорси. *«С неделю назад,* - писал он, - *к нотариусу Консерваторов пришел некий человек в маске, с ними были два свидетеля. Он заявил, что, поскольку ваш отец…*[118]*, то вы не*

приходился Никколо Макиавелли шуриным. Но это лишь одна из версий.

[114] Франческо апулиец (ит. Francesco di Filippo Del Pugliese) – итальянский политик и меценат эпохи Возрождения

[115] Франческо Нелли – секретарь епископа Анджело Аччайоли и пастор церкви Святых апостолов во Флоренции

[116] Монте (Monte Commune) – организация, управляющая государственным долгом Флоренции

[117] Из документов флорентийского архива следует,что соглашение между Тотто и Никколо было заключено 21 июня 1508 года. 15 апреля 1511 года официальные лица Монте «решили бремя десятины Бернардо Макиавелли переложить на Николло, сына Бернардо Макиавелли». Это решение имело силу и в отношении сыновей Никколо Макиавелли, в 1534 году, когда была оформлена новая кадастровая книга

[118] В оригинале документа фраза пропущена

имеет права занимать вверенную вам должность секретаря. И хотя закон, на который я уже ссылался не раз, на вашей стороне, слишком много шумихи поднялось вокруг него. Везде и всюду только о нем и говорят, даже в борделях». И посоветовав Никколо Макиавелли от имени своих друзей больше не возвращаться во Флоренцию, он заканчивает свое письмо так: *«Я прошу Вас, просто умоляю нечего не предпринимать. Лучше переждать этот шторм. Я не сплю уже несколько дней, каждую минуту думаю о Вашей ситуации, которая родилась из ничего. Но желающих помочь Вам очень мало».*

На что намекает Бьяджо в этом письме, нелегко догадаться. Скорее всего, враги Макиавелли через финансовые неурядицы его отца добивались его отставки.[119] Но Пассерини, опубликовавший письмо Буонаккорси, говорит, что «Бернардо, отец нашего Никколо, родился незаконнорожденным», но при этом он не дает никаких доказательств, подкрепляющих это утверждение. Томмасини же (том II, стр. 958-959), цитирует имевшуюся у него рукопись Черретани, в которой он, упоминая Бернардо Макиавелли, называет его бастардом. Вспоминая семью Макиавелли, Черретани перечисляет, в первую очередь, законных детей, но среди них нет Бернардо. О последнем он говорит только то, что ему досталась какая-то часть наследства. Однако, в Уставе Флоренции ничего не говорится о том, что законному сыну незаконнорожденного отца запрещено заниматься государственными делами.[120] Учитывая вышеизложенные факты, очень трудно дать точную интерпретацию письму Буонаккорси. Но говорят, что именно с той ситуацией, что отец Никколо является налоговым должником, связано требование злопыхателей запретить Никколо занимать ответственные должности. Это требование основано на резолюции 1402 года, согласно которой отец является примером для сына. Но 14 февраля 1498 года, когда обсуждалась так называемая «Реформа Канцеллярии», Большому Совету была предоставлена возможность назначать секретарей и помощников без учета каких-либо требований. Поэтому в письме Буонаккорси есть такая фраза: «Хотя закон, насколько это возможно, может быть благосклонен».

Письмо Буонаккорси не застало Никколо Макиавелли на месте. То ли он был уверен в расположении к себе гонфалоньера, то ли знал о вышеупомянутой уступке этого закона, но он уже уехал. Макиавелли не обращал особого внимания на многочисленные страхи своих друзей, которые советовали ему пока повременить с приездом во Флоренцию. Поэтому 2 января он вернулся в город и приступил к своим повседневным служебным обязанностям.

Но 13 марта Никколо находится уже в Сан-Савино, на границе между Сиеной и Флоренцией, а в мае – в Вальдиньеволе, где устанавливает знамена и занимается организацией флорентийского ополчения. Тем временем венецианцы, отвоевав Виченцу, направились в Верону, но они опоздали, там уже укрепились союзники императора. Захватили некоторые земли во Фриули и Полезине, венецианцы собрались идти на Ферару, но их корабли, которыми командовал неопытный и трусливый Анджело Тревизан, поднявшись по реке По, потерпели сокрушительное поражение. Флот венецианцев был почти полностью уничтожен противником. В начале 1510 года умирает граф Питильяно, а поскольку Альвиано был в это время уже пленен французами, то венецианская армия осталась без главнокомандующего. За неимением других

---

[119] Переложить вину отца на детей, ограничив тем самым какую-либо их деятельность, а иногда и поставив крест на их карьере, было широко распространенным обычаем во Флорентийской республике, закрепленным даже в ее Уставе.

[120] Томмасини публикует (том I, стр. 377, прим. 3) дворянскую грамоту семьи Макиавелли, датированную 15 мая 1507 годом, написанную на латыни. В ней говорится, что благородная семья Макиавелли «честь и слава всей нашей Республики, служит государству и имеет знаки отличия, благодаря Никколо Бернардо Якобо, род которого отличается особыми дарованиями и известен своим целомудрием. Доказательством тому служит репутация семьи как богобоязненной и заслуженно зарекомендовавшей себя как производящей законных отпрысков». Томмасини отмечает, что в этот документ, имеющий всего одну копию, закралась одна ошибка: фамилия Никколо Бернардо была Боньюсенья, а не Якобо, как сказано. И, возможно, эта ошибка не была случайной. Следует также отметить, что в 1507 году эта дворянская грамота была дана семье Макиавелли не в силу честности и законопослушия предков Никколо, а по просьбе главы семьи. Это лишний раз доказывает, что дело против Макиавелли было сфабриковано его врагами, злобные голоса которых раздавались со всех сторон.

кандидатур на этот пост, управление венецианским войском легло на плечи кондотьера Джован Паоло Балтьони, который был родом из Перуджи. В этот момент венецианцам неожиданно пришла помощь, откуда не ждали.

Папу сильно беспокоила захватническая политика Франции, и он на борьбу с Венецией призвал наемников из других государств, хотя поверженная Венецианская республика уже лежала у его ног. Венецианцы готовы были пойти на уступки. Поэтому понтифик отпустил покаявшейся республике грехи и, как написал из Рима венецианский посол Доместико Тревизан, сказал, что «если Венеции бы не существовало, ее следовало бы создать», и воскликнул: *«Fuori i Barbari!»*.[121] Один из послов флорентийской республики во Франции, Алессандрои Нази, ссылаясь на отношения папы и короля, пишет, что они «смотрят друг на друга с подозрением и не доверяют друг другу», а потом добавляет, что «резрение к французам растет день ото дня». Что касается Людовика XII, то ему было очень сложно воевать с папой, особенной таким папой, как Юлий II, который хотел, как писал Тревизан, быть «владыкой и хозяином мира» Затем папа решил перетянуть на свою сторону швейцарцев, у которых была лучшая в Европе пехота. И поскольку Швейцария знала, что без ее помощи Франции придется туго, то она тут же подняла вопрос денежного довольствия, требуя увеличить жалованье солдатам. Король был страшно недоволен, но удовлетворил требование швейцарцев, подписав несколько соглашений с двумя кантонами – Вале и Гризоном. С другой стороны, кардинал Маттиа Шиннер, епископ Зиттена, или, как говорили итальянцы, Сиона, не сидел на месте, собирал армию для папы, предлагая наемникам большие деньги.

Война возобновилась. На этот раз, между французами, присоединившимися к императору, и венецианцами, перешедшими на сторону папы. Венецианцы, имеющие достаточно слабую армию, которой командовал Бальони, не могли противостоять силам противника, хотя и император пока решительных действий не предпринимал.

25 мая 1510 года во Франции умер кардинал Амбуаз, до последнего времени руководивший политикой Людовика XII. Перед смертью он все свои дела передал в руки Роберте, что прибавило головной боли, поскольку его назначение на должность финансового управляющего оказалось самым худшим вариантом из всех возможных. Теперь следовало ожидать неприятностей. Генерал де Шомон, племянник и ставленник кардинала, обязанный ему своим высоким положением, получил приказ отступать к Милану, оставив императору 400 копий и 1500 испанских пехотинцев. Казалось, что вся Франция, подстрекаемая духовенством, встала на тропу войны не с кем-нибудь, а с самим понтификом, главой католического мира. При этом папа не бездействовал, подстрекая к мятежу Геную. С этой целью Маркантонио Колонна под всяческими ложными предлогами покинул Флорентийскую республику, на службе которой он состоял. С собой он захватил 100 головорезов и 700 солдат-пехотинцев. Об этом неожиданном шаге Колонны было много разговоров, никто не понимал мотивов его поступка. О том, что Колонна вошел в тайный сговор с папой, никто, естественно, ничего не знал. Этот поступок Колонны обсуждали многие друзья Макиавелли, которые слали ему письма чуть ли не каждый день.

3 августа 1510 года Франческо Веттори пишет по этому поводу Никколо Макиавелли следующее: *«Маркантонио Колонна со 150 лошадьми и 500 пехотинцами, по приказу понтифика, должен войти в Геную и поднять народ. Он должен также собрать венецианскую армию, на что, правда, надежды мало, поскольку венецианцев трудно раскачать. Они, к тому же, имеют плохую кавалерию, не организованы, роты у них плохо укомплектованы. Его честь все просчитал, в том числе и угрозу для своей жизни, ведь если он попадет в руки французов, то ему явно не поздоровится»*.

[121] *итал.* Варваров вон!

Несколькими днями раньше, 27 июня, Никколо Макиавелли получил письмо от гонфалоньера Флорентийской республики Пьеро Содерини, в котором содержатся интеречсные сведения о Маркантонио Колонне. Он пишет: *«Будучи оставлен на службе, он не хотел принимать новые условия, не собирался менять свое поведение, не стремился к почестям, что не позволено, особенно сейчас. Конечно, он достаточно опытный вояка, всегда хорошо делал свое дело. Весь прошедший июнь он вел переговоры с императором Римской империи. Потом он попросил месяц, чтобы отдохнуть и восстановиться. Ему предоставили жилье за счет республики. Но когда прошел месяц, он уехал в свое поместье, в Лючену, и поселился в краю каштанов. Два дня назад он отозвался. Получив письмо из Рима, ответил, что готов работать на благо Церкви и что ему нужно пятьсот пехотинцев и любых коннетаблей, присоединятся к нему»*.

Эти письма дают ясно понять, что деятельность Колонны долгое время оставалась загадкой для флорентийцев и давала им много поводов для размышлений. Отметим, никаких катастрофических последствий переход Колонны из одного лагеря в другой не имел, к тому же, его план остался реализованным лишь наполовину.

Тем временем армия папы под командованием Франческо Марии делла Ровере наступала и уже угрожала герцогу Феррары. Военную ситуацию на европейском фронте хорошо описывает Франческо Веттори в вышеупомянутом нами письме. Процитируем этот фрагмент.

«Идет война с королем Франции, и известно, что в ней принимают участие обобранные до нитки и полные отчаяния венецианцы. Оскорбления в адрес короля сыпятся со всех сторон, поэтому мир наступит нескоро. К королю тайно направляется монсеньор Ари[122]*, которого король очень ценит и не скрывает этого. После того, смотрите, можно ли поднять мятеж в Генуе, вооруженный либо какой-либо еще, захочет ли Генуя этого, зная, чем это для нее обернется. Но об этом королю не говорят. Он уже потерпел один раз неудачу, теперь хочет второй раз войти в ту же реку. Он напал на герцога Феррарского в Романье отхватил себе кусочек его владений. Он взял штурмом крепость Лукки. Кончилось тем, что Феррару спешно покинули 650 лошадей папской армии, солдаты разбежались, побросав оружие. Ну а французы вернули себе все земли, которые имели до этого, за исключением Феррары. Короче, я не понимаю папу. Как это возможно, чтобы он, имея в союзниках только Венецию, развязал войну против Франции? Г. Чаначчи кажется, что для папы эта война – словно или охота, скорее, даже последнее. А король весь в сомнениях, продолжать ли войну или нет. И думает: «Если бы я не был таким добрым, давно бы уж положил его на лопатки». И пока король решает, с какими силами пойти на Болонью, папа пытается договориться. А я, если честно, очень хотел бы, чтобы король взял Болонью, я бы благословил эту победу. Папа у себя в Риме просто остолбенел бы. А мы бы действовали так, как нам выгодно.*

А теперь давайте посмотрим, в союзниках ли у папы Испания и император, как полагают многие. Я, конечно, могу обмануться в выводах, но я все же так не думаю. Мне кажется, что император хотел войти в сговор с папой против короля. А уж если он что задумал, так будет идти до конца. Но может случиться так, что папа останется без денег. Да и уверенности, что он не проиграет войну королю, у него нет. Ну а если он выйдет из этой войны победителем, то тогда бояться императора, который не является королем, не стоит. Наверное, он примерно так рассуждает. А вот слабой Испании нужна поддержка императора, без него она рискует потерять не только все свои земли, но и Кастилию с Арагонией (спасибо племяннику)».

Но дела в папской армии шли из рук вон плохо. Еще немного – и ему пришлось сдаться, если бы не Шамон, который прислал ему вовремя подкрепление – 200 вооруженных бойцов. Но эта военная операция закончилась, не успев начаться. Шесть тысяч выдвинутых на помощь папе швейцарцев, перейдя через Альпы, вдруг внезапно развернулись и ушли обратно

[122] Кардинал Оша, француз, которого Юлий II заставил укрыться в Замке святого Ангела

в горы, не объяснив причину. Одни говорят, что у них не было ни кавалерии, ни артиллерии, и надежды, что когда-нибудь швейцарским наемникам будут предоставлены в должном количестве необходимые орудия и лошади, не было. Другие говорят, что, Франция вернула швейцарцев из этого похода, заплатив им 70 тысяч экю. А швейцарцы, как известно, сражаются ради денег, а не ради каких бы то ни было идеалов.

В результате всех этих военных перипетий и политических осложнений для Флорентийской республики наступили тяжелые времена. Давний союзник и папы и Франции, она не могла предпочесть одного другому, а Людовик XII и Юлий II, враждуя между собой, не хотели, чтобы Флоренция оставалась нейтральной. Отречься от Франции, ради которой было принесено столько жертв и к которой благоволил Содерини, означало полную изоляцию республики и полную зависимость от того, кто, вступив на тропу большой и неизбежной войны, выйдет из нее победителем. Не оказывать папе, с которым у Флоренции была общая граница, военную поддержку, означало подвергнуть республику неоправданному риску: отразить атаку папской армии в случае нападения Флоренция не смогла бы. Но момент наступил, и Франция требовала от Флорентийской республики принять активное участие в войне, отправив на фронт посильную помощь, поскольку папское войско уже вплотную подошло к границе.

И тогда Содерини, который не знал кого из конфликтующих сторон поддерживать в этой войне, решил отправить во Францию с письмом королю Никколо Макиавелли. В этом письме гонфалоньер от своего имени и имени своего брата-кардинала заверял монарха в верности и преданности Флоренции французской короне, выражая надежду на сохранение французского господства в Италии. Но цель этой поездки была иной. Кроме сбора информации, Макиавелли должен был убедить короля в необходимости быстрой и решительной войны с Венецией, из которой Франция – кто бы сомневался! – выйдет победителем. Уничтожение венецианцев поможет сохранить дружбу императора, сводившего с Венецией свои счеты и жаждущего, при первой же возможности, захватить Верону. Что же касается папы, то Макиавелли должен был убедить короля не идти против понтифика, ибо подобное противостояние может Франции дорого обойтись.[123]

Макиавелли не торопился поскорее прибыть к месту назначения. Он ведь понимал, что все эти советы, которые он должен передать королю, не возымеют должного действия. 7 июля он отправил Десятке письмо из Лиона, в котором дал четко понять, что эта поездка не увенчается успехом, что цель не будет достигнута, но тем не менее, как говорилось в послании, он будет держать их в курсе всех событий, будет информировать их о том, как прошел день, будет советоваться по поводу того, что преподнести в дар Роберте или Шомону, которые уже дали понять, что рассчитывают получить, по меньшей мере, десять тысяч дукатов, обещанных ныне покойному кардиналу Руана.[124]

Первое письмо Макиавелли отправил своим наставникам 18 июня из Блуа. В нем он сообщал, что король полон решимости защищать Флоренцию. Однако и республика, как он сказал, должна решить, в каких отношениях с Францией она будет состоять, кем она будет для Франции – другом или врагом. Если другом, то она немедленно должна отправить своих людей в военный лагерь.[125] «Французы, - пишет в другом послании Макиавелли, - не признают власть понтифика и созывают свой Собор, разрушая тем самым авторитет папы – как мирской, так

[123] Существует только один документ, подтверждающий эту информацию. Это одно письмо из частной переписки Содерини.

[124] Эта информация может быть подтверждена опубликованным Пассерини документом от 20 июня 1510 года, выданным на имя Никколо Макиавелли, в котором четко прописано его денежное довольствие. В нем, между прочим, говорится, что Макиавелли в этом предприятии «является послом и будет оставаться на этой должности до тех пор, пока не выполнит возложенные на него задачи и не уведомит о проделанной работе магистрат» (т.е. Десятку)

[125] Письмо от 18 июля из Блуа

и духовный. Это еще самое меньшее из всех разрушений, которые они сулят понтифику».[126] Им очень не нравится то, что папа объявил войну всему миру, говорят, что он собирается разрушить Италию и христианство. Но тем не менее во Франции все же надеются, что понтифик остановится, особенно после того, как ему удалось возмутить Геную. Но трудно представить более вескую причину пойти войной на монарха, чем желание защитить Церковь. Подобные благие намерения заставляют понтифика привлечь на свою сторону весь мир.[127] Король не просто оскорблен, он негодует, взбешен, хотя его приближенные, в том числе и советник из Рима, всеми силами пытаются избежать войны, предлагая заключить мирный договор. Они как будто все умом тронулись. Сам же король сказал осведомителю Рима, что никогда не сделает первый шаг навстречу понтифику, потому что таких оскорблений не прощают. Хотя, если папа перейдет черту, я, говорит король, ему отвечу так, что мало не покажется.[128] Из писем Макиавелли становится ясно, что Двор прилагает все усилия, чтобы помешать Флоренции стать посредником в деле мирного урегулирования конфликта. Кончилось тем, что из страны был выслан Джованни Джироламо – флорентиец, который занимался во Франции совсем другими делами, не имевшими никакого отношения к политике. Макиавелли, наоборот, горячо поддерживал эту инициативу, о чем размышлял в своих письмах.[129] Отчасти это было следствием большого опыта, который он приобрел на дипломатической службе. Однако, ему была небезразлична и судьба страны: он видел серьезную опасность, которая угрожала Флоренции и Италии. Кроме того, Макиавелли в его начинаниях поддерживал лично сам Содерини, что прослеживается в письмах гонфалоньера. Но, отправляя письма Десятке, он чуть ли не в каждом из них извиняется. В одном из писем он говорит, что всегда работал «на благо нашего города, который может стать жертвой вражды этих двух владык, разговаривающих друг с другом на языке войны. Поэтому мы, использовав все методы, какие только возможны, должны помочь им договориться, чтобы в будущем никто не смог упрекнуть нас, что мы бездействовали. Нельзя терять ни минуты, потому что кровавый механизм войны уже заработал и может не остановиться. Монарх Франции созвал Совет прелатов, который прошел в Орлеане; он договорился с герцогом Виттенберским и тот дал ему пехотинцев; у себя в королевстве он тоже объявил набор на военную службу; он пытается объединиться с императором, у которого в наличии две с половиной тысячи копий и три тысячи пехотинцев. Король поклялся всей душой, что он либо потеряет королевство, либо коронует императора и создаст папу по своему образу и подобию. С другой стороны, папа направил все свои силы на разжигание войны, так что, возможно, все наши усилия, направленные на примирение сторон, могут оказаться напрасными».[130]

В письме от 9 августа Макиавелли пишет, что, поехав с Роберте на встречу с королем, он, рассуждая по пути о проблемах Италии, заметил, что французы не доверяют флорентийцам, если не видят их с оружием в руках, но еще большей причиной недоверия является знаменитое флорентийское благоразумие. И потом добавляет: «Ваши Превосходительства, поверьте, что между папой и его величеством война будет, но в этой войне не будет победителя. Вы

---

[126] Письмо от 21 июля из Блуа

[127] Письмо от 26 июля из Блуа

[128] Письмо от 3 августа из Блуа

[129] То, что Макиавелли больше всего заботил именно этот вопрос, подтверждается тем фактом, что мы в его архиве находим не только копии официальных писем, отправленных Десятке, но и их изначальные черновики, где более подробные размышления на эту тему (в этом архиве находится и сборник писем, составленный самим Макиавелли). В старых изданиях сочинений Никколо Макиавелли опубликованы эти черновики, есть они и в «Кодексе Риччи». Но в *Opere* (P. M.) опубликованы лишь официальные письма, отправленные в Десятку. Эти письма, имеющие несколько вариантов, среди которых есть и зашифрованные копии, находятся сейчас во флорентийском архиве. В других архивах и других изданиях этих писем нет (примером тому является письмо Макиавелли от 26 июля, которое хранится только в архиве г. Флоренция). Но, сравнивая эти письма, Томмасини (том I, стр. 494 и далее) находит в них определенные несоответствия. Так, в черновике письма от 3 августа упоминается осведомитель Рима (им был Камилло Леонини, епископ Тиволи), а в официальной копии этого пистьма он именуется «человеком с большим авторитетом».

[130] Письмо от 3 августа из Блуа

должны подумать и решить от имени всех, кто вам предан, что предпринять в случае, когда нет возможности больше ждать, когда обстоятельства сдавили нас со всех концов. Итальянцы, которые находятся сейчас во Франции, считают, что нужно искать мира, но если не удастся его обрести, то следует напомнить королю, что папу следует держать в узде. Чтобы надавить на папу, не нужны ни императоры, ни бунты. Я поговорил об этом с Роберте, обсудил с ним все варианты событий и сказал, что если Франция будет вести войну с папой в одиночку, то навлечет на себя массу неприятностей. Но если Франция воспользуется помощью союзников, то начнется раздел Италии, что приведет к более масштабной и кровопролитной войне. Прокрутив в голове все последствия этого отчаянного предприятия, мы решили, что только Италия своим авторитетом сможет спасти положение».[131]

13-го числа того же месяца Людовик XII прибыл в Блуа, и Макиавелли был вызван ко двору, где «канцлер, после небольшой тирады о том, как Франция на протяжении веков, начиная с Карла Великого и заканчивая ныне здравствующим королем, покровительствовала Флоренции, рассказал мне, что папа, движимый дьявольским духом, который словно вселился в понтифика, захотел снова попытать счастья в Генуе». Поэтому Франция очень просит Флоренцию держать свои войска наготове, чтобы они могли выступить по первому требованию. Макиавелли, естественно, промолчал.[132] 9 августа он сообщает, что король собрал в Орлеане Совет, на котором был поднят вопрос о неповиновении папе и выборах нового понтифика, «заставив всех этих святош проглотить горькую пилюлю».[133] Но папа со своими войсками был почти что рядом, и французы каждый день трубили флорентийцам о том, чтобы они немедленно, не задумываясь, бежали им на помощь. Макиавелли на эту тему имел длинный разговор с Роберте. Он говорил, что Республика измучена, окружена со всех сторон врагами и, вступив в войну, она может в любой момент подвергнуться нападению со стороны папы и его союзников. Король должен не просить у нее помощи, а сам послать войска для ее защиты[134], ведь направил же он свою армию в Геную, Феррару, Фриули, Савойю.[135] Потом он много раз это повторял, в том числе и на том же самом Совете. В конце концов, Шомону было дано указание оставить флорентийцев в покое, но тем не менее это не помешало ему впоследствии вернуться к этому вопросу с еще большей настойчивостью и наглостью.

Все мысли короля были поглощены предстоящим наступлением на Италию, но, думая о будущем, он пренебрег настоящим. В Ферраре и Модене дела шли из рук вон плохо. В Феррару вошли войска папы, а Модена открыла свои ворота для кардинала Павии. Реджо готовился сделать то же самое, и можно сказать, что половина Феррарского герцогства была бы уже захвачена, если бы Шомон не распорядился послать в Феррару 200 копий. Этого было достаточно, чтобы остановить наступление. Как справедливо заметил Макиавелли, Франция всегда, без особых трудностей, сможет защитить свои собственные интересы где бы то ни было. Но вскоре король опять расслабился, перестав контролировать события. Тому причиной стала смерть кардинала Руана, который всегда был в курсе всех, даже самых незначительных, дел короля. Теперь же французский монарх вынужден был положиться на волю случая.

Несмотря на то, что в те дни Макиавелли изо всех сил старался оказать пользу Республике (разговаривал с нужными людьми, постоянно писал во Флоренцию и получал письма от Десятки, друзей, самого Содерини), в срочном порядке все же решили, что во Францию поедет хороший и преданный Республике оратор, имеющий не только конкретные предложения, но

---

[131] Письмо от 9 августа из Блуа

[132] Письмо от 13 августа из Блуа

[133] Письмо от 18 августа из Блуа

[134] Макиавелли продолжал получать письма от Десятки, Гонфалоньера, друзей, которые писали ему, что Республика в опасности. Многие из этих писем опубликованы вместе с документами, посвященными третьей дипломатической миссии Макиавелли во Францию.

[135] Письмо от 27 августа

и деньги. Последние французскому двору были нужнее. Для этой цели был выбран и вскоре должен был прибыть во Францию Роберто Аччайоли.[136]

Макиавелли готовился к отъезду. Однако, карманах у него было пусто, о чем он требовательно напомнил в одном из своих писем.[137] Деньги ему нужны были не только на дорогу, но и чтобы поправить свое здоровье: на нервной почве (во Франции были беспорядки) у него начался сильный кашель.[138] 10 сентября он уже направлялся в Тур, откуда написал, что французы прилагают все усилия для созыва Совета, на котором будет подниматься вопрос договора, и что он приглашен на этот Совет, где вынужден будет отчитаться. От Макиавелли требовалось узнать, имеет ли Папа намерение развязать войну против всего христианского мира. Если да, то от такого Папы нужно защищаться и выбрать нового Папу, престол которого не будет куплен и который ничем не запятнал себя.[139]

По дороге во Флоренцию Макиавелли несколько раз останавливался в пути, поэтому он прибыл домой только 19 октября. Он отсутствовал 118 дней, о чем говорит, судя по имеющимся документам, выплачиваемое ему жалованье.[140]

За время своей поездки он получал много писем от друзей, которые сообщали ему о состоянии дел в Италии. Но среди них очень мало посланий от верного друга Бьяджо Буонаккорси, который был опустошен и подавлен долгой и смертельной болезнью своей жены. 22 августа, извиняясь за свое молчание, он пишет: *«Никколо, не удивляйтесь, что вам не пишу. Меня преследуют несчастья, я сам не свой от постигшего меня горя. Вы знаете, что со дня вашего отъезда моя жена не встает с постели. И если Господь не смилостивится, она умрет. Я сам дошел уже до того, что желаю себе больше смерти, чем жизни. Просвета нет. Она скоро меня покинет. На ее лечение у меня уходит не менее одного флорина в день. Я уже продал все, что мог. Друзья меня оставили. Молю Господа даровать Вам лучшую участь, чем та, что досталась мне, даже если я, быть может, заслужил ее больше, чем Вы»*.

Глава XIII

Козни противников Содерини. – Кардинал Медичи. – Новый закон о выборах. – Папа идет войной на Францию. – Заговор Принцивалле делла Стуфа. – Отчет Содерини. – Взятие Мирандолы. – Пизанский Собор. – Четвертая дипломатическая миссия во Францию.

Над Флорентийской республикой медленно, но верно сгущались тучи. Все ждали, что вот-вот разразится гроза. Папа с непреодолимым пылом и упорством стремился изолировать Францию, объединившись против нее с Испанией и Венецией, возможно, даже с Императором, что сделать было крайне сложно. Но тем не менее фортуна была на его стороне, в то время как для Республики и гонфалоньера Содерини, политика которого основывалась на дружбе и единстве с Францией, наступили худшие времена. В любой момент Флоренция могла оказаться в окружении врагов в любой момент, что играло на руку противникам Гонфалоньера, количество которых увеличивалось день ото дня.

К врагам Содерини можно было причислить не только тех, кто был недоволен его политикой и всегда шел по течению. Среди них было много откровенных завистников, которым не

---

[136] Письмо Десятки, адресованное Аччайоли, всегда начиналось словами «Великолепнейший оратор», в то время как к Макиавелли члены Десятки обращались словами «Достославный муж».

[137] Письмо от 5 сентября

[138] Письмо от 24 августа из Блуа

[139] Письмо от 10 сентября

[140] Его жалованье составляло 10 лир в день плюс жалованье секретаря канцелярии, на должности которого он еще пребывал, пока не добрался до места назначения. Отправившись в поездку, Макиавелли получил задаток в 700 лир и за все время его командировки ему было выплачено более 264 лир.

давал покоя успех Содерини. Все они восстали против него, верных друзей у гонфалоньера оставалось все меньше и меньше. При этом недруги главы Флоренции не обвиняли его ни за верность своему политическому курсу, ни за жесткое правление. Обвинение противников, столь часто звучавшее из их уст, заключалось в том, что гонфалоньер создал свое «личное» правительство, в состав которого входили не влиятельные люди, имеющие авторитет в обществе, а лица, стоявшие на низкой ступени социальной лестницы. Именно таким своим соратникам, как секретарь Макиавелли, Содерини доверил власть, мнение других гонфалоньер не учитывал. Подобная линия, как считали, ослабила правительство, привела к снижению авторитета магистратов, сказалась на благополучии граждан, которые по ночам боялись выйти из дома. Летописец своего времени, Джованни Камби, пишет, что в те годы во Флоренции царила распущенность нравов, женщины «древней профессии», которых развелось несметное количество, вопреки всем законам, нагло предлагали себя на городских улицах. Сторонники «свободной любви» открыто угрожали тем, кто требовал прекратить такое беспутство, в результате чего восемь сотрудников органов правопорядка были ранены. Простых флорентийцев охватил страх.[141]

Однако, дела обстояли намного хуже. Голову все выше и выше поднимали сторонники клана Медичи. Кардиналу Джованни Медичи, как известно, благоволил Папа. Когда Пьеро Медичи был жив, его грубые манеры, беспутная жизнь, мстительный и деспотичный характер, отчуждали флорентийцев от него и его семьи. Неоднократно предпринимаемые им попытки вернуться во Флоренцию и силой вернуть себе власть заканчивались провалом. Но после его трагической гибели в 1503 году (Пьеро утонул в реке Гарильяно) начались кардинальные изменения, поскольку его брат, кардинал Джованни, ставший теперь главой рода, имел совершенно иную природу.

Джованни Медичи, живший в ту пору в Риме, был страстным поклонником изящных искусств и словесности. Его дом всегда был полон литераторов, поэтов, художников. Этим он недалеко ушел от своих знаменитых предков – деда Козимо и отца Лоренцо, был их достойным потомком. Хотя не только добрыми делами прославился Джованни Медичи, «червоточинка» в нем, как и у его предков, тоже была. Внешне довольно непритязательный, скромный, лишенный каких бы то ни было амбиций, Джованни Медичи, хорошо знакомый с печальным опытом своих предков, старался не выделяться на фоне обычных граждан Флорентийской республики. Кардинал прекрасно понимал, что чем больше он будет сторониться власти, тем скорее эта власть придет к нему в руки. Да и поддержка у него была внушительная со стороны тех флорентийцев, которые оказались, как и он, за пределами родины. В этом ничего удивительного нет, ведь, кто бы ни приходил к кардиналу, он всегда получал у него быструю и щедрую помощь, так что вскоре Джованни Медичи стал истинным представителем и покровителем флорентийцев, находящихся в римском изгнании. Имея вес в римской курии, кардинал, используя всю свою власть, безвозмездно помогал своим соотечественникам, что не ускользнуло от взора Юлия II, который не только проникся к нему уважением, но и с радостью увидел, как растет авторитет главного соперника Содерини.[142] Таким образом, не живший во Флоренции кардинал Медичи, сам не желая того, стал во главе партии противников Содерини, ряды которой пополнялись день ото дня. Но когда он увидел, что в состоянии оказать незаменимую поддержку своим соотечественникам, то начал медленно выходить из тени.

Очередным толчком для готовящегося переворота стал брак, заключенный в 1508 году между Филиппо Строцци и дочерью Пьеро Медичи Клариче. Эта свадьба вызвала во Флоренции сильнейший переполох, поскольку противоречила законам Флорентийской республики,

---

[141] Сведения взяты из книги католического священника, отца Ильдефонсо, под названием «Радостные мгновения тосканских ученых»

[142] Все это хорошо описано Гиччардини в «Истории Флоренции» (“Storia fiorentina”) и в «Истории Италии» (“Storia d'Italia”). Подобные сведения мы находим и у других историков, летописцев того времени.

ведь Клариче считалась дочерью мятежника. Поэтому Содерини и его соратники были против этого брака. После разгоревшегося скандала Филиппо Строцци был изгнан из Флоренции и, имея в кармане 500 золотых скудо, скитался по Неаполитанскому королевству. Подобное наказание считалось довольно мягким, Устав предписывал более жестокую кару за подобные деяния. Спустя три года, когда страсти улеглись, Филиппо Строцци вернулся во Флоренцию. Это было то время, когда друзья кардинала пришли в небывалое движение и стали действовать открыто и смело.

22 декабря 1510 года Содерини, обеспокоенный сложившимся положением, в первый раз за восемь лет решил собрать Совет, где выступил с подробнейшим отчетом о всех годах своего правления. За это время, как он отметил, было потрачено всего 908,300 скудо золотом. За счет такой экономии средств казна пополнилась, что можно проследить по книгам, хранящимся в железном ларе. Далее Содерини открыл этот ящик, продемонстрировав сказанное на конкретных примерах, после чего книги опять были помещены на свое законное место под замок. После выступления Содерини все стало понятно, что еще никогда в республике не было столь эффективной экономической политики. И тогда заговорщики решились на крайнюю меру, замыслив физическое устранение гонфалоньера. Ходили слухи, что в этом их поддержал сам Папа.

23 декабря, т.е. сразу же после публичного отчета Содерини, к Филиппо Строцци пришел Принцивалле делла Стуфа. Он предложил последнему убить Содерини и сменить правительство города, а потом добавил, что Папа обо всем знает и готов даже дать несколько человек из банды Маркантонио Колонны. Был ли Строцци, как говорят, далек от политических интриг, которыми, словно сетью, было опутано государство или же он не доверял своему посетителю, а, может, просто не захотел принимать участие в преступлении, но факт остается фактом: Филиппо с презрением отверг это предложение Принцивалле, а, спустя некоторое время, дав ему возможность скрыться, открыл гонфалоньеру заговор. Теперь, когда главный подстрекатель к убийству был неизвестно где, оставалось только допросить отца этого беглеца, которому грозило пять лет за укрывательство преступника.

Все эти события сильно встревожили «народного гонфалоньера» Пьеро Содерини, и он, собрав вечером 29 декабря Совет, выдвинул предположение, что случай, недавно имевший место, – не единственный, что этот заговор имеет множество корней и что вторая попытка может оказаться успешной. По его словам, если они решатся на его убийство, то Совет немедленно будет закрыть, а правительство распущено. Ну а потом, против всех требований закона, будет созвано народное собрание. Содерини говорил очень много – о том, каких принципов он придерживался в своей политике, о методах своего правления, о своей беспристрастности и справедливости, которым он следовал до конца. Его речь тронула многих. На глазах у слушавших Содерини выступили слезы. Да и сам гонфалоньер чуть не плакал – особенно, когда говорил о несправедливых обвинениях, выдвинутых против него, об опасностях, которым угрожала свобода, о врагах, которые под предлогом ненависти к нему хотели уничтожить республику.[143] Совет был полон решимости поддержать правительство. Члены Совета не только с полным пониманием отнеслись к докладу Содерини, но и проголосовали за принятие закона, призванного защищать свободу – закона, который гонфалоньер несколько раз представлял и защищал в Совете, но который ранее был отклонен. Это происходило по разным причинам, например, по злому умыслу. Бывало и так, что теряли найти номер закона в каком-либо органе управления, например, в Синьории. А иногда оппозиционеры, которые под предлогом смены формы правления настаивали на созыве народного собрания, просто вынимали закон из ящика, в котором

[143] Гвиччардини в своей «Истории Италии», в конце III главы говорит, что в деле заговора «позорно всплыла личность понтифика, который не просто знал, что готовится убийство гонфалоньера, но и способствовал ему. Через кардинала Медичи, руками молодых флорентийцев, бывших в подчинении Маркантонио Колонны, Пьеро Содерини должен был быть убит».

он хранился, и уносили его с собой. Так было и на этот раз. Поэтому было решено собрать Большой Совет и сразу же приступить к выборам, независимо от кворума. Что касается правомерности самой должности гонфалоньера, так этот вопрос вообще не обсуждался. Еще 26 августа 1502 года был принят закон, по которому должность гонфалоньера объявлялась бессрочной. Там же был прописан и порядок выборов.

Однако, как ни росло во Флоренции число недовольных, они всегда оставались меньшинством. И чтобы они не предпринимали, изменить форму правления они не могли. Настоящая опасность для республики исходила извне, поэтому времени нельзя было терять ни минуты. И Макиавелли решил позаботиться о том, чтобы его земля могла защититься себя сама, опираясь на собственную армию и оружие. Он все больше и больше был убежден в том, что его решение создать свою собственную пехоту полезно и эффективно. Макиавелли все дни энергично работал, формировал отряды пехотинцев с арбалетом или копьем в руке и не слезая с лошади. Это был своего рода эксперимент, который со временем, в случае успеха, мог бы привести к формированию регулярной пехоты, которая будет учреждена окончательно законом, прошедшем все процедуры.

В ноябре и декабре 1510 года Макиавелли колесил по всей республике в поисках лошадей, подходящих для легкой конницы. Потом он отправился в Пизу[144] и Ареццо, чтобы посетить две крепости и сообщить, в каком они состоянии. В феврале 1511 года он находится уже в Поджо-Империале, где изучает обстановку.

В марте он отправляется в Вальдарно-ди-сопра и в Ваот-ди-Кьяну, имея при себе некоторую сумму денег, предназначенную в качестве аванса кавалеристам, сто человек которых он привез во Флоренцию в апреле. В августе он совершает туда еще одну поездку, чтобы завербовать еще сто человек для легкой кавалерии.[145] Примерно в это же время он дважды посещает Сиену, чтобы вначале расторгнуть договор о перемирии, срок действия которого истек в 1511 году,[146] а потом – чтобы его продлить на 25 лет. По этому договору, Сиена должна сдать Флоренции Монтепульчано, но Флоренция, в свою очередь, должна поддержать правительство Петруччи. Этот договор, официально объявленный в Сиене в августе, была заключен при посредничестве папы, который хотел помешать флорентийцам позвать в Токану французов. Петруччи заручился поддержкой понтифика, потому что боялся народного гнева, растущего день ото дня, из-за того, что Сиена пошла на уступки Флоренции, сдав Монтепульчано. 5 мая Макиавелли снова уехал, чтобы отправиться к Лучано Гримальди, правителю Монако, который захватил флорентийский корабль. Оттуда он вернулся 11 июня, после того как благополучно добился освобождения судна.[147]

Тем временем Совет, собравшийся в Туре, дал Людовику XII желаемый ответ: французский монарх имеет законное право вести войну с главой Святого Престола. Но понтифик сам, не дожидаясь ответа или совета от кого-либо, уже начал (скорее, продолжил) эту войну с пылом юного завоевателя.

22 сентября 1510 года Юлий II вместе с итальянским и испанским войсками под командованием герцога Урбинского[148], кондотьеров Маркантонио Колонны и Фабрицио Колонны, вошел в Болонью, генерал де Шомон не успел ему оказать сопротивление. Даже приближаю-

---

[144] В этот город в качестве военного архитектора был отправлен Джулиано да Сангалло

[145] В этих поездках ему платили только путевые расходы

[146] · «Приехал мессер Никколо Макиавелли, представитель Флоренции, и, предоставив рекомендательные письма, ради флорентийцев, отменил перемирие, о чем упоминается в книге соглашений и договоров, заключенных между Флоренцией и Сиеной» (документ из Сиенского архива)

[147] Сначала Флоренция даже хотела заключить десятилетний договор с князем Монако, но, приняв во внимание то, что местные жители промышляли пиратством, флорентийцы решили, что такое соглашение будет «бесчестным и даже опасным», и передумали.

[148] Франческо Мария I делла Ровере (1490 – 1538), полководец, племянник Юлия II.

щаяся зима не смогла остановить понтифика, пылающего ненавистью в отношении герцога Феррары. Папская армия продвинулась и взяла Конкордию, потом осадила Мирандолу, находящуюся во владении вдовы Лодовико Пико[149]. До этого времени город был верен Франции, отправившей туда несколько подкреплений, но все равно силы были неравные. В начале 1511 года уже достаточно немолодого Папу увезли из Болоньи и теперь он на расстоянии пушечного выстрела наблюдал за штурмом Мирандолы. Внезапно повалил снег, замерзли реки, а пушечные ядра, пробивая стены крепости, застревали в них, не имея возможности вырваться из плена. Однажды, улетев далеко от лагеря, ядро упало рядом с французами, находившимися в засаде. Если бы не снег, внезапно поваливший хлопьями, то вряд ли им удалось бы вернуться живыми. Защитой Мирандолы самоотверженно руководил Алессандро, племянник Дж. Дж. Тривульцио, но поскольку де Шомон, ревниво относившийся к успеху кондотьера, не послал ему своевременную помощь, городская стена была пробита, и Мирандола 20 января 1511 года капитулировала. Святой Отец щедро наградил солдат, участвующих во взятии Мирандолы, отправив им шесть тысяч дукатов. Нетерпение Юлия II было столь велико, что он первым, сидя в портшезе, через пролом в стене, пробитый его доблестными солдатами, проник в город и сразу даровал завоеванную землю Джованни Пико, кузену покойного правителя Мирандолы, яростному врагу Франции.

11 февраля внезапно скончался генерал де Шомон, что не сильно огорчило французов. Ведь это по его вине противнику была отдана Модена, он не вовремя пришел на помощь Болонье, не спас Мирандолу, эти земли навсегда потеряны для Франции. Теперь генералу не стоило надеяться на снисходительность французов, которые ранее ему многое прощали, при сложившихся обстоятельствах даже дядя не мог бы его защитить. Шомон был в отчаянии и настолько остро переживал все свои неудачи, что его смерть нельзя назвать трагической случайностью. Командование армией было доверено опытному вояке Дж. Дж. Тривульцио и молодому, подающему надежды Гастону де Фуа, который всего через несколько месяцев уйдет в бессмертие. Но стратегия войны внезапно изменилась. В мае армия Тривульцио подошла к Болонье, и Папа, который ранее отверг все мирные инициативы, предложенные конгрессом в Мантуе и поддержанные Императором, вдруг запаниковал и скрылся в Равенне, надеясь что болонцы будут защищать свой город. Оборону города понтифик доверил Франческо Алидози, бывшему епископу Павии, а ныне кардиналу, ставшего легатом Романьи, и герцогу Урбинскому, который вместе со своим войском находился неподалеку. Но кардиналу, протеже Папы (о нем тогда ходили странные слухи, которые не будем повторять), не просто никто не доверял, его ненавидели.[150] И когда пришло известие, что Тривульцио вместе с Бинтиволь приближается к Болонье, жители города 21 мая подняли мятеж, во время которого они снесли статую Юлия II работы Микеланджело Буонарроти и разрубили ее на куски, из которых герцогом Феррары была отлита одна из пушек.

Когда Бентиволь вместе с французскими войсками вошел в город, кардинал бежал в Кастель-дель-Рио. Герцог Урбинский, застигнутый врасплох неожиданными волнениями среди местного населения, потерял артиллерию и всю амуницию. Все это попало в руки к врагу, который увез позорно оставленное добро, прикрепив на спины мулов. День, в который была проиграна баталия, в народе так и окрестили – День погонщика. Мирандола снова была потеряна, и герцог Феррара вернул себе все земли, которые были у него отняты.

---

[149] Франческа Тривульцио, дочь знаменитого кондотьера, маршала Франции Джан Джакомо Тривульцио.

[150] Еще в апреле 1510 года венецианцы предупреждали папу, что кардинал был другом Франции, но тот не верил. Подозревают, что Папа находился с карединалом в каких-то особых отношениях, которые можно охарактеризовать как один из знаков «развращенности времени». Они бросают тень как на самого Юлия II, так и на нравы его двора. При этом речь идет о конкретных делах понтифика, имеющих якобы веские доказательства. Но М. Брош в своей монографии о Юлии II, пишет: «Возмутительные обвинения, которые были выдвинуты против папы Юлия, принадлежат богохульникам того времени и, несомненно, являются отголоском их речей. Весьма сомнительно, что большая часть этих негативных высказываний, является правдой. Папа не заслуживает такого отношения к себе».

Папа узнал о случившемся в Равенне. И хотя все вокруг обвиняли кардинала в государственной измене, поскольку не оказал должного сопротивления, не предупредил герцога Урбинского, весь гнев Папы упал на последнего, который в сердцах воскликнул: «Если он только попадется мне на глаза, я разорву его собственными руками».

Кардинал был на седьмом небе, когда узнал о реакции Папы. Встретившись с понтификом в Равенне, он подбежал к нему и тотчас же упал перед ним на колени. Не моля о пощаде, он попытался свалить всю вину на герцога. Последнему было всего двадцать лет, но его уже можно было обвинить в кровавом злодеянии. И кардинал этим воспользовался. Возмущению Папы не было предела. Понтифик клеймил его позором, упрекал за бесчестное поведение. Гнев Папы обрушившийся на голову герцога, виновником которого был кардинал Алидози, имел печальные последствия для последнего: герцог подкараулил его на улицах Равенны и нанес ему кинжалом смертельный удар в голову. Сейчас пробитый череп кардинала хранится в музее города. Париде де Грасси, который всегда с неприязнью писал о кардинале Алидози, считая его предателем, позитивно оценивает его убийство, находя в нем Божью кару: «О Боже, как справедлив и праведен суд твой! – восклицает он, - Мы должны благодарить Тебя за смерть предателя. Хотя он убит рукою человека, это сделал Ты, Господи, Ты допустил, чтобы предателя постигла эта участь, ведь ни один лист не упадет на землю, если нет на это Твоей Святой воли». Папа был ужасно расстроен, когда узнал о преступлении своего племянника, совершенного против против кардинала Святой Церкви, который был его фаворитом. Он обещал судить герцога по всей строгости закона. И, действительно, Юлий II лишил его герцогства, а затем подверг «суду четырех кардиналов».

Но были и другие события, которые все больше и больше мучили понтифика в этот неудачный для него год. Ему казалось, что сейчас, как никогда, над ним повисла угроза потери власти. Власть Юлий II не просто любил, он в ней купался. За эту власть он готов был сражаться с кем-угодно, не жалея сил, ведь объявил же он когда-то войну своему предшественнику, папе Александру VI. Правда сейчас особых поводов для беспокойства у понтифика не было, но его тяготило одно невыполненное обязательство, которое он взял на себя, вступая на папский трон. Он обещал в течение двух лет провести церковный Собор. Обещал, но этого не сделал. И сейчас этот Собор повис над ним, как дамоклов меч.

В сентябре 1510 года до Папы, который еще находился в Болонье, дошли слухи, вызвавшие у него бурю негодования. Пять кардиналов вдруг, не спросив у понтифика благословения, минуя Пизу, вдруг отправились во Флоренцию, где после встречи в Туре должен был состояться нелегитимный собор, или Conciliabolo, как его называли. Этот так называемый собор было одобрен Максимилианом, который предложил провести его во Флорентийской республике. С этой целью он попросил Флоренцию выделить на работу собора некоторую сумму денег. Однако, флорентийцам идея проведения на их земле очень не понравилась. Зная характер Папы, они были очень встревожены. Тогда Людовик XII напрямую обратился к флорентийцам и лично попросил их о таком одолжении, как созыв собора в Пизе, напомнив им о давней дружбе между Францией и Флоренцией. Требование короля долго обсуждалось на Совете Восьми, на котором в этот день собралось более ста человек. Собравшиеся не хотели обидеть Папу, но они не хотели потерять и союз с Францией. Второе решение оказалось довлеющим, т.к. оно поддерживалось последователями Савонаролы, который первым поставил вопрос о проведении Вселенского Собора, направленного на низвержение папы (Александра VI). Споры продолжались очень долго и только к концу мая было решено выполнить требования короля. Но поскольку это решение не разглашалось, то Папа, ничего не зная о подобном соглашении, пытался сохранять умеренные и даже теплые отношения с республикой, которая в прошлые времена чаще всего была объектом ненависти Святого Престола.

Между тем, широко начала распространяться информация о предстоящем Соборе. Об этом позаботились кардиналы Санта Кроче, Сан Мало и Козенцы, которые рассылали пригла-

шения отправиться в Пизу на Собор по всем храмам Италии и других католических стран. Эти кардиналы объявили себя организаторами этого Собора и представителями самого Папы, о чем сам понтифик, естественно, не знал. Поэтому неудивительно, что когда 28 мая Юлий II подошел к кафедральному собору г. Римини и увидел одно из таких приглашений, его буквально всего передернуло от возмущения и гнева.

Поскольку подготовка к Собору шла достаточно медленно, хотя работа по его организации не прекращалась ни на минуту, Юлий II, который прекрасно понимал, что бездействие смерти подобно, решил принять экстренные меры. В марте 1511 года он утвердил восемь новых кардиналов, из которых только двое, Маттео Ланг и епископ Ситтена, были назначены по политическим мотивам. Другие кардиналы, заплатив за свое назначение от десяти до двенапдцати тысяч дукатов, обязались найти деньги на войну. Потом Юлий II, оставленный всеми, с горсточкой верных ему людей отправился в Пизу. Кроме того, он принял решение о созыве Латеранского Собора, противопоставленного Пизанскому, который, по его указу от 18.07.1511, должен начать работу 19 апреля 1512 года. Кардиналы, которые не подчинятся его требованию, будут незамедлительно лишены сана.

Несмотря на угрозы, исходящие от папы, подготовка незаконного Собора продолжалась. Людовик XII, наскролько мог, продвигал проведение этого собора. Максимилиан, славящийся своим изменчивым характером, был на стороне Людовика, о чем заявил уже в сентябре. Император, обвиденный флорентийцами вокруг пальца, страстно желал в пизе взять реванш: ему попрежнему не давала покоя мысль о папской тиаре. От имени империи Максимилиан даже обратился к монархам других государств и попросил их прислать на Собор своих ораторов. [151] Юлий II, со своей стороны, отправил во Флоренцию епископа Кортоны, уроженца города, чтобы последний, использовав все свое влияние, отговорил флорентийцев от проведения Собора на их территории. В противном случае, республику ожидают серьезные последствия, ведь Папа с теми, кто идет против его воли, не церемонится. Таким образом, Флоренция оказалась меж двух огней. С одной стороны, она пообещала Людовику XII выполнить его просьбу, отказать королю она не дерзала. С другой стороны, ссориться с Папой тоже было не в ее интересах. Оставалось только как можно дольше тянуть время.

Все эти события настолько волновали и раздражали старого Папу, что он слег. Болезнь его сразила сначала в июне, потом в августе. Думали, что Юлий II уже не поднимется. Ну а если понтифик при смерти, зачем упускать возможность взять из его аппартаментов что-нибудь ценное? Началось открытое мародерство: тянули все, что под руку попадется. Это продолжалось до тех пор, пока герцог Урбинский, находящийся в Риме, где его должны были судить четыре кардинала, не примчался в Ватикан и не увидел собственными глазами своего больного, но еще живого дядю.

А в это время в городе начались волнения. Тогда Помпео, племянник Просперо Колонны, которого родные вынудили принять монашеский постриг, схватился за оружие, возомнив себя новым Стефано Поркари.[152] Но как только он собрался учредить республиканскую форму правления, как «грозный папа» встал на ноги, и все планы Помпео рухнули.

Теперь у Юлия II все в руках горело. Прежде всего, он наложил на непокорные города – Пизу и Флоренцию – интердикт[153], вступавший в силу 1 сентября. Это было первое «послед-

---

[151] Амико в книге “Жизнь Никколо Макиавелли” публикует два письма, правда, с некоторыми опечатками. Одно письмо, от 7 сентября 1511 года, написано рукою Папы, выступающего против Собора. Другое письмо, от 27 сентября этого же года, принадлежит Максимилиану, который поддерживал проведение Собора. Эти письма находятся во Флорентийском архиве.

[152] Стефано Поркари (ум. 9 января 1453 г.) – итальянский политик и гуманист; известен тем, что пытался поднять восстание против папы Николая V, который, по некоторым данным, узурпировал власть.

[153] Интердикт – временное запрещение всех церковных действий и треб, налагаемое высшим церковным руководством римско-католической церкви на отдельных лиц, на всех жителей города, на население целой страны. В настоящее время в действующем каноническом праве РКЦ созраняется только личный интердикт, именуемый отлучением от церкви

ствие» «тайного сборища», о котором предупреждал епископ Кородовы. Далее понтифик освободил герцога Урбинского, который во время этой войны мог быть ему полезен, а в завершении ко всему заключил «святой союз» с Венецией и Испанией против Франции, оставив императору сложный для него выбор: к кому присоединиться. Слелующей задачей понтифика было собрать войско, состоящее из четырех сотен офицеров, пяти сотен скакунов, шести тысяч солдат пехоты. Испания обещала ему предоставить тысячу двести офицеров, тысячу лошадей для легкой кавалерии, десять тысяч пехотинцев, а Венеция – восемь тысяч военнослужащих, тысячу лошадей и восемьсот пехотинцев. На все это папа обещал выделять двадцать тысяч дукатов в месяц и столько же он согласился выплачивать Венеции, которая также предоставляла ему 14 легких двухмачтовых галер и еще двенадцать таковых она давала Испании. Генерал-капитаном был назначен вице-король Неаполя Раймондо ди Кардона.

Целью этого союза было: объединение католической церкви; отмена нелегитимного Собора; возвращение Болоньи, Феррары и всех других земель, которые ранее считались папскими; восстановление венецианских земель, находящихся в Северной Италии; объявление войны тому, кто пойдет против главы Святого Престола, а именно – Франции. Пятого октября эта новая Священная Лига была торжественно провозглашена в римской церкви Санта-Мария-дель-Пополо, а двадцать четвертого числа этого же месяца все кардиналы-раскольники (двадцать четыре кардинала, чсреди которых были кардиналы Санта-Кроче, Козенцы, Сен-Мало и Байё) были лишены сана и всех своих бенефиций. Кардинала Сан Северино эта участь пока миновала, но вскоре гнев папы переключился и на него, поскольку понтифик решил назначить на это место кардинала из рода Медичи, некогда изгнанного из Флоренции, а значит не только знающего свой город изнутри, но и пылающего к нему лютой ненавистью. Этот кардинал в качестве папского легата вначале отправился в Перуджу, потом – в Болонью. Флорентийцы поняли, что грядет буря и, насколько могли, старались защититься. Им удалось отправить в Пизу доверенных лиц, которые 1 сентября должны были начать формальные приготовления к Собору. 10 сентября 1511 года Макиавелли снова отправился в командировку. На этот раз, по заданию Десятки, он должен был перехватить этих кардиналов на пути в Пизу и попытаться уговорить их пока отложить поездку. Затем он должен был отправиться в Милан на переговоры с лейтенантом Гастоном де Фуа, собиравшегося вернуться во Францию, и попросить его донести до короля истинное положение вещей. «На Собор», как сказано в инструкции, полученной секретарем, «никто не изъявляет желания ехать. Подготовка к нему только восстанавливает против нас папу. По этой самой причине мы очень просим Его величество не проводить данный Собор в Пизе, по крайней мере, сейчас. Из Германии ни один прелат на Собор не приедет. Из Франции, возможно, кое-кто прибудет, но против своей воли. К тому же, многим кажется странным, что Собор созывается только тремя кардиналами, когда другие, которые вроде бы, с их слов, поддерживают этот Собор, отмалчиваются и не торопятся ехать в Пизу. В то же время уже поползли слухи о подготовке к обороне крепости, о том, что что пизанцы массово записываются в ополчение и что следует ожидать волнений, вызванных папским интердиктом, в связи с чем влиятельные духовные лица города выступили против Собора. И поскольку нет надежды на то, что Папа и король когда-нибудь договорятся и что последний не будет продолжать гнуть свою линию, нужно хотя бы попытаться убедить монарха подождать два-три месяца».

13 сентября Макиавелли написал из Сан-Доннино, где встретил кардиналов Сен-Мало, Санта-Кроче, Козенцы и Сан-Северино, что они едут в Пизу через Понтремоли. минуя Флоренцию. Однако, перед тем, как двинуться в путь, они десять или двенадцать дней ждали пребытия прелатов из Франции. Но 15 сентября, как сообщает флорентийский посол в Милане Франческо Пандолфини, Никколо Макиавелли уже прибыл к месту назначения и в этот же день он был представлен Гастону де Фуа, которого он тут же ввел в курс дела, касающегося последних событий. Макиавелли также сказал, что флорентийцы не могут обеспечить безопасность кардиналов, как те того требуют, а только молятся, чтобы опасность, которая грозит кардина-

лам со стороны папы, обошла их стороной, на что де Фуа по-военному отчеканил: «Сохранность жизни кардиналам могут обеспечить только пятьсот или шестьсот копий». Поговорив с де Фуа, Макиавелли сразу же отправился во Францию. И уже 24-го числа этого месяца Роберто Аччайоли пишет из Блуа, что они вместе с Никколо отправились к королю, чтобы зачитать ему составленную накануне петицию. «Король, - пишет Аччайоли, - жаждет мира, и он будет благодарен всякому, кто окажет в этом содействие. Поэтому французский монарх и созывает Собор, который, как он считает, позволит быстрее достичь этой цели. Мы пытались убедить Людовика, что страх перед Собором толкает папу не к миру, а к войне, но поняли, что это бесполезно. И хочет король провести Собор в том месте, которое ему уже определено. Но если уж так сложилось, то не стоит Собору начинать работу до Дня Всех Святых. Ну а потом можно перенести его в другой город».[154] Из Франции Никколо Макиавелли прямиком помчался во Флоренцию, и 2 ноября был уже на месте. Однако, на следующий день он уже ехал в Пизу.[155]

Флорентийцы своей нечеткой позицией и неуверенным поведением отвернули от себя Францию, папа тоже был ими весьма недоволен. Интердикт, наложенный на них Папой, они решили оспорить на Вселенском Соборе, не уточняя, правда, каком – Пизанском или Латеранском. Но службы в некоторых церквях, несмотря на папский запрет, не прекращались, верующие имели возможность справлять требы. Флоренция не надеялась, что выиграет это дело. Гонфалоньером был предложен закон, позволяющий брать священникам ссуду, иногда достигающую 120 тысяч флоринов. При этом, если папа вдруг пойдет войной на Флдоренцию, эта ссуда должна быть возвращена через пять лет, если же войцны не будет, то через год. Этот закон был одобрен Советом. Подобное решение лишний раз доказало, что флорентийцы в экстремальных случаях умели и могли защитить себя, даже если их противником был папа.

Тем временем Пандольфо Петруччи убедил понтифика двинуться со своей армией в сторону Болоньи, которая не была в состоянии защитить себя. Но путь должен лежать не через Тоскану, где, как известно, гористая местность, в связи с чем есть опасность столкнуться с флорентийцами и французами. Петруччи все предусмотрел. Война в Тоскане была губительна для всех находящихся рядом независимых государств, которые, согласно договору, не должны были поддерживать Флоренцию.[156] Он также сказал папе, что согласились эти страны на Собор с небольшим желанием, только чтобы угодить Франции, в стальных объятиях которой они могут оказаться рано или поздно. И это было правдой. Даже Флоренция при ее манипулировании, при ее умении останавливать конфликт в самом зачатке боялась Франции, которая могла поставить под угрозу все существование республики. К тому же, не стоит забывать о том, что в последние годы республика сильно ослабла из-за внутренних раздоров. Подобная информация поступает от всех послов, хотя во многом эта информация противоречивая. Пандольфини, находясь рядом с Гастоном де Фуа, писал в октябре из Брешии: «Планы короля Священной Римской империи так быстро меняются, что трудно уследить. Они имеют столько цветов и оттенков, что никогда не знаешь, какой из них доминирует. Нужно научиться прогнозировать настроение Максимилиана, чтобы определить все условия и предпосылки его действий. Французы все это хорошо знают. Это мудрая нация, которая любые ошибки своих противников использует в свою пользу. Плохой правитель ничего хорошего на свет не произведет. Король страстно жаждет этого Собора. Но если бы Ваши Превосходительства отложили бы проведе-

---

[154] Это письмо хранится во Флорентийском архиве в двух копиях. Один вариант написан рукою Макиавелли. Почерк второго письма неизвестен, но в него вложены листы, текст которых зашифрован. Но подписи на обоих письмах напоминают своим почерком эти зашифрованные листы. В этой ячейке находятся и другие письма Аччайоли, написанные в период от 2 до 30 октября.

[155] Уехав из Флоренции 10 сентября, Макиавелли отсутствовал 54 дня. Кроме обычной зарплаты секретаря, которая за ним числилась, ему были выделены дополнительные деньги из расчета 12 мелких лир в день на проживание и 60 флоринов на дорожные расходы.

[156] Действительно, когда испанская армия оказалась близ границ Флорентийской республики, испанцы напомнили итальянцам (скорее всего, напрасно) о клятве. (архив г. Сиены, письмо от 24 августа 1512 г.)

ние этого Собора на месяц-другой, это было бы спасение. Тогда огонь мог бы разгореться в другом месте. Но сейчас пожар приближается к нашему дому, и мы его не сможем потушить, пока впереди будет маячить этот Собор». [157]

Несмотря на то, что граждане Флоренции дали официальное всогласие на проведение Собора у себя в республике, они чинили разного рода препятствия и открыто потешались над этим мероприятием. Когда кардиналы, сопровождаемые французскими солдатами в количестве трехсот или четырехсот человек под командованием Оде де Фуа, виконта де Лотрека, хотели отправиться в Пизу, флорентийцы тотчас же послали к ним Франческо Веттори, который, поговорив с кардиналом Сан-Мало, дал ясно понять, что если эти организаторы Собора пересекут границу республики с пиками и копьями, то флорентийцы воспримут их как врагов. Тогда кардиналы поехали на Собор только в сопровождении Оде де Фуа и нескольких стрелков. В Пизе и других городах республики были приняты все необходимые меры безопасности. Понтифик же временно снял интердикт с Флорентийской республики до середины ноября.

Третьего ноября Макиавелли, как мы уже говорили, выехал из Флоренции в Пизу, где уже были другие флорентийские посланники. С собой он привез несколько солдат для охраны Собора. Работа Собора уже началась: 1 ноября было проведено предварительное заседание, на котором присутствовало только четыре кардинала и пятнадцать прелатов. Но богослужение в день открытия Собора не состоялось: священники Пизы не выдали этим самозванцам облачения и закрыли перед ними двери всех храмов. Флорентийцы, напротив, разрешили участникам Собора служить мессу, однако, не заставляли своих священников присутствовать на Соборе, если они того не хотят.

Первое заседание Собора состоялось 5 ноября. После мессы, проводимой кардиналом Санта Кроче в присутствии трех своих коллег. Были приняты четыре указа. С этого самого момента Пизанский Собор, который начал свою работу без благословения папы Юлия II, был объявлен открытым. Латеранский Собор назвали Собором несвободным, ненадежным, не заслуживающим доверия, а значит и незаконным. Поэтому было принято решение, что те прелаты, которые обязаны явиться на Собор, но на него не явятся, «будут прокляты и наказаны».[158] На следующий день Макиавелли написал, что разговаривал с кардиналом Санта-Кроче. В этой беседе он пытался убедить его, что Собор следует перенести в другое место, «Можно, например, провести собор во Франции или Германии, - сказал Макиавелли, - Тогда гнев папы несколько спадет, он будет вести себя сдержаннее и войной на нас не пойдет. А мы тем временем покажем ему образец послушания и покорности. Такое поведение в данном случае крайне выгодно для нас, ведь один добровольный последователь ценнее двадцати сторонников, которых заставили быть таковыми».

Вторая сессия Собора состоялась 7 ноября. Третья сессия была назначена на четырнадцатое число, но состоялась двенадцатого. Потом было объявлено, что четвертая сессия пройдет 13 декабря в Милане. Равнодушие, открытое осуждение Собора властями республики, враждебность к делегатам Собора основной массы населения, последовавшее за всем этим открытое противостояние между пизанцами и флорентийскими солдатами, с одной стороны, и французами, которым прислуживали лакеи-кардиналы, с другой, которое подогревалось ранеными в битве Оде де Фуа и Шатийоном, стало причиной того, что Собор в кратчайший срок переехал в Милан.

---

[157] ··Письмо Пандольфини из Брешии, от 13-14 октября 1511 года.

[158] Письмо Макиавелли, отправленное из Пизы 6 ноября. К этому письму, которое находится во Флорентийском архиве прилагаются отчеты о заседаниях Собора, на которых присутствовал Макиавелли. Они предваряются следующим письмом: «Мы отправляем вашим Превосходительствам краткое изложение того, что удалось зафиксировать на бумаге. Надеемся на благоразумие и осторожность Макиавелли, который находился среди участников Собора. Он более практично подходит к решению этих вопросов, чем мы».

Но перед тем как покинуть республику, кардиналы успели напакостить флорентийцам, восстановив против них французских военных. Однако, в Милане они тоже не нашли поддержки. К самому Собору миланцы остались равнодушны, но к отступникам-кардиналам они испытывали такое жгучее отвращение, что храмы пустовали: ни у кого из жителей города не возникло желания посетить хотя бы одну мессу, проводимую этими «служителями дьявола». Младшее духовенство с большой неохотой подчинялось приказам Сената. Большинство каноников в открытую оказывали сопротивление, в связи с чем им начали угрожать высылкой из города и даже физической расправой, которую могли обеспечить французские солдаты.[159] Гвиччардини писал, что эти эти кардиналы были настолько амбициозны, движимы личными интересами, что их вообще не интересовала церковь как таковая, что они вообще «не собирались ничего реформировать ни в церкви, ни где бы то ни было еще».

Этот Собор нужен был тем, кто хотел вступить на тропу войны. Он был своего рода орудием, которое должно было участвовать в великой битве. Решаемой силовыми методами. К этой битве сейчас было приковано все внимание. Флоренция, к счастью, была свободна от подобных проблем, республика избавилась от Собора. Однако, облегчения не наступило. Во Флоренции разгорался пожар иного рода. Теперь флорентийцы были мучимы другим вопросом: что нужно сделать, чтобы сохранить республику? \

.

Глава XIV

Битва при Равенне. – Французы отступают. – Республика в опасности. – Макиавелли обеспечивает защиту города. – Декрет о создании конницы. – Испанцы захватывают и грабят Прато. – Флорентийцы требуют возвращения Медичи. – Содерини свергнут и покидает город

Количество французов в Италии все увеличивалось и увеличивалось. Джан Джакомо Тривулдьцио, их военачальник, хотя и был уже не первой свежести, однако, опыта ему было не занимать. Гастон де Фуа также был опытным командиром и пользовался огромным уважением среди своих подчиненных. Последнему было всего 23 года. Французскому королю он приходился племянником (был сыном его сестры), а сестра самого Гастона была замужем за Фердинандом-католиком, королем Арагона и Кастилии. Одно время Гастон де Фуа являлся комендантом Милана, но теперь этот отважный солдат поражал весь мир своим непревзойденным искусством ведения войны.

Тривульцио выгнал армию папы из Феррары, вернул в Болонью власть Бентивольо, но его армия пока еще не могла сражаться на открытом пространстве. Поэтому Тривульцио ждал подкрепления из Франции, которое все никак не приходило. Король, у которого на учете была каждая монета, отказывался повышать жалованье швейцарским наемникам, которые теперь требовали сорок тысяч дукатов в год (вместо тридцати положенных). В противном случае они угрожали отправиться в Италию и перейти на сторону папы. Перетянуть швейцарцев на свою сторону было главной целью понтифика. Он долгое время пытался решить этот вопрос через своих агентов и, услышав в октябре 1511 года из уст короля, что во французской армии есть швейцарцы, ответил, что тот «нагло врет, что их там никогда не было».[160] Людовик XII действовал недальновидно. Он, зная, что у швейцарцев нет ни кавалерии, ни артиллерии, даже не предполагал, что они могут его покинуть и действовать по своему усмотрению. Но швейцарцы с их лучшей в мире пехотой давно уже поняли, что Франция, у которой пехота оставляет желать лучшего, без швейцарских солдат – ничто, особенно, если речь идет о военном про-

[159] Письмо Пандольфини из Милана, написанное с 1 по 7 декабря.

[160] Письмо Бернардо да Бибиена кардиналу Медичи, легату в Романье, от 19 октября 1511 года.

тивостоянии на открытой местности. Таким образом, численность швейцарской армии, работавшей на стороне французов, сократилась до десяти тысяч, но и эти были уже готовы пойти против Франции, когда подоспеют к ним на помощь товарищи. Это обстоятельство как некогда кстати сыграло на руку Италии. Кардинал Франческо Содерини, прикинувшийся больным, чтобы не подчиняться папе, который звал его в Рим, теперь, услышав от понтифика, «какие швецарцы чудесные лекари, поскольку им удалось избавить от хвори не только всех французов, но и самого епископа Вольтерры[161]»[162], бросился к нему со всех ног.

Гастон ди Фуа, заняв выжидательную позицию, следил за швейцарцами. Когда число швецарских наемников достигло шестнадцати тысяч человек, их армия внезапно была отведена без объяснения причины, хотя эта самая причина была понятна: дело было в деньгах, в скупости французского короля.

Флоренция же изо всех сил старалась сохранить нейтралитет. Франции, которая обратилась к флорентийцам за помощью, последние ответили, что уже сделали все, что в их силах: отправили 300 вооруженных солдат. В это же время Флоренция отправляет послом в Испанию Франческо Гвиччардини, который, хотя ему не исполнилось еще тридцати лет, уже хорошо показал себя на дипломатической службе. Но он не получил никаких конкретных инструкций, касающихся союзников. Таким образом, Флоренция, проводя такую непопулярную политику, серьезно рисковала остаться в одиночестве, нажив везде себе врагов. С одной стороны, это были французы с постоянно увеличивающейся армией, в рядах которой было много немецких пехотинцев; с другой стороны, Испания, Венеция и Папа, который написал страстное письмо кардиналу Медичи, в котором говорилось, что он не понимает, почему эти государства до сих пор не вступили в борьбу и не попытались взять Болонью. Швейцарская армия в составе шестнадцати тысяч пехотинцев к этому времени уже находилась возле Имолы, между испанским и папским войсками, которыми командовали известные военачальники того времени – Раймондо ди Кардона, Пьетро Наварро, Просперо Колонна, Маркантонио Колонна и другие. Французы, имея только две тысячи немецких пехотинцев и двести копий, стояли в Болонье, когда союзники пошли в наступление и, использовав пороховые мины, изготовленные Педро Наварро, который был искусным инженером, пробили стену. Однако, французы, залатав брешь в стене, не сдались. Тем временем (это случилось первого февраля) Гастон де Фуа ввел в город еще 1000 пехотинцев и доставил 180 копий, хотя у Гиччардини мы находим совсем другие данные: 1300 копий 14 000 пехотинцев, среди которых, по его информации, было много итальянцев, французов и немцев. Эта новость заставила союзников снять осаду и спешно покинуть лагерь. Но французы их не преследовали, потому что 9 февраля Гастон де Фуа, узнав, что венецианцы овладели Брешией, немедленно покинул город, оставив в Болонье только 300 копий и 4000 пехотинцев.

По дороге Гастон де Фуа столкнулся с отрядом венецианской армии и разбил его. Затем он атаковал Брешию, осадив крепость, которая изо всех сил старалась держаться. Но, несмотря на то, что венецианская армия оказывала жесточайшее сопротивление, силы были неравны. 19 февраля армия де Фуа штурмом взяла город, не пощадив никого: восемь тысяч пехотинцев, пятьсот вооруженных защитников города, восемьсот скакунов легкой конницы погибли под градом копий и снарядов захватчиков. Говорят, правда, не восьми, а о четырнадцати тысячах погибших, однако, в этом случае учитываются все солдаты, а также мирные граждане. Что пережила бедная Брешия за то время, пока войско Гастона де Фуа хозяйничало в городе, трудно представить. Целую неделю продолжались грабежи и мародерство. Гастон де Фуа оказался не только доблестным, отважным воином, но и крайне жестоким военачальником: своим подчиненным он давал полную свободу действий. Разорив дотла город, армия де Фуа, кото-

[161] Франческо Содерини был епископом Вольтерры с 11 марта 1478 г. по 23 мая 1509 г.

[162] Письмо Бернардо да Бибиена кардиналу Медичи от 18 декабря 1511 года

рая в сражениях за Брешию понесла небольшие потери, выставив вперед военные трофеи и подняв высоко знамена, направилась в сторону Романьи. В то время, когда войска передвигались крайне медленно, можно сказать, что Гастон де Фуа из вверенных ему солдат и офицеров сотворил чудо. Буквально за пятнадцать дней армия де Фуа сняла осаду с Болоньи, разбила по пути в Брешию вражеский отряд, вторглась в саму Брешию и покорила город. И теперь она гордо шествовала, будучи готовой к новым победам. Так непобедимая армия Гастона де Фуа дошла до Финале, где талантливого полководца ждало подкрепление, с помощью которого он довел свое войско до 1500 копий, 1000 стрелков, 19000 пехотинцев. И это без учета артиллерии, которой руководил герцог Феррарский. Испанцы же имели 1400 копий и столько же солдат, 1500 стрелков и 13500 пехотинцев. У них также была хорошая артиллерия и 50 серпоносных колесниц новой конструкции.

Две армии союзников разбивают лагерь, не желая, чтобы войско щвейцарцев попало в руки превосходящих их по численности врагов. Но у Гастона де Фуа резко меняются планы, поскольку Англия угрожает выступить против Франции, а ненадежный союзник Людовика XII, император, собирается отозвать 6000 своих пехотинцев из французской армии. Медлить было нельзя. Гастон де Фуа решил навязать военное столкновение, заставить отступающего врага сражаться. Взяв несколько крепостей, он осадил Равенну – город, имеющий стратегическое значение. Однако, французский полководец недооценил дух защитников города, предполагая, что возьмет Равенну почти без боя. На помощь Равенне выдвинулся Маркантонио Колонна, которому обещали отправить на подмогу армию швейцарских наемников, если его войску будет грозить серьезная опасность со стороны неприятеля. Армия Гастона де Фуа расположилась между двумя реками, Ронко и Монтоне, которые, сливаясь, почти вплотную подходят к городским стенам. Задействовав артиллерию, командир французов пробил городскую стену и отдал приказ к захвату города. Но защита была настолько сильной, что, потеряв 600 пехотинцев и солдат ранеными и убитыми, он вынужден был вернуться на место прежней дислокации. На следующий день граждане Равенны отправили своих представителей во французский лагерь, чтобы подписать договор о капитуляции. Маркантонио Колонна, который ждал помощи, чтобы продолжить оборону города, об этом не знал. Подкрепление со стороны конфедератов подоспело. Но французское командование в лице Гастона де Фуа жаждало битвы, отдавая приказы о наступлении. Внезапно пришло письмо от Максимилиана, которым император отзывал своих солдат. И это было как раз в то время, когда готовилось решающее сражение. Поэтому эту новость постарались скрыть.

Швейцарская армия также заняли позицию между двумя реками, недалеко от городка Форли. Далее, переправившись через Ронко, швейцарцы остановились в трех милях от Равенны. С левой стороны находилась река. Пьетро Наварро, главнокомандующий испанской пехоты, приказал вырыть ров, который прикрывал бы войско с другой стороны, а также спереди. Но в то же время, по плану Наварро, необходимо было оставить открытое пространство шириной примерно в восемнадцать метров, по которому могла бы двигаться конница, а в случае необходимости и вся армия с артиллерией во главе и с укреплением из повозок, которые назывались carri falcati, т.е. «серпообразные колесницы» или «колесницы с косами». Этот вид повозок Наварро позаимствовал из античного времени, но усовершенствовал их в духе своей эпохи. Маленькие и низкие, с косами по бокам, расположенными на расстоянии чуть более двух метров друг от друга. В центре каждой такой колесницы находилось длинное копье, прикрепленное в том же самом направлении, что и косы. И косы, и копье в ходе битвы наносили пехоте противника, а также вражеской коннице серьезные травмы и увечья. Один вид этих с виду непритязательных повозок вызывал панику в стане неприятеля. Легкие, подвижные, эти колесницы были великим изобретением, поскольку делали то, что не могла сделать даже самая

сильная артиллерия. Однако, не всегда они могли пригодиться, потому что вражеское оружие могло быстро вывести их из строя, особенно, если бой проходил не на открытой местности.[163]

Французы оставили возле Равенны Ив д'Аллегра, одного из крупных военачальников, с отрядом в количестве 400 человек и перекинули через Ронко мост, по которому перебрались на другую сторону. 11 апреля 1512 года, в день Пасхи Христовой, состоялось сражение. Войско французов выстроилось в форме полумесяца. Артиллерия под командованием герцога Феррарского расположилась на правом крыле, что позволило сразу ударить по находящейся у реки, слева от войска, испанской коннице, которой командовал Фабрицио Колонна. Под натиском французской артиллерии испанцы были практически обездвижены, испанцы не успевали стрелять по врагу, который за считанные минуты вывел их военную технику из строя. Но так просто Колонна сдаваться не собирался. Отдав последние распоряжения, он покинул лагерь. Так началась одна из самых кровопролитных битв в истории человечества, память о которой еще долго будет жить в умах потомков.

В этой битве очень сильно пострадала конница союзников. Она не могла противостоять не только яростному натиску артеллерии французов, но и тому импульсу, порыву души, которым были охвачены доблестные французские воины, мужеству которых может позавидовать весь мир. Даже опытные полководцы не смогли справиться с французской артиллерией. Испанцы обратились в бегство, а Фабрицио Колонна вместе с маркизом ди Пескара[164] попали в плен. Однако, испанская пехота достойно показала себя. С неукротимой энергией сражались испанские пехотинцы, яростно отражая нападения врага, но и они дрогнули под натиском численно превосходящих их французских воинов. Кроме того, нельзя не отдать должное военному гению полководцев французской армии.

Испанская армия отступила. Но это было именно отступление, а не побег. Гневу Гостона де Фуа не было предела, когда французский полководец увидел, с какой стойкостью отступают испанцы, которые даже в этой тяжелой ситуации старались не поддаваться панике, а соблюдать закрепленную уставом дисциплину. Они отступали с высокоподнятой головой, словно победители, что еще больше разозлило Гастона де Фуа, который решил нанести последний и более массивный удар по испанскому войску, пустив вперед свою кавалерию. Но во время этой последней битвы он, упав с раненой лошади, был зарублен отступающими испанцами, на его лице и груди можно было насчитать четырнадцать или пятнадцать ран. Так великий французский полководец Гастон де Фуа, который за три месяца своей карьеры прошел путь от простого солдата до генерала, погиб в расцвете своих сил. Смерть его, случавшаяся в самый разгар победы, стала непоправимой утратой для Франции. Что касается союзников, то они стойко восприняли свое поражение, не сломились, не упали духом, хотя это был величайший разгром, какого Испания еще не знала. Испанцы оставили на поле боя свои колесницы, так искусно усовершенствованные Наварро, флаги, артиллерию. Многие военачальники союзнической армии, среди которых Фабрицио Колонна, Пьетро Наварро, маркизы ди Битонто, ди Пескара, ди Палуде, а также кардинал Медичи, папский легат, были захвачены в плен. Данные о количество потерь в этой битве со стороны испанцев значительно разнятся. Одни историки говорят, что испанская армия потеряла убитыми десять тысяч человек, другие настаивают на цифре в двадцать тысяч. Согласно некоторым данным, на поле боя осталось лежать двенадцать тысяч союзников и только четыре тысячи французов, которые в этом сражении потеряли нескольких полководцев: в бою под Равенной погиб Ив д'Алегр вместе с сыном, Гастон де Фуа, смерть которого для торжествующей Франции оказалась сродни поражению, о чем говорят

---

[163] ·Письмо Якопо Гвиччардини брату.

[164] Речь идет о Фернанде Франческо д'Авалосе (1489 – 1525), итальянском кондотьере, который был на службе в испанской армии. Командир легкой конницы в битве при Равенне.

дальнейшие события.[165] Свою победу французы отмечали несколько дней. Равенна была не просто взята: она была разграблена, опустошена. Не желая такого же развития сценария, очень быстро сдались Имола, Форли и Чезена. После ошеломительной победы Франции под Равенной и капитуляции ряда городов папа был изрядно подавлен и захотел во что бы то ни стало заключить мир. Испанцы убедили его немного подождать, и он, предвидев совершенно иной поворот событий и решив перехитрить врагов, находящихся в довольно скверном положении, притворился, что очень хочет прийти к мировому соглашению. Император не отменил приказ, и немецкие солдаты покинули армию союзников. Швейцарская конфедерация, наоборот, готова была помочь, число швейцарских наемников в Италии увеличилось до двадцати тысяч. Собираясь принять участие в войне против Франции, Англия послала в Испанию своих солдат. Но и мнение общественности сильно изменилось. В различных кругах шли разговоры о воссоздании Империи, которая должна быть великой и могущественной. А к плененному кардиналу Медичи, находящемуся в Ломбардии, каждый день приходили сотни французских солдат и просили у него отпущения грехов. Эти же солдаты, спустя некоторое время, помогли ему бежать из заключения. Союзники вместе со Швейцарской конфедерацией преследовали французов так, что последние, по выражению современника, бежали, «как туман, гонимый ветром». За короткий срок Франция потеряла почти все итальянские земли. За нею оставались только Брешиа, Крема, Ланьяго, Лантерна, Генуэзская и Миланская крепости. Парма, Пьяченца, Болонья и почти вся территория Романьи отошли к папе, который, схватив эти земли, был полон гордости и больших надежд. Все это казалось сном. Никто не верил, что мечты когда-нибудь станут явью.

Но для Флоренции наступили не лучшие времена. Флорентийцы, верные до конца французской дружбе, когда истек срок действия договора, по которому они обязывались давать Людовику XII триста копий, продлили этот договор еще на пять лет, увеличив число копий до четырехсот. А между тем те 300 копий, которые находились уже во Франции, были ограблены. Людовик XII говорил, что они вели себя неподобающим образом, что он флорентийцами недоволен, потому что они его предали. И вдруг французский монарх объявил своими друзьями союзников, между которыми началась настоящая распря. Объединяла их только ненависть к Содерини, которого все они хотели свергнуть, чтобы поставить во Флоренции «свою» власть.

Теперь Флорентийская Республика, раздираемая внутренними противоречиями, больше не знала, в какую сторону ей двигаться и кого поддерживать. Папа отправил во Флоренцию своего датария, Лоренцо Пуччи, который от имени понтифика пригласил республику вступить в Лигу, но с обязательством помочь союзникам изгнать французов из Италии. Представитель императора, кардинал Гургенсе, к которому в июле 1502 года был направлен в качестве посла Джованни Витторио Содерини, попросил прислать своему господину хотя бы немного денег в знак дружбы и расположения. Но вскоре стало понятно, что и император, и испанцы, находящиеся в Мантуе и куда отправился посол, и все союзники хотят любой ценой вернуть Медичи, поэтому и просят денег. Больше всех свержения правительства Содерини жаждал папа. Поэтому со стороны флорентийцев было бы более правильным ходом, если бы они, не экономя на суммах, подлежащих выплате, в то же самое время, взяв в руки оружие, отчаянно готовились бы к защите. Но они бездействовали. То ли им было все равно, то ли они понимали, что не смогут противостоять сильным мира сего. Временные совещательные комитеты

[165] Ф. Гвиччардини в своей «Истории Италии» говорит, что войска союзников в битве под Равенной потеряли десять тысяч человек. Бьяджо Буонаккорси говорит о четырех тысячах погибших со стороны Франции и двенадцати тысячах – со стороны союзников. 30 апреля 1512 года Пьеро Гвиччардини писал своему сыну-послу в Испанию, что все потери исчисляются шестнадцатью тысячами, треть из которых – французы. Но Якопо Гвиччардини пишет своему брату, что погибших в битве при Равенне, по одним данным, – двенадцать тысяч, также указывая, что из них французы составляют третью часть, а по другим данным – двадцать тысяч. Франческо Пандольфини, флорентийский посол и советник при Гастоне де Фуа, в одном из своих отчетов приводит те же сведения, что и Буонаккорси. французы потеряли четыре тысячи своих солдат и офицеров, испанцы – двенадцать тысяч.

(consulte e pratiche), проводившие заседания в июле и августе, ничего, собственно, не предлагали, кроме того, что не следует пороть горячку, а просто еще подождать. Один из чиновников такого комитета говорил, но не нужно ничего делать, следует занять выжидательную позицию. Другой член комитета считал, что нужно пойти другим путем. «Следует дать понять всем этим союзникам, - говорил он, - что у республики нет возможности предоставить финансовую помощь, а тем временем наблюдать, следить за всем, не высовываясь… Так мы выиграем время». Все повторяли одно и то же, даже не замечая, что положение-то безвыходное».

Тем временем на Совете в Мантуе было решено, что управлять Миланом должен Массимилиано Сфорца, сын Лодовико Моро, что гонфалоньера Содерини, стоящего во главе Флоренции, необходимо отстранить от власти и передать эту власть в руки Медичи, снова сделав их единоличными правителями республики. Сами Медичи, не заставляя себя упрашивать, сразу же отстегнули десять тысяч дукатов, пообещав выделить еще большую сумму, если армия вернет их в родной город. Джулиана Медичи, который говорил на этом Совете от своего имени и от имени своего брата, кардинала Джованни, услышали все, словно он же был у власти, речь оратора от Флорентийской республики уже никто не воспринимал, прерывая ее едкими замечаниями и откровенно издевательскими комментариями. Сразу же после Совета испанский вице-король отправился в Болонью, где были расквартированы войска союзников. А во Флоренции все обсуждали последние новости, не предпринимая ничего.

Содерини чувствовал, что из-под его ног уходит земля. И тогда он распорядился составить завещание, исполнив тем самым свою последнюю волю. В этом завещании были упомянуты его лучшие друзья, секретари, – Адмиани и Макиавелли, каждому из которых он оставлял по пятнадцать золотых флоринов. Содерини видел, что оставлен всеми, даже самые влиятельные люди республики от него отказались. Последние уже переметнулись на сторону Медичи, наверное, ведут уже с ним переговоры, обсуждают, как изгнать гонфалоньера из города, который якобы попирал их свободу. Они ведь честные граждане и хотят жить по законам справедливости. Теперь Содерини обвиняли во всех смертных грехах. На гонфалоньера, прежде всего, ополчились все те, кого он не замечал. Они считали, что не заслужили к себе такого отношения, что Содерини несправедливо отстранил их от власти. Теперь они надеялись взять реванш, отомстить гонфалоньеру, взяв управление республикой в свои собственные руки. Медичи, конечно же, вернутся во Флоренцию, но будут находиться под серьезной опекой, каждый шаг бывших властителей Флоренции будет контролироваться этими «поборниками свободы».

У Содерини уже не было ни сил, ни желания сражаться. Но и страха у него перед теми, кто объявил ему войну, не было. Он все еще был уверен в том, что его постановления, указы, декреты имеют силу. В этом его убеждали те, кто просто хотел усыпить бдительность гонфалоньера. Испанские ораторы говорили, что их король никогда бы не отдал власть, даже самому папе, а если бы он был главой Флоренции, то никогда бы не передал все свои полномочия в руки кардинала Джованни Медичи, даже если он и является главой такого почтенного семейства. Испанцам папа дал понять, что ненавидит их народ и что никогда не поставит в Италии кардиналом человека испанской крови. Таким образом, гонфалоньера со всех сторон обманывали, он жил в подвешенном состоянии.

Один Никколо Макиавелли давно уже не питал никаких иллюзий. Он чувствовал приближение беды. 22 ноября 1511 года он составил завещание, которое является доказательством того, что «грядут тяжелые времена». В мае того же года он написал Восьмерке, что необходимо выбрать хорошего командующего пехотой, который бы принимал мудрые и взвешенные решения. На эту должность он предлагал Якопо Савелли, которого уважали и высоко ценили А. Джакобини, Никколо Каппони и другие патриоты Флорентийской республики.

Но, похоже, совет Никколо Макиавелли не был услышан, и, следовательно, ополчение в решающий момент осталось без командира. В декабре 1511 года Макиавелли был уже в тосканской Романье, где хлопотал о создании кавалеристских отрядов и проводил набор в кава-

лерию. Потом он на какое-то время вернулся во Флоренцию, а потом снова уехал «по делам», пытаясь решить поставленную перед собой задачу. Наконец, в марте 1512 года вначале Восьмерка, а затем и Большой Совет утвердил предложенный Никколо Макиавелли Декрет о кавалерии, в котором он сам лично прописал все положения, в том числе и касающиеся жалованья наемников. Об этом Декрете он говорил приблизительно так: «Мы уже видели, какую пользу принесла нашему государству пехота, которая защищает нашу власть и нашу свободу, которая в опасности. Поэтому Девятка своим указом распорядилась проводить набор пехотинцев в течение всего 1512 года. Однако и кавалерия не менее важна. Не менее 500 кавалеристов, вооруженных арбалетами и мушкетами, могут тоже быть полезны. Десять процентов всадников легкой кавалерии умеют держать копье». В мирное время этим военным также следует выплачивать жалованье, поскольку содержание лошади требует средств, но в период военных действий это жалованье должно быть значительно больше. Впрочем, это касается всех кавалеристов.[166] Согласно постановлению, в кавалерии должны служить люди, являющиеся гражданами Флорентийской республики, ведь только флорентийцы, понимая, что их родина в опасности, могут защитить ее. При этом большую часть кавалерии, считал Макиавелли, составят жители других городов республики, а не самой Флоренции, где авторитетные лица сговорились о возвращении Медичи.

Как только Декрет был принят (это случилось в апреле 1512 года), Макиавелли сразу же написал и разослал письма и приказы, необходимые для формирования кавалеристских отрядов. В мае он отправился в Пизу, где начал организацию ополчения для защиты крепости, потом он поехал в Фучеккио и другие города республики для поиска новобранцев. В начале июня Макиавелли оказался в Сиене. Эта поездка была связана со смертью Пандольфо Петруччи, считавшегося другом Флорентийской республики. Из Сиены Никколо опять проследовал в Пизу, чтобы проверить, как выполняются его распоряжения, а 20 июня был уже во Флоренции, где также занялся подготовкой к защите города. Никколо Макиавелли не сидел на месте, все время был в разъездах, проехал вдоль и поперек всю территорию Флорентийской республики по нескольку раз. В период этих поездок он не только следил за выполнением отданных распоряжений, но и старался вселить в новобранцев дух патриотизма. 27-го числа того же месяца Джован Батиста Ридольфи, правитель и капитан Монтепульчано, писал, что Макиавелли прибыл к ним своевременно, когда город уже поддался панике. На Совете, созванном приорами, ему удалось успокоить население, вселив в перепуганных граждан Монтепульчано уверенность в то, что Флоренция их защитит. Далее в этом письме говорилось, что, со слов Макиавелли, с папских конюшен было неожиданно выведено несколько сотен лошадей. В чем причина исчезновения скакунов и где они теперь – неизвестно. Макиавелли, также было сказано, «ездил в Валиано, чтобы посмотреть все укрепления, потом отправился в Монте-Сан-Савино и Фойано, чтобы проверить, как эти коммуны будут держать оборону в случае войны». В июле он вернулся во Флоренцию, но в августе, когда враг уже подтягивался к границам республики, Макиавелли поехал в Скарпею, потом – в Ференцуолу, где выплатил треть жалованья пехотинцам, которые были уже хорошо готовы к выполнению своих обязанностей. Бальдассаре Кардуччи, которого отправили к вице-королю в качестве представителя Флорентийской республики, писал из Фиренцуолы, что враг быстро приближается, но готов сопротивляться, поэтому Макиавелли собрал еще две тысячи пехотинцев и по ходу проверил, как работает

[166] Кодекс Риччи содержит несколько черновых фрагментов этого «Декрета о кавалерии», а также отрывки писем и речей, касающиеся данного документа. Томмасини публикует много выдержек из этого Кодекса. Здесь мы приводим цитату, которая кажется нам достойной внимания. Говоря о тех, кто возражал против принятия этого декрета, опасаясь, что военачальники в кавалерии могут злоупотреблять своими полномочиями, Макиавелли пишет: «Тот, кто думает о каких-либо неудобствах, которые могут возникнуть, никогда не начнет ничего нового. Это известное правило. Всевозможные неполадки надо просто устранять. Надо надеяться на лучшее, а не ждать худшего. Если так думать, то и армии в Италии никогда не будет» (Национальная библиотека г. Флоренция).

артиллерия. Вражеские войска ждали в Барберино, поэтому все работы по укреплению этого города были приостановлены. Комиссар Тосинги писал, что нет человека, который бы, по его приказанию, постоянно курсировал из одного пункта в другой, проверяя боеготовность, но он надеется, что Макиавелли хорошо укрепил Фиренцуолу, что враг хотя бы здесь будет остановлен. Но 23 и 24 августа 1512 года Тосинги, переговорив с вице-королем и де Лука, писал из Аппиано, что сейчас уже не на что надеяться, враг наступает. Лига – а больше всех папа – хочет свергнуть правительство Флорентийской республики, вернув туда власть Медичи.

Фактически в то самое время, когда в Фиренцуоле были собраны все силы, вице-король Неаполя Рамон де Кардона в сопровождении кардинала Медичи ехал по дороге из Болоньи в Барберино. С ними было всего две пушки, другого оружия у сопровождавших вице-короля солдат не было. Представители республики тут же выехали им навстречу. Встретившись на границе, они спросили непрошенных гостей, с какой целью те прибыли, каковы их истинные намерения. Рамон де Кардона ответил, что приехали они исполнить волю союзников, а именно: низвергнуть Содерини, который был и остается другом Франции; сформировать новое правительство, пользующееся доверием населения; вернуть на родину Медичи, пока на правах частных лиц. По свидетельству Буонаккорси, вице-король в обмен на свое возвращение запросил сто тысяч дукатов. Те же самые требования он выдвинул, прибыв в Барберино. Конечно, если бы флорентийцы отдали требуемую сумму и приняли бы Медичи, то они косвенно одобрили бы и смену формы правления. Но гонфалоньер прекрасно понимал, что, когда Медичи вернется, он неизбежно будет изгнан из Флоренции, а позже и сама республика наверняка будет уничтожена. Поэтому, несмотря на свою нерешительную натуру, Содерини никоим образом не хотел подчиняться требованиям, соглашаться на добровольную отставку. К тому же, он был уверен, что его армия сможет противостоять силе вице-короля, у которого в арсенале всего две пушки. Насчет численности армии он сильно заблуждался. И эту иллюзию, к сожалению, поддерживал Никколо Макиавелли, который был уверен, что ни пехота, ни кавалерия его не подведет. Не обращая внимания на слухи, он продолжал приводить в порядок укрепления, готовя армию к обороне республики. И как же он был удивлен, когда, несмотря на укрепление оборонительных позиций, враг спокойно проходил через все форпосты и шел дальше.

Испанская армия приближалась к Прато. Было решено не сдавать город врагу, сопротивляться что есть сил. Однако, город был обречен. Причину мы находим в «Истории Италии» Ф. Гвиччардини, который пишет следующее: «Армия Флорентийской республики не была такой уж многочисленной. Флорентийцы не имели в достаточном количестве ни хорошо вооруженных солдат, ни должного количества пехотинцев. Армия был организована наспех, а на одних указах и постановлениях далеко не уедешь. Большинство новобранцев не имели опыта военной службы. Хороших капитанов, которые пользовались бы авторитетом и могли бы послужить примером доблести и отваги своим подчиненным, не было. Кондотьеров же (по крайней мере, тех, кого я знаю) больше интересовало денежное вознаграждение».

Наконец, гонфалоньер Содерини решил действовать. Прежде всего, он упрятал в острог двадцать пять граждан Флорентийской республики, которые не внушали доверия, а затем, собрав Большой Совет, он произнес длинную речь, в которой раскрыл истинное положение вещей. При этом он сказал, что готов покинуть свой пост, если того потребует народ, но отметил, что враг не остановится и не успокоится, если Содерини уйдет, потому он, в первую очередь, хочет уничтожить нашу свободу. А кончится все это тем, что Медичи в скором времени прогонят самозваное правительство и отомстят за свое унижение. В конце своей речи он выразил надежду, что граждане Флоренции сплотятся как один и поддержат своего гонфалоньера. Если это произойдет, то он сможет бороться, сможет с полной отдачей защищать свободу, лаже если придется пойти на определенные жертвы с его стороны. Выступление Содерини достигло желаемого эффекта. Флорентинцы (казалось, что весь город собрался послушать своего гонфалоньера) слушали его, затаив дыхание, а когда Содерини умолк, все граждане заявили о

своем согласии поддержать народное правительство и выступили в защиту свободы.[167] Это, действительно, было всеобщее мнение, поскольку только самые амбициозные и завистливые люди боролись с Содерини, хотя старались делать это не на публике. Граждане Флоренции тут же определили сумму, необходимую для защиты (около 50 000 дукатов), поставив вопрос на голосование. В этот момент все были единодушны. Однако, вскоре оказалось, что это единство – кажущееся, что оно имеет только внешнюю сторону.

На Совете кондотьеров, который был проведен вскоре после выступления Содерини, было решено, что девять тысяч пехотинцев и триста вооруженных солдат, которых в течение последних шести дней удалось призвать на военную службу, а также несколько скакунов легкой кавалерии со своими всадниками, разобьют лагерь за крепостными стенами.[168] Ожидали штурм Прато. Первыми прибыли три тысячи пехотинцев и расположились у стен города. Это была первая профессиональная армия Флорентийской республики, но на помощь ей пришло и много добровольцев из низших слоев городского населения. Среди защитников города были также солдаты под командованием Луки Савелли – пожилого капитана, который уже не мог руководить военными операциями в силу возраста. Однако, в Ломбардии они попали в окружение, из которого вышли, потеряв часть своего оружия и боеприпасов.[169] Однако артиллерией флорентийцы были оснащены недостаточно, боеприпасов было очень мало. С провиантом также были перебои. Но самым худшим было то, что среди флорентийцев появились предатели. Они встречали на дороге шедшие в Прато обозы с порохом, предназначавшиеся для артиллерии, и опрокидывали их на землю. Поэтому защитники города вынуждены были вынуждены снимать с крыши церкви свинцовые листы, чтобы отливать пути. Но, несмотря на все трудности, Содерини, казалось, был полон надежды. Он заявил, что враги миновали Барберино и теперь можно послать в Прато 18 тысяч солдат, а также снабдить город артиллерией. Но тем временем к Прато приближался вице-король со своим войском, насчитывающим 5000 пехотинцев и 200 солдат. И хотя у него не было никакой военной амуниции, кроме двух пушек кардинала Медичи, следовавшего за всей этой компанией, шел он довольно уверенно. На его измученных и голодных подчиненных жалко было смотреть. И это была та самая доблестная армия, которая всего пару месяцев назад одержала блестящую победу у Равенны. Увидев все это войско, которому нечем было стрелять, Макиавелли подумал, что для армии противника настало время серьезного испытания.

Первый штурм испанцев оказался провальным, поскольку у них практически не было артиллерии. Не хватало и провизии, поэтому вице-король объявил, что, если уж Медичи во Флоренции, готов заключить соглашение в обмен на три тысячи дукатов и, если можно, сто из них – хлебом, чтобы накормить солдат. Независимо от того, искренен ли или нет был вице-король, многие флорентийцы хотели принять его предложение. Но гнев гонфалоньера унял пыл этих граждан, доходчиво им объяснив, что это хитрость, уловка, что как только вице-король войдет в Кампи и накормит своих солдат, его армия, с новыми силами, подойдет к Прато с другой стороны и разобьет крепостные стены. Разозлившись, что его предложение не было

---

[167] Речь Содерини полностью передает Ф. Гвиччардини в своей «Истории Италии». Филиппо де Нерли в своих «Комментариях» говорит, что «слышал эту речь, которая была очень яркой и многозначительной». Эта речь, добавляет де Нерли, очень живописно передана Франческо Гвиччардини в его «Истории Италии». Якопо Гвиччардини в письме к своему брату Франческо подтверждает, что флорентийцы, слушая эту речь в Совете, восприняли ее единодушно, потому что понимали, что «гонфалоньер печется о всеобщем благе» и только «добрые мужи» (он имеет в виду богатых и влиятельных) были недовольны, потому что Содерини не хотел действовать по их указке, а имел собственное мнение.

[168] Эти цифры мы находим у Якопо Гвиччардини, в его к письме к брату.

[169] Ф. Гвиччардини в своей «Истории Италии» пишет, что у городских стен было 2000 пехотинцев и 100 солдат. Б. Буонаккорси называет другую цифру: 4000 пехотинцев и 40 солдат. Якопо Гвиччардини в вышеуказанном письме говорит, что было 4000 пехотинцев и 100 солдат, а в одном из писем кардинала Медичи фигурирует цифра в 3000 пехотинцев. Сам Макиавелли в одном из своих писем указывает, что у стен Флоренции находилось только 3000 пехотинцев, остальные защитники были отправлены в город.

принято, вице-король предпринял новую попытку взять город. Одна из его пушек во время второго штурма взорвалась, от второй пушки толку тоже было мало. Но тем не менее врагу удалось пробить стену и начать штурм.

У городских ворот шло ожесточенное сопротивление. Пока шло сражение, ополченцы могла бы заделать брешь в стене, пробитой испанцами, но они не только этого не сделали, но и оставили свой пост. В результате 29 августа 1512 года примерно в четыре часа пополудни испанцы легко вошли в Прато и, не встретив никакого сопротивления, начали разорять город.[170]

Количество смертей при захвате Прато оценивается по-разному. Якопо Гвиччардини говорит, что погибло 4000 солдат и пехотинцев. В основном, это были новобранцы, и почти все они погибли. Но Якопо Гвиччардини рассказывает и другие ужасы. Распоясавшиеся испанские вояки в период своих бесчинств издевались над местным населением, главным образом, над женщинами. По его словам, «женщин оскорбляли, насиловали, и, если за них не давали выкупа, то отправляли в рабство. Многие монастыри были превращены в бордели». Другие писатели, такие как Модести и Камби, пишут о пяти тысячах погибших, но Франческо Гиччардини снижает это число до двух тысяч. Последний уменьшает цифры потерь, явно подыгрывая Медичи, который берет эти данные из отчетов Буонаккорси и из писем, полученных из Флоренции. Эти письма опубликованы в его «Неопубликованных сочинениях» (“Opere inedite”). Франческо Гвиччардини, между прочим, утверждает, что кардинал Джованни прекратил бойню и даже спас некоторых женщин, о чем он не говорит в письме, посланном в то время папе. Согласно Модести, спустя несколько дней после того, как испанцы начали бесчинствовать в городе, к нему в палаццо пришли женщины, которые молили о пощаде, и «он, по всей видимости, их спас». В любом случае, город постигла страшная трагедия, о чем говорят все писатели того времени, что подтверждает и кардинал в одном из своих писем. И эта трагедия затронула, прежде всего, беззащитных женщин, многие из которых были лишены чести. «Святая обитель подверглась насилью, дом Бога стал домом растленья души», - писал поэт того времени, вспоминая, как испанцы бесчинствовали в храмах и монастырях. Эта трагедия отражена в хрониках, дневниках, очерках писателей того времени. К примеру, Нарди повествует о молодой девушке, которая выбросилась из окна, чтобы спасти свою честь. Рассказывает о также историю молодой женщины, увезенной одним испанцем. Она была у него в рабстве несколько лет, пока однажды, воспользовавшись случаем, не перерезала горло своему обидчику. Только тогда она смогла убежать и вернуться к своему мужу в Прато, где ее встретили, как героиню, словно она была библейской Юдифью или прославленной матроной Древнего Рима. Нарди также рассказывает, что среди погибших солдат вражеского войска было найдено много обрезанных. Это говорит о том, что в испанской армии служило много мусульман, отличающихся своей жестокостью, особенно в отношении приверженцев христианской веры. Этим и можно объяснить тот факт, что насилию со стороны солдат испанской армии подвергались, в основном, христианские храмы и обители.

После победы испанцев вице-король выдвинул новые требования. Если раньше он давал туманные обещания не притеснять свободу флорентийцев и просил позволить Медичи вернуться во Флоренцию на правах частных лиц, теперь он открыто объявил, что не только хочет восстановить власть Медичи в республике, но и желает сменить форму правления. Помимо этого, Раймондо ди Кардона требовал, чтобы ему немедленно выплатили 150 тысяч дукатов. В таких условиях Флоренция не могла больше сопротивляться и готова была принять любые условия. Но в республике царил такой беспорядок, а в мыслях флорентийцев было такое смя-

[170] Кардинал Медичи в одном из своих писем, адресованных папе, указывает эту дату. Он пишет: «Сегодня в 16 часов город был покорен. Кровопролития избежать не удалось. Из трех тысяч защитников мало кто остался в живых. Лука Савелли вместе со своим сыном был взят в плен. Взятие Прато, такое молниеносное и трагическое, до сих пор камнем лежит у меня на сердце. Но с другой стороны, оно может оказать добрую услугу: нас будут бояться».

тение, что просто невозможно было прийти к единому знаменателю, принять сообща единственно верное решение. Настолько был велик страх, что граждане начали бояться собственных солдат. Да и было чему бояться. Бывшие защитники республики проявили себя не с лучшей стороны, оказавшись такими же алчными, как и захватчики. То, что не успел вынести из Прато враг, оказалось в руках солдат Флорентийской республики, которые мародерствовали с не меньшим успехом. И хотя их лагерь располагался за крепостными стенами, женщины города по-прежнему искали убежища в монастырях.

А между тем республика, похоже, была уже во власти Медичи. Кардинал Джованни, находясь в лагере, вел активную переписку с авторитетными гражданами города, а его кузен Джулио, бастард, тайно отправился на виллу Антонио Франческо дельи Альбицци, чтобы согласовать план смены флорентийского правительства. В последний день августа Альбицци, Паоло Веттори, Джино Каппони, сыновья Бернардо Руселлаи и Бартоломео Валори, родственника Содерини, все молодые и амбициозные, ворвались в палаццо, где вместе с членами старой Синьории сидело новое, только что избранное, правительство, которое должно было начать работу с нового месяца. Они проникли в комнаты гонфалоньера и, под расправой, попросили его немедленно освободить двадцать пять друзей Медичи, которых он упрятал в острог несколько дней назад. Потом они жестко потребовали, чтобы Содерини покинул кабинет, пообещав ему, что, если он не окажет сопротивления, то жизни его ничто не будет угрожать.

Содерини понял, что сопротивляться бесполезно. Но, перед тем, как покинуть свою резиденцию, он позвал к себе Никколо Макиавелли – единственного человека, которому он доверял, который, как он знал, никогда его не оставит, даже в час смертельной опасности. Содерини отправил своего секретаря к Франческо Веттори, брату одного из заговорщиков, Паоло, чтобы тот попросил у его противников разрешения беспрепятственно покинуть дворец и найти пристанище либо у самого Веттори, либо у Макиавелли. Он знал, что в их домах он будет в большей безопасности, чем в своем собственном доме. Франческо, поговорив с заговорщиками, добился от них гарантии, что Содерини не будет подвергаться преследованиям, после чего он в сопровождении своих верных друзей покинул дворец. Забегая вперед, скажем, что этот «верный» друг Содерини и Макиавелли с воодушевлением воспринял возвращение Медичи, даже содействовал, вместе с другими, новому их восхождению. Он лицемерно посоветовал новой Синьории созвать магистратов, чтобы придать отстранению правительства Содерини форму законности, хотя на практике дело было уже сделано. Собранные в полном составе советники и магистраты не хотели отстранять гонфалоньера от должности, но Веттори, который играл во всей этой комедии две роли, умолял их, осеняя себя крестом, побыстрее решить это дело. В противном случае, говорил он, гонфалоньера, которого уже фактически лишили власти, убьют. Так Франческо Веттори добился своего.[171] Спустя некоторое время Веттори вместе с Бартоломео Валори в сопровождении сорока всадников повезли Содерини в сторону Сиены. Бывший гонфалоньер сказал, что едет в Лорето, но послушав своего брата-кардинала, который предупредил Содерини о грозившей ему по пути опасности, свернул с этой дороги, направившись в Рагузу. Но, почувствовав, что и там он не будет в полной безопасности, Содерини укрылся в Кастельнуово – земле, находящейся под властью турок.

Так закончилась эпоха правления гонфалоньера Справедливости, Пьеро Содерини – беспристрастного и честного политика, но очень слабого человека. Тот самый Франческо Веттори, который, как мы видели, помогал своему брату низвергнуть Содерини, говорил, что последний был «добропорядочным, благоразумным и приносящем пользу правителем, но никогда не кичился своей справедливостью, не был алчным, не имел амбиций. Однако, судьба не благо-

[171] В конце августа кардинал и Джулиано Медичи написали из Прато Пьетро да Биббиена, который находился в Венеции, что к ним приехали в качестве послов Якопо Сальвиати и Паоло Веттори, и что в тот же день в 16 часов Содерини был выслан Синьорией и Высшим Советом из города.

приятствовала ему (я уже не говорю о несчастном городе). И он не мог в силу мягкости своего характера ответить на оскорбления поносивших его союзников». У тех, кто прилагал все усилия, чтобы вернуть во Флоренцию Медичи, был слишком длинный язык, но именно он оказался слишком действенным. Нельзя не прислушаться к мнению историка, современника тех событий, Филиппо Нерли, фанатичного приверженца Медичи. Обвиняя Содерини в том, что он не умел быть благодарным, оставив тех людей, с помощью которых пришел к власти, Нерли приходит к выводу, что Содерини «никогда не знал, что значит хороший или плохой правитель и, как говорят, верил, что преодолеет все трудности. В этом ему помогут терпение и время».

По сути, это суждение мало чем отличается от того, что сделал Никколо Макиавелли в своих «Рассуждениях» (“Discorsi»). Он писал, что Содерини надеялся «своим терпением и добротой погасить злые настроения, и он никогда не осмеливался силой уничтожать своих врагов, даже если они давали ему такую возможность. Он считал, что для этого нужно нарушить законы, которые могут посеять ненависть и, в случае его смерти, подвергнуть опасности правительство, которое работает во благо города. Никакое зло, он говорил, не может быть оправдано добрыми намерениями, потому что зло рано или поздно раздавит добро».

Тем временем те молодые люди, которые изгнали Содерини, «сделав свое дело», стояли на страже у входа во дворец, где проходило совещание двадцати граждан, избранных на скорую руку, которые должны были определить, что делать дальше. Некоторые из них все еще надеялись сохранить свободу, но большинство все же понимало, что последствия этого переворота могут быть катастрофическими. Ораторы, отправленные к вице-королю и кардиналу, был приняты последним без определённых церемоний, но очень любезно. Кардинал искренне, от всего сердца говорил, что он, как и все его родные, очень счастлив быть здесь, во Флоренции, вместе со своим народом, который его позвал, но приехал он сюда, чтобы быть одним из многих, хотя и собирается улучшить благосостояние граждан, поскольку у них в неоплатном долгу. И это говорил тот, который всего несколько дней назад триумфально прошествовал по улицам Флоренции в сопровождении нескольких десятков вооруженных солдат. Но кардинал, по-простому общаясь с флорентийцами, все же просил дать себе и своим близким определенные гарантии, на что указывает Нарди. Он говорил, что, «живя во Флоренции на правах частного лица, обычного гражданина, должен быть уверен, что не будет подвергаться нападкам и что у него будет свобода передвижения на территории республики».

Теперь флорентийцы были вынуждены присоединиться к Лиге, заплатив 40 тысяч дукатов Императору, 80 тысяч – победителю и 20 тысяч – вице-королю. Таким образом, казна Флоренции, вместе с некоторыми дополнительными расходами, сократилась на 150 тысяч дукатов. И это без учета того, что 200 испанских солдат получили жалованье из средств казны Флорентийской республики.

Глава XV

Медичи во Флоренции. – Правительственная реформа. – Гонения и ссылки. – Письма Макиавелли к Медичи. – Смерть Юлия II. – Выборы папы. – Заговор Пьетро Паоло Босколи и Агостино Каппони. – Макиавелли обвиняют в организации заговора. – Тюрьма и освобождение. – Сонеты Макиавелли.

В начале XVI века род Медичи был представлен кардиналом Джованни (1475-1521), взявшим на себя роль главы и духовного наставника этого семейства, впоследствии больше известным как папа Лев X, Джулиано и Пьеро, утонувшем в Гарильяно еще в 1503 году. Все они были сыновьями Лоренцо Великолепного, говорившего, что из трех его наследников первый (Пьеро) – безумный, второй (Джованни) – мудрый, третий (Джулиано) – добрый. Современники воспоминают, что Пьеро, действительно, был по-детски наивным, поражал всех своею

непосредственностью и в то же время он был довольно тщеславен. Джованни, кардинал, собрал в себе всю мудрость Медичи, всю проницательность этого рода, все знания и опыт своих предков, став умным и верным последователем их политического курса. Джулиано, третий брат, постоянно витал в облаках, был незлобивым и смиренным, хотя и в достаточной степени амбициозным. Еще одним членом семьи Медичи, пользовавшимся огромным влиянием, был Джулио (1478-1534), рыцарь Родоса, приор Капуи, ставши й впоследствии епископом, кардиналом и, наконец, папой Климентом VII. Он был родным сыном младшего брата Лоренцо Великолепного, Джулиано. Того самого Джулиано, который пал жертвой заговора Пацции в 1478 году. Упомянем и последних представителей рода Медичи по прямой линии: сына Пьеро по имени Лоренцо (1492-1519), ставшего герцогом Урбинским и родного сына Джулиано, Ипполито (1511-1535), будущего кардинала. Со смертью Лоренцо и Ипполито прямая ветвь рода Медичи прерывается. Но пока, т.е. ко времени описываемых нами событий, на переднем крае политической сцены стоят кардинал Джованни, его единоутробный брат Джулиано и кузен Джулио.

1 сентября 1512 года во Флоренцию прибыл Джулиано, которого привез из Прато Франческо дельи Альбизи. В доме последнего по этому поводу собрались самые верные друзья Медичи, в первую очередь, сыновья Пьеро Гвиччардини, братья историка Франческо Гвиччардини, находящегося еще в Испании в качестве ныне павших республик. Когда Джулиано шел по улицам города, его с воодушевлением встречала огромная толпа народа и криками *palle! palle!*[172] бежала до его флорентийского дома. В этот самый день из Прато во Флоренцию спешно отправился Бернардо да Бибиена и, не зная, что Джулиано остановился в доме Альбицци, искал его в фамильном дворце на Виа Ларга. Он сообщает, что как только он туда прибыл, то его окружили сторонники и почитатели семейства Медичи, жаждущие узнать, где находится Джулиано.[173] А Бернардо, которого толпа не выпускала из своих цепких объятий, и сам не знал, где остановился один из Медичи. Джулиано же, чтобы показать флорентийцам, что он ничем от них не отличается, вышел на улицы Флоренции в одежде простого горожанина, без сопровождавшей его свиты слуг и даже сбрил бороду.

В скором времени во Флоренцию прибыл вице-король, которого Паоло Веттори отвез в Совет и посадил на место гонфалоньера. Раймондо ди Кардона произнес пламенную речь в поддержку Медичи, после чего был созван совещательный комитет, куда входил также Джулиано. На этом комитете обсуждалась реформа правительства. Сам Джулиано при обсуждении реформы занял умеренную позицию, но согласился со многими предложениями. Было решено следующее: новый гонфалоньер будет избираться на один год, число членов Совета Восьмидесяти увеличится жалованье магистратам возрастет. Остальные формы республиканского правления остались прежними. Между тем, чтобы вести дела до истечения срока полномочий нынешней Синьории, до конца октября был избран гонфалоньер. Им стал Джованбаттиста Ридольфи. Он был родственником Медичи и возглавлял движение оптиматов (*ottimati*).[174] Ридольфи показал себя мудрым и энергичным правителем, высоко ценившим свободу, которую всеми силами старался спасти. Несмотря на изменение политического курса, нельзя сказать, что у флорентийцев погасла любовь к республике и внезапно пробудилась любовь к Медичи. Последние это очень хорошо знали и старались действовать очень осторожно. Однако, теперь в их руках уже была сосредоточена власть и сила, да и фортуна была на их стороне, о чем говорили развивающиеся стремительно события последнего времени. И в то же время Медичи прекрасно понимали, что невозможно заставить любить насильно. Страх, конечно же, заста-

---

[172] клич приверженцев Медичи

[173] Письмо Бернардо да Биббиена брату Пьеро в Венецию, нотправленное из Рима 6 сентября 1512 года. Оно найдено в «Дневниках» (Diari) Марин Сануто. В этом письме описывается не только состояние города в те дни, но в нем рассказывается и о том, как Медичи собирались женить Джулиано на племяннице гонфалоньера Содерини. По этому поводу уже начались переговоры, но, в связи с известными событиями, эти переговоры были прекращены, хотя несколько позже они возобновились.

[174] Оптиматы (лат. optimus – наилучший) – идейно-политическое течение, выражавшее интересы аристократии.

вит людей подчиниться, но такие методы управления недолговечны. При всем желании невозможно остаться на вершине крутого холма, рано или поздно все равно скатиться в пропасть. Ридольфи как дальновидный политик все это увидел и предугадал. По-прежнему по улицам Флоренции бродили солдаты и кондотьеры, наводя страх на граждан; каждый день флорентийцы слышали речи о том, что сменилось очередное правительство – то предложенное кардиналом, то сформированное испанцами. Встревоженные граждане шли к новому гонфалоньеру и спрашивали его, что ждать, к чему готовиться. Ридольфи же отвечал: «Как, прикажете, нам поступить? Разве вы не видите, что враги посадили нас в новую бочку и легко смогут выбить нас наружу вместе с пробкой?»

Но тем не менее беспорядки во Флоренции росли с часу на час. В городе хоронили погибших защитников Прато, кровавые останки которых принесли на площадь и за определенную сумму предлагали желающим, словно мощи святых, отчего в смятенных умах и открытых сердцах флорентинцев проснулась еще большая любовь к свободе.

14 сентября 1512 года в город, наконец, приехал кардинал, с ним прибыло 100 копий и 1000 пехотинцев под командованием Раньери делла Сассетта, Рамазотто и других верных Медичи кондотьеров. Его встречали как победителя, с восторгом и воодушевлением, о чем он писал в Венецию Пьетро да Бабиена. Кардинал говорил, что не ожидал такого приема. Вокруг него сразу же сплотились паллески (palleschi)[175], считавшие Джулиано слишком мягким и добрым человеком, который не в состоянии принять решительные меры, а ведь Флоренции нужны кардинальные изменения. Да и характер Джулиано надо знать: брат кардинала часто не доводит дело до конца. Прибыв во Флоренцию, кардинал Джованни сразу же направился во дворец, где сидел на Совете Джулиано вместе со своими друзьями. Следом за кардиналом на Совет ворвалась группа радикально настроенных граждан, а за ней – вооруженные солдаты. С криками *palle! palle!* они требовали созыва парламента. Так под маской свободы выступила сила, показав свое истинное лицо.

16 сентября парламент был созван. Его заседание проходило на главной площади города, где вместе с народом собрались солдаты и капитаны, причем одни из них поддерживали Медичи, другие были сторонниками республики, хотя многие из последних уже перешли на сторону первых, поскольку новые хозяева сулили им «манны небесные». Была создана балья, в состав которой кошли пятнадцать человек (потом это число было доведено до шестидесяти пяти). Все члены бальи назначались кардиналом, которому было поручено, под маркой народной власти, реформировать правительство. А реформа состояла в том, чтобы вернуть республику в то состояние, в котором она находилась до 1494 года, т.е. восстановить древний порядок правления, создав видимость республиканского строя. Де-юре правительство подчинялось балье, но де-факто оно полностью зависело от Медичи. «Так, - констатирует Гвиччардини, - оружие подавило свободу флорентийцев».[176] Даже Франческо Веттори, который был не менее горячим сторонником Медичи, писал: «Город фактически исчез. Он перестал быть таким, каким был. И это благодаря кардиналу Медичи, который пошел по пути истинной тирании».

Пьеро Содерини был сослан в Рагузу на пять лет. Его портрет, который украшал одну из стен церкви Сантиссима-Аннунциата, исчез. Джованни Витторио отправили в Перуджу на три года. Другие члены семейства Содерини, за исключением его брата-кардинала, были высланы в Неаполь, Рим, Милан на два года. Даже Франческо Веттори не был до конца реабилитирован за то, что работал в команде Содерини. Его обвиняли даже в том, что он спас жизнь бывшему гонфалоньеру. И это несмотря на то, что и он сам много сделал для Медичи, и его брат Паоло,

---

[175] Сторонники Медичи. Название происходит от слова *palle* (мяч), т.к. на фамильном гербе рода Медичи изображены шесть мячей.

[176] Этой цитатой заканчивает свой «Дневник» Буонаккорси. А Нарди говорит, что «пожалуй, это единственная фраза у Гвиччардини, которую могут позаимствовать другие писатели, чтобы точно передать суть политической обстановки того времени».

который был одним из самых дерзких зачинщиков смуты. Франческо тоже провел несколько дней в остроге, где ему постоянно напоминали о связи с Содерини. Несколько дней он провел вне Флоренции, считая свое изгнание «наградой за любовь».[177] Однако, несколько неожиданно для самого Веттори, новые хозяева вдруг вернули к нему свою благосклонность. А вот Антонио Сеньи, которого кардинал Содерини послал, приказав бежать во весь опор, к своему брату Пьеро, чтобы предупредить его о грозящей смертельной опасности, если последний окажется в руках папы, умер в тюрьме в Риме. Говорят, что его повесили.[178]

Некоторые чиновники канцелярии были уволены и заменены другими. Правительство тоже полностью обновилось, а все его постановления и декреты, касающиеся ополчения, были аннулированы, хотя некоторые их них все же были потом восстановлены, но в непонятной и нелепой форме. Гражданам была предоставлена ссуда в размере 80 тысяч дукатов для выплаты испанцам. Между тем вице-король 18 сентября, получив первое денежное вознаграждение, покинул Флоренцию и Прато. Так завершается первый этап флорентийской революции.

Если не учитывать, что Медичи, вернувшись после восемнадцатилетнего изгнания, конфискации имущества и преследования, вернулись во Флоренцию захватническим путем, т.е. с помощью оружия, разграбив и фактически уничтожив Прато посредством испанской армии, что они первым делом совершили в республике переворот, уничтожив законное правительство и поставив во власть тех, кто им нужен, то можно сказать, что они показывали пример величайшей скромности и снисходительности. Они прекрасно понимали, что месть и кровавый режим не помогут им надолго остаться у власти. Тогда они «завоевывать» флорентийцев: членам аристократических семей они оказывали всевозможные милости, давали привилегии, дарили земли, организовывали балы. Во Флоренции появилось два сообщества. Одним из них, которое называлось «Диаманте»[179], руководил Джулиано Медичи. Во главе второго сообщества, которое именовалось «Бронконе»[180], встал Пьеро Медичи, отец молодого Лоренцо, будущего герцога Урбинского. И первое и второе сообщества прославились тем, что проводили различные карнавалы, маскарады, литературные вечера. Медичи, как известно, всегда были добрыми меценатами, и их потомки продолжили линию своих предков: снова во Флоренции началось триумфальное шествие изящных искусств, вновь на улицах города зазвучали песни, которые можно прочитать в сборнике «Canti carnascialeschi» («Карнавальные песни»), составленном Якопо Нарди.

Все это заслуживает внимания, поскольку происходило в самые трудные и опасные времена существования Флорентийской республики. Этот период хорошо отражен в исторической хронике ярого и неизменного республиканца Якопо Нарди – одного из немногих политических деятелей той эпохи, который никогда не запятнал себя «двойными стандартами». Трудно поверить, но и благотворно воспринял возвращение Медичи. В первые месяцы их пребывания во Флоренции он, к примеру, был активным завсегдатаем званых вечеров и карнавалов, проводимых бывшими изгнанниками. В первую очередь, он видел силу Медичи, которая еще более укрепилась после избрания кардинала Джованни папой, выборы которого последовали спустя несколько месяцев. К тому же, нельзя не учитывать, что Медичи любили Флоренцию и что своим расцветом Флоренция о многом обязана этому семейству. Конечно, после «второго пришествия» Медичи у флорентийцев теплилась надежда, что останется более или менее заметная тень республики, что самые влиятельные граждане будут допущены к управлению государством, что вернутся времена Лореенцо Великолепного. Действительно, после ухода испанцев с флорентийской земли новое правительство не испытывало никаких трудностей. Поэтому даже

---

[177] Письмо Пандольфо Сонти, написанное Франческо Гвиччардини.

[178] Письмо Пандольфо Конти

[179] итал. *Diamante* – «алмаз»

[180] итал. *Broncone* – «большая ветвь»

бывшие друзья Содерини открыто выступали против него. Только небольшая группа молодых и наивных энтузиастов ушла в подполье. Однако, этих заговорщики обманулись в своих ожиданиях, их никто не поддержал. Но какова же судьба бывшего гонфалоньера? Содерини, как мы увидим впоследствии, по распоряжению Медичи, с которыми его связывало давнее родство, смог вернуться в Рим, где мирно жил до самой своей смерти.

А что же думал и что делал Никколо Макиавелли в это сложное время? До конца преданный Содерини, до самого последнего момента защищавший опального гонфалоньера, Макиавелли все же хотел сохранить свое место, надеялся, что и при новом правительстве он окажется полезным обществу. Его должность секретаря канцелярии никак не было связана с политикой. Однако, Девятка ему доверяла ответственные решения, связанные с ополчением. Не будем забывать и о его дипломатических миссиях, и о составлении указов и декретов, которые правительство только подписывало. Учитывая все эти обстоятельства, Макиавелли, как и другие приверженцы бывшей власти, подал в отставку. Он не хотел торопиться поддерживать новых хозяев, но все же надеялся, что под защитой Медичи будет разработана новой форма народной республики. И тогда, как он открыто заявил с самого начала, он пойдет служить им верой и правдой. Существует копия письма Макиавелли, без даты, но это письмо, по всей видимости, написано после 10 сентября. Оно адресовано женщине, имя которой неизвестно, но, скорее всего, эта синьора состояла либо в дружеских, либо в родственных связях с Медичи. По одним данным, речь идет об Альфонсине Орсини, жене Пьеро Медичи, по другим – о его дочери Клариче, жене Филиппо Строцци.[181] Однако, доподлинно неизвестно, кому все же адресовано это письмо. К тому же, это только черновик письма, которое, возможно, так и не было отправлено.

Это письмо Макиавелли начинает с того, что собирается рассказать хронологию последних событий в ответ на заданный ему вопрос, касающегося того, «почему эти события затрагивают честь друзей глубокоуважаемой синьоры и моих господ. Но есть два повода, которые заставляю задуматься о причинах всех этих несчастий, которые, к сожалению, еще продолжаются». Далее Макиавелли коротко упоминает о продвижении испанцев, о сложных переговорах, полных неопределенности, о нерешительном поведении гонфалоньера, которого, несмотря ни на что, уважает. Когда испанцы предложили Содерини уйти в отставку, он ответил, «что не пришел к власти ни обманом, ни силой, но был поставлен сюда людьми, гражданами Флорентийской республики. Он сказал, что если бы все цари мира, собравшиеся вместе, приказали бы ему покинуть свой пост, он все равно никогда не сложил свои полномочия. Но если бы этого захотели люди, то тогда бы он ушел. Далее Содерини собрал Совет, чтобы сообща решить, что делать дальше, и каждый член Совета торжественно поклялся, что будет защищать жизнь гонфалоньера».

Затем Макиавелли касается темы взятия и разграбления Прато, но детально эти события не описывает, чтобы этот кошмар не преследовал впечатлительную душу дамы. Он только говорит, что «там погибло более 4000 человек, включая женщин и девушек, что испанцы надругались даже над святым, устроив бойню в монастырях. Но даже тогда гонфалоньер не испугался и не упал духом и решил пойти на любое соглашение с испанцами. Но вот только он не хотел, чтобы Медичи вернулись. А именно на этом настаивали испанцы. Потом все пошло прахом. И гонфалоньер стал бояться, что с Флоренцией сделают то же, что сделали с Прато. К тому же, наши солдаты показались не такими уж храбрыми». Последнюю мысль, в которой Макиавелли обвиняет солдат в трусости, не стоило бы ему высказывать, ведь он так часто писал о доблестной флорентийской армии, возлагая на нее все свои надежды. Далее он продолжает (кратко и без особой точности) передавать известные факты, вплоть до Парламента, который восста-

[181] Некоторые историки предполагают, что адресатом письма является Катерина Сфорца, но ее к тому времени уже не было в живых. Джулиано де Риччи, который публикует письмо в своем «Кодексе», говорит, что оно адресовано, возможно, Альфонсине Орсини. Но трудно понять, зачем вдове Пьеро Медичи понадобилось знать о действиях, совершенных в те дни ее друзьями и родственниками. Некоторые фразы этого письма также подтверждают это сомнение.

новил Медичи «в духе своих предков» и который стал одним из владений этого влиятельного семейства. *«И этот город,* - заключает Макиавелли, - *по-прежнему живет тихой, спокойной жизнью и надеется, что с помощью и поддержкой новых Медичи он будет жить столько же достойно, как и в те, прошлые, времена, когда им управлял их отец, Лоренцо Великолепный».*

Читая это письмо, необходимо вспомнить, как говорили и писали тогда все обладающие властью флорентийцы, в том числе и республиканцы, которые в те дни общались и с Медичи и друг с другом. На первый взгляд кажется, что в письме Макиавелли нет ничего странного и необычного для того времени, что это письмо, как и другие подобные документы, только доказывает желание Макиавелли сохранить свою должность и служить новым правителям. Но ведь тогда никто не взял всю ответственность за происшедшее на себя, даже сам гонфалоньер пытался приспособиться к условиям и найти хоть какой-то компромисс. Макиавелли же называет вещи своими именами. Правда, не стоит осуждать и тех граждан, который, работая в канцелярии и занимая должность, превышающую по значимости пост секретаря, не оставили своего места, подав прошение об отставке, а вошли в доверие к новой власти и на протяжении долго времени были в очень хороших отношениях с новыми хозяевами. Таков, к примеру, Марчелло Вирджилио.

Макиавелли было труднее, чем другим, хотя бы в силу его происхождения. Он хорошо знал, что находится в более сложных условиях. И потому он всеми силами старался сделать так, чтобы гроза миновала, которой он боялся не без причины. В эти же дни он также написал письмо кардиналу Медичи, из которого до наших дней дошел только один отрывок. *«Я думаю, что только любовь и преданность к вам обусловила возврат вашего имущества, которое было конфисковано. Лица, которым доверили поиск собственности Медичи, чтобы вернуть ее законным владельцам, уже назначены. Но ведь эти вещи уже кому-то принадлежат, их купили и владеют ими на законных основаниях. И отбирая теперь у других их же собственность, вы порождаете ненависть, потому что люди с большей печалью расстаются со своим имуществом, чем с ушедшим в мир иной братом или отцом. Ведь каждый знает, что, даже если в государстве сменится власть, человек не сможет воскреснуть. Да, новая власть не воскресит человека, но собственность она вернуть может. И было бы намного лучше, если бы вы получали ежегодную компенсацию от бальи за ущерб, нанесенный вам. Я говорю это, потому что верю в ваше благоразумие»*.

В те же дни было написано еще одно письмо, адресованное Медичи, хотя, как полагают историки, оно больше предназначалось сторонникам Медичи. В этом письме Макиавелли дает советы более общего характера, но косвенным образом опять встает на защиту Содерини. Теперь те, пишет он, кто ополчился на гонфалоньера за то, что он не позвал их работать в правительство, запели дифирамбы Медичи, а Содерини очернили и оклеветали, вылив на него тысячи тонн грязи.

Макиавелли называет хитростью и грязной уловкой тот случай, когда враги Содерини, пытаясь снискать расположение новых хозяев, убедили их создать новое правительство. Это было сделано только в пику Содерини, из-за ненависти к нему. Новым властям они сказали, что Содерини запустил город.

«Таким образом, - пишет Макиавелли, - *они стремятся, с одной стороны, получить расположение народа, а с другой, угодить новым правителям, против которых они со временем могут также выступить, подняв тот же самый народ. Содерини сейчас из Италии, поэтому сейчас он не может ни навредить республике, ни принести ей пользу, но по-прежнему идет непримиримая борьба между старым и новым правительствами. Тот, кто начал обматывать народ и льстить правителям, уже никогда не смогут работать с Содерини. Для него они навечно останутся врагами. Но, для того, чтобы быть у власти, они вполне смогут договориться как с одним, так и с другим правительством. И, постаравшись, они могут войти в доверие народа, убедить его и, посредством этой силы, стать защитниками Медичи, кото-*

рые, напротив, должны всеми силами не допустить слияния этих прихлебателей с народом, поскольку они в любой момент смогут провернуть его против новой власти».

Мы не знаем, что побудило Макиавелли написать эти три послания. Нм доподлинно неизвестно, был ли он приглашен на работу новой властью, как можно заключить из первого письма, или, будучи пока еще при должности, прилагал все усилия, чтобы ее не потерять. А может, он и вправду собирался сложить свои полномочия и, пользуясь случаем, заняться «риторическими упражнениями», т.е. выплеснуть на бумагу все то, что скопилось у него на душе за последние годы.

Мы склонны думать, что последняя версия является наиболее верной. Первое из упомянутых нами писем не сохранилось, существует только его копия – без даты, без адреса и без подписи. На втором и третьем письме автографы, но эти письма все же больше напоминают черновики или фрагменты произведений. Но как бы то ни было, ясно одно: во всех своих посланиях Макиавелли стремился дать добрый совет. А это говорит о том, что бывший соратник Содерини выбрал для себя иной путь служения Отчизне, который не только также труден, но и не менее опасен.

Макиавелли, как доказывают многие его работы, всю свою жизнь имел горячую веру в простой народ, а к аристократии питал большое недоверие и антипатию, поэтому и кучка влиятельных людей, именуемая правительством, у него вызывала отвращение. Эти самые чувства вырвались у него наружу, когда пришел к власти Медичи. Макиавелли очень хотел, чтобы новая власть во всем опиралась на мнение народа, а не искала поддержки у врагов Содерини. Но обстановка (по крайней мере, на тот момент, о котором ведется повествование), к сожалению, благоприятствовала тем, кто установил новые правила, а Медичи не могли да и не хотели заискивать перед теми, кто относился к ним враждебно и отвернуться от тех, кто их позвал. А это как раз были враги Содерини, которые были и врагами Макиавелли, не желавшими, чтобы он остался на государственной службе. Борьба с ними только усугубила бы и без того шаткое положение Никколо.

Совет Девяти, с которым сотрудничал Макиавелли был распущен; констебли, назначенные Указом от 19 сентября, уволены. Пока еще оставались Совет Десяти и Синьория с канцелярией, где теперь все, включая Макиавелли, были в подчинении Марчелло Вирджилио. Но последний, хотя и считался главным секретарем, никогда не интересовался политикой, поэтому никто и не думал об отстранении его от должности. Макиавелли же, преданный Содерини, который в течение долгого времени был душою республики, Декретом Синьории от 7 ноября 1512 года единогласно был лишен всех постов: «окончательно и бесповоротно». В тот же день его друга Бьяджо Буонаккорси постигла та же участь. На этом дело пока ограничилось. Согласно постановлению, Макиавелли оставался на территории республики сроком на один год, без права выезда за ее пределы. Кроме того, в знак согласия с приговором, он должен был внести в казну республики тысячу лир. 17 ноября вышло еще одно постановление, запрещающее Макиавелли и Буонаккорси посещать дворец в течение одного года, хотя этот приказ в отношении Макиавелли неоднократно отменялся, потому что он писал отчеты в канцелярию и давал необходимые разъяснения. Причем он делал это с такой регулярностью, что его противники не находили для его обвинения ни малейшего повода. Однако, место Макиавелли в канцелярии занял Никколо Микелоцци, ярый приверженец Медичи, который, поскольку уже был упразднен Совет Девяти и другие административные структуры, отвечал только за написание служебных писем для канцелярии.[182]

[182] 20 ноября Пьеро Гвиччардини писал 20 ноября своему сыну Франческо в Испанию: «Синьория уволила Макьявелли и Бьяджо, а вместо Макиавелли поставила господина Микелоцци, который должен следить за письмами. Назначение констеблей, организация армии в его обязанности не входит. Мессир Марчелло сидит на своем месте по-прежнему».

Так называемые реформы (как они их называли) были внезапно приостановлены внешними и внутренними событиями, что в конечном итоге еще больше ухудшило и без того сложное положение Макиавелли. чтобы обеспечить отступление французов, Пьяченца, Модена и Реджо были переданы папе, Брешию прибрал к рукам вице-король, Пескьера и Леньяго сдались Лангу, епископу Гурка, который был чем-то вроде «второй руки» Императора в Италии. Максимилиано Сфорца ничего не оставалось, как захватить крошечное миланское герцогство. Иными словами, каждый стремился отхватить себе лакомый кусочек.

Все это привело к великому недовольству многих, союз распадался на глазах, союзники вступали в открытую борьбу друг с другом. Неожиданно на горизонте замаячил новый альянс. В ноябре папа и Максимилиан в церкви Санта-Мария-дель-Пополо скрепили свой союз клятвами, и ветреный Император присоединился к Ватиканскому Собору.

Испанцы хотели пойти на мировую, но против всяческих соглашений выступали венецианцы, которые были категорически против передачи Виченцы и Вероны императору. В результате союз между папой и Максимилианом только окреп, оба были довольны и счастливы. Конечно, этот союз не освободил Италию от варваров, но немцы, швейцарцы, испанцы хорошо их прижали, чему Юлий II был несказанно рад. Папе также удалось изгнать французов, помешать проведению сатанинского сборища, именуемого Собором, в противовес которому он созвал Латеранский Собор. Кроме того, Юлий II расширил границы Церкви, укрепил армию, сделал Рим не только главным городом Италии, но и центром всего мира. Подобная деятельность не могла благотворно сказаться на здоровье понтифика, крепко подорвав его силы. Он снова тяжело заболел и 20 февраля 1513 года умер. Гвиччардини говорит, что папа достиг бы большей славы, если бы он не был главой католической церкви, а был бы земным властителем, например, монархом. Юлий II был человеком величайшей стойкости, обладал силой воли и ради своих великих проектов был готов перевернуть Италию и весь мир. Теперь же все устали от его кипучей энергии, всем хотелось спокойствия и мира.

С целью избрания нового понтифика был созван Конклав, на который 6 марта прибыл кардинал Медичи, на которого жалко было смотреть. Все тело кардинала было покрыто гнойниками и нарывами из-за обострившийся кожной болезни, которая периодически давала о себе знать. Страстно ненавидящий французов, превративших его дом, некогда возвеличенный его покойным отцом, в руины, Джованни Медичи был благороден и великодушен. Его щедрость, граничащая с расточительностью, не знала границ. Необычайно умного и образованного кардинала, который, к тому же, был большим поклонником изящных искусств, истинным покровителем художников и писателей, обожали все. И хотя он готов был иногда применить силу, в большинстве случаев он поступал мудро и благоразумно. И хотя возраст кардинала не позволял ему претендовать на папский престол (Джованни Медичи не было и сорока лет), многие склонялись к мысли, что именно такой папа нужен Италии и миру. Но, тем не менее, разгорелась нешуточная борьба. На конклав приехало много молодых кардиналов, которые симпатизировали Джованни Медичи. С другой стороны, решительно против избрания кардинала главой Церкви выступил кардинал Содерини, который согласился отдать свой голос за кардинала, если тот вернет бывшего гонфалоньера из ссылки, освободит других членов семейства Содерини, отдаст дочь Джованни Витторио Содерини в жены Лоренцо Медичи. Заключив соглашение с Франческо Содерини, кардинал Джованни 11 марта 1513 года был избран папой большинством голосов. Однако поскольку избранный папа не имел сана[183], он, перед тем, как вступить на папский престол, должен был пройти все стадии священства, что и было сделано в очень короткие сроки. 15 марта кардинал Джованни был рукоположен в священника, потом – в дьякона, 17 марта он прошел обряд посвящения в папы, а 19 марта был коронован с именем Льва X. Торжества, организованные по случаю избрания папы, поражали роскошью и великолепием, что

[183] Джованни Медичи был кардиналом-мирянином

неудивительно в век изящества и блеска. В сто тысяч дукатов обошлась церемония коронации Джованни Медичи, хотя она мало напоминала процедуру избрания наместника Бога на земле. Триумфальные арки с латинскими изречениями, торжественные процессии, статуи языческих богов, изобилие золотых монет на улицах и площадях… Казалось, вернулись времена языческого Рама.

Во Флоренции избрание кардинала Медичи папой вызвало всеобщее ликование. Радость флорентийцев была искренней, неподдельной, поскольку они ждали от нового папы, флорентийца и мецената, больших милостей. Никто не думал, что Медичи глубоко и надолго укоренятся в Италии. Наоборот, все предполагали, что они станут более могущественными и властными и изгнать их из Флоренции теперь будет невозможно. И город гордился тем, что вписал славную страницу в историю понтификата. Один генуэзец, присутствовавший на празднике флорентийцев по случаю избрания Джованни Медичи папой, сказал им: «Радуйтесь, ибо теперь у вас свой папа, флорентиец. Однако, вы скоро можете получить то, что получили мы. Вы скоро узнаете, что может сделать папа в силу своего величия с независимым городом». Тогда никто не думал, что он окажется прав. Но уже в те самые дни произошло нечто, что омрачило радость флорентийцев.

Незадолго до того, как во Флоренцию пришла весть о болезни Юлия II, некий Бернардино Коччио из Сиены в доме семейства Ленци, которые состояли с бывшим гонфалоньером Содерини в родстве, поднял листок бумаги, выпавший из кармана молодого человека по имени Пьетро Паоло Босколи, известного противника Медичи. На этом листке было написано около двадцати имен, в том числе и имя Никколо Макиавелли. Бернардино сразу же отнес этот список Совету Восьми, члены которого, заподозрив заговор, приказали схватить и отправить в острог Босколи вместе с его компаньоном Агостино ди Лука Каппони. Под пытками они признались, что собирались защищать свободу, которую отняли у их родины. Но действовали они в одиночку, не успев никого посвятить в свой коварный план. Имена, написанные на этом клочке бумажки, принадлежали всего лишь тем лицам, которые, как надеялись Босколи и Каппони, могли их поддержать, это так называемые «друзья из свободного полка». И хотя было ясно, что этот заговор не несет под собой серьезной основы, поскольку сторонников у Босколи и Каппони не было, многие люди из списка, так называемые потенциальные заговорщики, были арестованы, а сами патриоты 22 февраля 1513 года. после трехдневного пребывания в тюрьме, были обезглавлены. За день до этого кардинал Медичи уехал из Флоренции, но, прежде чем покинуть город, он убедился в том, что приговор будет приведен в исполнение. Для Флоренции это, действительно, была страшная трагедия, ибо Босколи и Каппони были истинными патриотами республики. Им не хватило ни знаний, ни опыта, но они были полны благородных чувств и восторженных стремлений. Смерть свою они встретили мужественно: Каппони – с почти презрительным безразличием, хотя и не признавал себя виновным; белокурый, красивый, нежный, но такой же бесстрашный Босколи, которому было 32 года, о чем-то лихорадочно думал, наверное, переживал, что не смог осуществить задуманное.[184] Его друг, Лука делла Роббиа, принадлежащий к той же семье, что и великий скульптор, чье имя он носил, приехал, чтобы помочь ему в последние часы. Позже он записал, слово в слово, этот разговор, чтобы передать его потомкам. Мы уже упоминали этот дошедший до нашего времени документ, но сейчас имеет смысл снова вернуться к нему, поскольку он дает нам возможность судить об особенностях духа итальянцев того времени.

Когда вечером пришло известие о том, что на следующий день состоится казнь, Босколи, взволнованно, взял в руки Евангелие и, прочитав первый попавшийся стих, призвал дух Савонаролы истолковать его. Затем он попросил прийти к нему исповедника из монастыря Сан-Марко. На слова Каппони, который почти с упреком воскликнул: «Пьетро Паоло, как я вижу,

[184] Согласно архивным данным, Каппони и Босколи собирались убить Джулиано Медичи

тебе жалко прощаться с жизнью!», он не обратил никакого внимания. Нет, он не боялся смерти, но, казалось, его мучили мысли иного рода. Когда Босколи встал на путь борьбы, он черпал силы в стоицизме, а также пытался брать пример с античных героев, которые, сражаясь с тиранией, разжигали в себе ненависть. Но сейчас его мучила совесть. Обратившись к своему утешителю делла Роббиа, он вдруг воскликнул: «О Лука, выкини из моей головы Брута, дабы я сделал шаг навстречу Христу. Я хочу умереть добрым христианином». Он был полон отчаяния. Прибыл исповедник. Делла Роббиа, у которого были свои сомнения, пошел ему навстречу и шепотом спросил: «Правда ли, что святой Фома осуждает заговорщиков?». Монах утвердительно кивнул. «Тогда, - попросил делла Роббиа, - скажите ему это, чтобы он не умер в неведении». Увидев перед собой дрожащего от волнения молодого человека, исповедник, пытаясь его успокоить, старался вселить в него толику мужества. Он говорил о том, что нужно смерть встретить решительно и с открытым сердцем, но Босколи резко перебил его: «Отец, не нужно читать философских нравоучений. У меня просто нет времени, чтобы их выслушивать. Лучше помоги мне перед смертью возлюбить Христа». Когда он взошел на эшафот, палач, с исключительно тосканской вежливостью попросив у него прощения, надел ему на глаза повязку и просил всех помолиться за него Богу. «Делай скорее свое дело, - сказал Босколи, - только когда ты положишь мою голову на плаху, не торопись, дай мне еще одно мгновение жизни, а потом отправь к Отцу Небесному. И помолись за меня». И в свой последний час он хотел сделать еще одну, отчаянную, попытку соединиться с Богом. Босколи вызвал у священника искреннее восхищение. Позже, встретив делла Роббиа в Прато, он сказал последнему, что плакал восемь дней, словно по родному сыну, так он привязался к этому пылкому молодому человеку. «Я считаю, - сказал исповедник, - его благословенным мучеником, который отправился прямо на небеса, не останавливаясь в чистилище. Что касается заговорщиков, о которых вы меня спрашивали, я должен сказать вам, что я нашел одно место у Святого Фомы, где он поясняет. Если тираны избираются народом, то заговор против них недопустим, но если они навязали себя народу силой, то народ имеет право их свергнуть и даже для этой цели объединиться. Тогда заговор является благом». «Но никому не говорите то, что я вам сказал, - попросил святой отец, - ибо скажут, что монахи обо всем рассуждают в соответствии со своими желаниями». Далее делла Роббиа добавляет, что, вернувшись домой, он открыл книгу святого Фомы и нашел там то место, о котором говорил монах.[185]

Из этого повествования становится ясно, как конфликтовали в то время христианские и языческие идеи. Можно даже сказать, что христианство того времени впитало в себя идеи языческой философии. Этот вывод можно сделать, не только прочитав философские трактаты того времени (труды, Фичино, Пико, неоплатоников), но и частную переписку граждан, в которой поднимаются идеи морали и нравственности, балансирующие на стыке язычества и христианства. Однако, общественная жизнь той эпохи представляла собой совсем другой мир. Законы того времени, находящиеся в постоянной оппозиции к евангельской морали, казалось, нашли свой идеал только в древнегреческой и древнеримской античности. Конечно, на мышление политиков, военных Ренессанса, как и на идеи патриотически настроенной молодежи оказали большее влияние Брутом, Цезарь, Ликург, Солон, Эпаминонд, а не Евангелие. Это привело к большим противоречиям в их душе, чему есть множество примеров. Наиболее ярким из них является исповедь Босколи.

Мы уже упоминали о том, что в списке, который неосторожно выронил Босколи,значилась фамилия Макиавелли. Это сыграло на руку его противникам, которые тут же решили придать этой истории политическую значимость, хотя сам Макиавелли ничего не знал о заговоре. Даже Джулиано Медичи после того, как были произведены первые аресты, писал, что «заговор с целью моего устранения был обнаружен, но он не был осуществлен, потому родился этот

[185] Дело Пьетро Паоло Босколи и Агостино Каппони, описанное Лукою делла Роббиа. 1513 год. Архив г. Флоренция.

заговор пока только в голове. А плохие намерения, если за ними не последуют плохие действия, нельзя наказывать».[186] Джулиано выделил из этого списка двенадцать человек, которые, как он считал, вне подозрения. Среди этих двенадцати был и Макиавелли. Надо сказать, что в первые дни раскрытия заговора был издан правительственный указ, предписывающий гражданам сдать оружие, если таковое имеется. Перепуганный народ не только исполнил этот указ, но многие из флорентийцев побежали к дому Джулиана, чтобы высказать ему свою преданность. Пошли к Джулиану и родные тех, кто уже томился в застенках, чтобы просить Медичи-младшего о справедливости.[187]

7 марта, когда заговорщики были уже казнены и завершились судебные процессы над находящимися в списке лицами, Джулиано снова написал да Бибиене. В начале этого письма он сообщает, что город показал себя с хорошей стороны, что все флорентийцы оказались преданными Медичи. Потом Джулиано пишет следующее: «Эти два молодых, из благородных семейств, человека, Босколи и Каппони, стали заговорщиками, однако, последователей у них не было. Они хотели нас лишить нас собственности. Они искали себе сообщников и составили список людей, которые, по их мнению, могли бы поддержать их идею. Они встречались и посвятили в свой план Никколо Валори и Джованни Фолчили. По этой причине первые были приговорены к смертной казни, последние были заточены в крепость Вольтерры на два года. Некоторых за участие в заговоре отправили в ссылку за пределы Флоренции. Все остальные обвиняемые были выпущены из заключения как невиновные».[188] О Макиавелли в этом письме не написано ни слова.

Когда разразилась буря, Макиавелли попытался себя спасти. 19 февраля восьмерка издала указ, согласно которому «всякий, кто знал, где находится Никколо Макиавелли, или знал тех, у кого он прячется, или сам его укрывал должен был в течение часа заявить об этом «под угрозой ссылки или конфискации имущества».[189] Известно, что Макиавелли был немедленно заключен в тюрьму и подвергнут пыткам вместе с другими. Таким образом хотели выбить из него признание. Арестовали его не только потому, что его имя было в списке, который доставили Восьмерке. Прошлое Макиавелли, соратника Содерини, тоже ведь было под подозрением. То, что Джулиано Медичи не считал Никколо виноватым, не играло никакой роли. Противники Содерини, его клеветники и обвинители, которые теперь были на плаву у новой власти, просто свели с ним счеты. К тому же, Макивелли слишком много о них высказывался. Конечно, если бы он, действительно, был виноват, его бы не пощадили. Но после нескольких пыток на дыбе и после признаний других обвиняемых, убедившись, что никаких признаний из него выбить не удастся, Макиавелли выпустили на свободу.[190] Новый папа, который, будучи еще кардиналом, начал мстить тем флорентийцам, которые еще не поддержали, теперь решил быть снисходительным и простить своих врагов. Была объявлена амнистия. 4 апреля вышло постановление бальи, согласно которому, что все граждане, которые подозреваются в участии в заговоре (даже те, кто не смог доказать свою невиновность), будут помилованы. Прощаются, как сказано в этом указе, даже члены семьи Содерини, включая бывшего гонфалоньера.

Нетрудно понять, понять, что обвинения, тюремное заключение и пытки сильно осложнили и без того сложные отношения Макиавелли с Медичи, оставив все надежды на примире-

---

[186] Письмо Джулиано Медичи от 19 февраля 1513 года, адресованное Пьетро Довизи да Бибиена в Венецию.

[187] Этот факт содержится в письме Макиавелли, написанном 13 февраля 1512 года из Флоренции одному из друзей.

[188] Письмо от 7 марта 1513 года

[189] Этот указ (под номером 155) хранится во Флорентийском архиве, в книге резолюций, решений и приговоров Совета Восьми по охране государства и Бальи за январь, февраль, март и апрель 1513 года.

[190] 26 июня 1513 года Макиавелли написал своему родственнику Джованни Верначче в Перу, сообщив ему, что он не удивился, если бы тот не получил его письма: «Удивительно, что я еще жив. Я лишился должности, а недавно моя жизнь висела на волоске. Но Бог спас меня, ибо я невиновен».

ние. 13 марта он написал Франческо Веттори, который тогда был послом в Риме, что его, наконец-то, освободили, добавив, что все как один сговорились и клевещут на него изо всех сил. Однако, он надеялся, что скоро этот кошмар кончится: «С одной стороны, я буду более осторожен, а с другой, страсти вокруг меня утихнут и я буду вне подозрений». В ответном письме Веттори заверил его признаниями в дружбе и поблагодарил за мужество. Макиавелли же написал своему другу, что знал: «рано или поздно судьба повернет к нему свое лицо, поэтому и переносил свои несчастья так стойко».[191] И даже тогда, когда его руки сильно болели от пережитых пыток на дыбе, он все равно надеялся, что когда-нибудь пригодится Медичи. Но мы вернемся к этому позже.

После истории с заговором Флоренция прозрела. Флорентийцы, которые до этого не уставали повторять о свободе, теперь столкнулись с реальностью. Никто не верил, что Макиавелли, которого кинули в застенки и подвергли пыткам, участвовал в заговоре против Джулиано Медичи. Только несведущие юнцы могли верить в то, что заговор существовал. Жизнь продолжалась. Город благосклонно принял новых хозяев и гордился тем, что один из них избран папой. А Макиавелли тем временем не думал о своей безопасности, а строил планы и разрабатывал новые стратегии, с помощью которых он намеревался завоевать благосклонность Медичи. Но мы должны сказать пару слов о трех сонетах, которые были написаны опальным секретарем в эти дни, когда он находился в остроге, и адресованы, как предполагают, Джулиано Медичи. Два сонета, действительно, были написаны в тюрьме. В них автор просит милости к себе и прощения. В первом сонете описывается Муза, которая приезжает в гости к поэту и не узнает его, потому что он изменился до неузнаваемости. Она принимает его за безумца, поэтому поэт просит того, к кому обращается в этом сонете, подтвердить его личность. В другом сонете он описывает тюрьму, куда его бросили после шести пыток,[192] где *«жуткий смрад»* и «*вши на стенах» «огромные и пухлые, похожие на бабочек».*

Он слышит звуки и они напоминают ему звуки ада, где мучают грешников: один прикован цепями, другой уже свободен, но не может пошевелить членами от боли во всем теле, третий, поднятый над землей, еще мучится на дыбе.

Одних выталкивают из хором,
Других приводит злобная охрана,
А третьи вопиют под потолком.

Когда б еще притом
Чуть свет священник не будил словами:
«Я к вам пришел, дабы молиться с вами».

Что ж, виноваты сами!
Пусть подыхают в петле. В добрый час!
А я помилованья жду от вас.[193]

Но из тюрьмы ли написал Макиавелли эти строки, адресованные Джулиано? Мы знаем, что он смог довести сарказм и сатиру до цинизма, смеясь над тем, что дорого его сердцу, и даже над людьми, которым был искренне предан. Примером тому является позже написанная эпиграмма, которую он посвятил Пьеро Содерини уже после смерти последнего.

Пьер Содерини жил на белом свете,
И вот душа его явилась в ад,

---

[191] Письмо от 13 марта 1513 года.

[192] По свидетельствам современников, Макиавелли пытали четыре раза, сам же Макиавелли утверждает, что пыток было шесть. В том, что говорит Макиавелли, не может быть никаких сомнений, хотя сонеты не являются историческими документами.

[193] Перевод Е.М. Солоновича

Но тут Плутон вскричал: «Ступай назад,
В преддверье ада, где другие дети».[194]

Долгое время сомневались, что автором этой эпиграммы является Макиавелли, хотя она всегда публиковалась под его именем. Сомнения развеял Джулиано де Риччи, внук Макиавелли, который не только приписывает своему деду эту эпиграмму, цитируя ее в своей «Приористе» (Priorista), но и говорит, что написал он эти строки как настоящий поэт, всегда уважающий Содерини.[195]

Эта эпиграмма, конечно же, шутка, но это плохая шутка, которую можно назвать источником правды. Макиавелли, хотя и любил Содерини, но обвинял его в излишней кротости, в том, что даже в час серьезной опасности гонфалоньер всегда находился где-то посередине и не считал, что нужно решать вопросы силовым методом. А это было необходимо, чтобы защитить Республику от врагов.

Но есть и спорный вопрос, касающийся этих сонетов. Что бы мы подумали о Макиавелли, если бы после строки о молитве, которая сопровождает друзей свободы к виселице, он бы воскликнул, обращаясь к Джулиано: «*Пусть подыхают в петле. В добрый час! А я помилованья жду от вас».* Это была бы высшая степень цинизма, по сравнению с которым меркнет даже цинизм Джулиано, рассказывающего в своих письмах к Бибиене о молодых людях, приговоренных к смерти, «восторженно сдержанно». Не следует думать, что враги Макиавелли, которые его оклеветали, покрыв бывшего соратника Содерини ложными обвинениями, стали бы молчать по поводу этого не столь благородного поступка. И если бы он, действительно, зашел бы столь далеко, то явно бы поведал об этом Франческо Веттори в своих письмах. Ведь рассказывал же он своему другу все, что делал и что говорил в те дни и говорил, что надеется на милость Медичи. Но эти письма дают понять, что он ничего не просит, а мужественно переносит все пытки, что ему ничего не нужно от Джулиано, к которому он обращается в строчках первого сонета. Он и Паоло Веттори должны были вскоре освободиться из заключения. И если бы он, действительно, спустился так низко, что высмеял товарищей, перенесших страшные пытки, разве он писал бы своему другу о тех испытаниях, которые выпали на его долю, и о том, как стойко он держался во время пыток? Разве мы поверили бы ему тогда?

Интересно то, что эти два сонета оставались неизвестными до начала девятнадцатого века. Риччи, который с таким усердием собирал материалы о жизни и творчестве своего деда, переписывал, расшифровывал его сочинения, даже не упоминает о них. Они неожиданно появляются в романе Дж. Розини «Луиза Строцци», написанном 1828 году, и вскоре после этого в книге французского историка А.Ф. Арто «Макиавелли, его гений и его ошибки», опубликованной в Париже в 1833 году. Оба писателя говорят, что у них был только один экземпляр от флорентийца Аяцци, который нашел оригиналы этих двух сонетов, написанных на двух листах, вложенными в одну древнюю книгу, где они служили закладкой. Аяцци, который был заядлым собирателем древностей и часто публиковал свои находки, в данном случае не стал создавать им славу и даже не заявил об их существовании. Он сделал копии этих сонетов, которые раздал своим друзьям, а оригинал, как говорят, продал какому-то англичанину. Поступок этого коллекционера кажется очень странным – таким странным, что ученые начали сомневаться в подлинности этих сонетов. Однако, Розини и Арто доказали, что эти сонеты, действительно, принадлежат перу Макиавелли. Кроме того, Томмазо Джелли, бывший сотрудник Национальной библиотеки г. Флоренция, видел копии этих сонетов в «Архиве Макиавелли» (Carte del Machiavelli). На подлинность этих сонетов указывают также их язык и стиль, которые полностью совпадают с манерой письма великого флорентийца. Конечно, любое произведение всегда

---

[194] Перевод Е.М. Солоновича

[195] «В этой эпитафии Макиавелли предстал как поэт, «со всей долей серьезности», а «не как шут, который смеется». Макиавелли «всегда восхвалял Содерини и высказывал ему свое почтение».

можно подделать, но в данном случае фальсификация невозможна, слишком уж реальную картину рисует Макиавелли. Чтобы так написать, это нужно испытать на себе. Поэтому в авторстве сонетов сомневаться не приходится.

Но, изучив эти сонеты, мы пришли к выводу, что они не являются просьбой о помощи и что Макиавелли не отправлял их Джулиано. Эти сонеты – всего лишь шутка, капризное, ироничное, циничное, если хотите, излияние, которое Макиавелли выхлестнул на бумагу в момент плохого настроения. Ему тогда было все равно, что о нем подумают, потому что он не знал, выживет ли. Написав сонеты, он тут же о них забыл, не думая, что через много веков они будут найдены. Таким образом, эти два сонета носят шуточный характер – не более того. Хочется сказать еще об одном сонете, найденном позже и опубликованном в 1847 году Франческо Трукки. В нем Макиавелли шлет Джулиано подарок – дроздов. И просит своего «благодетеля» угостить врагов поэта этой едой, чтобы *«заткнуть им глотки»* и *«злую клевету свести к нулю»*. Пусть они лучше кусают дроздов, а не его. Правда, *«тощий дрозд – не пища для гурмана»,* однако, *«Макиавелли тоже худ»,* но тем не менее его *«со смаком жрут»*.[196]

Конечно, никаких дроздов Макиавелли Джулиано Медичи не посылал. Он написал этот сонет в порыве ярости и гнева. Макиавелли, который не только не принимал участие в заговоре, но и всегда был противником подобных методов политических решений, излил свою желчь на тех, кто пытался представить его не таким, каков он на самом деле. Пожалуй, это единственное произведение Макиавелли, в котором его сарказм, граничащий с цинизмом, достигает высшей степени. Враги Макиавелли упрекали его в трусости. Однако, этим сонетом он продемонстрировал свое мужество, ведь не каждый сможет в открытую заявить то, что думает.

Глава XVI

Медичи управляют Флоренцией. – Макиавелли в опале. – Переписка Никколо Макиавелли и Франческо Веттори.

Семейству Медичи сопутствовала удача. Не только в Флоренция, но и вся Италия боготворила этот знатный род. Со всех концов земли в Рим стекались поэты и художники, чтобы окружить нового папу, который, как они надеялись, приблизит возвращение золотого века. Секретарями понтифика стали знаменитые в то время писатели Бембо и Садолето. Став главой Святого Престола, Лев X провозгласил терпимость и мир. Предполагаемые участники флорентийского заговора, которые еще находились в застенках, по повелению понтифика, были освобождены. Однако, бракосочетание дочери Джан Витторио Содерини и Лоренцо Медичи, как того требовал договор между семействами, так и не состоялось, ибо Альфонсина Орсини, мать последнего, была против этого союза. Лев X исправил положение, выдав племянницу бывшего гонфалоньера замуж за Луиджи Ридольфи, своего племянника со стороны сестры. Однако, несмотря на то, что папа всегда старался решить все мирным путем, этот союз был не таким уж и мирным. Когда понтифик понял это, то было уже поздно, а на тот момент всех всё устраивало, все были счастливы и довольны. Бывший гонфалоньер смог вернуться в Италию, он поселился в Риме, другие сосланные члены рода Содерини также возвратились. Разжалованные ранее кардиналы Сан-Мало, Санта-Кроче, Сан-Северино были восстановлены в своих правах. Помимо Якопо Сальвиати и Франческо Веттори, уже проживающих в Риме, Флоренция направила в Рим делегацию в составе двенадцати граждан для участия в торжествах по случаю избрания нового папы. Каждый день в Рим пребывали сотни паломников, которые воздавали хвалу новому папе. Увидев такую толпу, Лев X воскликнул, что такой популярностью у народа, пожалуй, пользовались только два правителя – Содерини, который был чрезвычайно

[196] Перевод Е.М. Солоновича

мудрым, и безумец Карафулла. Но последний, в отличие от первого, преследовал свои личные интересы.

Однако вскоре на нового папу посыпались обвинения в том, что он начал раздавать все ключевые посты своим родственникам. Первым из них оказался генерал-капитан Флорентийской республики и гонфалоньер Санта-Кьезы Джулиано Медичи, назначенный архиепископом Флоренции вместо умершего Козимо Пацци, а позже и кардиналом, хотя имел незаконнорожденного сына. Женившись в 1515 году на Филиберте Савойской, он получил титул герцога Немурского, что все больше отдаляло его от управления Флоренцией, к которой он не проявлял особых привязанностей. Чрезмерные удовольствия, выходящие за рамки разумного, разные прихоти сильно подорвали его физическое здоровье. Впечатлительный от природы, Джулиано Медичи был достаточно странной личностью, склонной к мистике. Много времени он проводил за чтением различного рода предсказаний, стараясь заглянуть в будущее. Есть свидетельство того, что папа однажды хотел отдать ему герцогство Урбино, силой отобрав его у Франческо Марии делла Ровере. Но Джулиано отказался от этого предложения, поскольку во время смуты он нашел прибежище у герцога и не хотел сейчас платить ему черной неблагодарностью.

Лоренцо Медичи, сыну старшего брата, напротив, нравилось управлять Флоренцией. Он мечтал быть ее единоличным правителем, хотя также был неспособен к управлению республикой. Он вскоре очень устал от навалившегося на него груза. Через некоторое время он вернулся в Рим в компании своего родственника Якопо Сальвиати, отправленного туда в качестве посла. Последнему было предписано вывезти Лоренцо из Флоренции, где он слишком вольно правил. Сальвиати не смел противоречить и поэтому отправился в Рим вместе с Лоренцо. Папа Лев X счел целесообразным дать некоторые предписания своему племяннику, написанные им собственноручно, относительно того, как управлять городом, что нужно делать, как он считал, с большой осторожностью. «Ты должен, - наставляет его дядя, - приложить все усилия для назначения своих людей во все главные магистраты. Ты должен быть хорошо осведомлен в вопросах отношений между собой членов Синьории. В этом положись на Никколо Микелоцци». Последний был приемником Макиавелли – доверенным лицом нынешнего правителя и соглядатаем Флоренции. «Когда необходимо сделать уступку, - продолжает папа, - используй людей, которые не заслуживают доверия, тех, которые не имеют ни ума, ни таланта. Но в Совет Восьми и балью ты должен назначить людей, которые будут тебе поддержкой. Именно так поступал я – тот, который старается посвятить тебя во все тонкости искусства управления». По сути дела, сейчас все государственные дела в Республике решались Восмеркой, но балья, как и в прошлом, была самым надежным и основным инструментом власти, с помощью которого Медичи могли управлять Республикой. «Необходимо, - дает наставление Папа, - разоружить город и позаботиться о том, чтобы были соглядатаи. Старайся удовлетворять амбиции тех, кто хочет, но в силу способностей не может управлять республикой, всевозможными титулами и назначением на службу, предложив им не очень значимые должности. К бедным и крестьянам будь милостив и справедлив. И пусть тебя не смущает, если берутся деньги из государственной казны на свои нужды и сам не стесняйся делать это. В казначействе должны у тебя работать сведущие, неболтливые и проверенные люди, «твои» люди, поскольку казначейство – сердце города». Несколько раз Медичи в случае необходимости без всякого угрызения совести влезали в денежные средства, предназначенные на государственные нужны. Поэтому Лев X и рекомендует этот способ своего собственного обеспечения, который прекрасно отражает особенности традиционной семейной политики.

Результатом этой хитроумной политики должно было стать возвращение Флоренции к тому состоянию, в котором она была до 1494 года, когда все управление республикой, несмотря на то, что еще сохранялась видимость республиканской формы, было в руках бальи, которая распоряжалась всеми финансами, назначала на должности магистратов, выполняя при этом

рекомендации самого Лоренцо. Все нужные кандидаты в балью подбирались им лично, и список почти не обновлялся. Также стало и теперь. Было воссоздан Совет Семидесяти, утвержденный по указу Лоренцо Великолепного в 1482 году, который, как и Совет Ста, решал вопросы денежной политики, налогов, принимал законы. Состав этого Совета был неизменным: за шесть месяцев он обновился всего на шесть персон. Чтобы создать видимость республиканской формы правления, к которой уже привыкли флорентийцы, периодически выделялись деньги на проведение народных собраний и на городской совет, где рассматривались просьбы частных лиц, но прежде чем прошения граждан туда попадали, они рассматривались и обсуждались на Совете Семидесяти. И, наконец, в Совет Десяти, занимающийся военной политикой, был заменен Советом Восьми. Таковы внутренние преобразования, предпринятые новой властью, хотя все эти изменения в политическом устройстве Флорентийской республики трудно назвать преобразованиями, поскольку практически ничего не изменилось, кроме того, что новые хозяева вели более роскошный образ жизни и фактически управляли бальей и Советом Семидесяти.

Однако, став, по сути дела, единовластными правителями Флоренции, Медичи напоминали рыбу, плавающую между опасными скалами, которая должна вести себя очень осторожно, чтобы не нарваться на какой-нибудь острый выступ. После того, как кардинал Джованни был избран Папой, ни один из оставшихся во Флоренции Медичи не обладал личными полномочиями, необходимыми для обеспечения безопасности в таких сложных и неопределенных условиях, в каких пребывала республика. Но хуже всего то, что их это совсем не мучило. Вопросами безопасности Медичи заниматься не собирались.

Архиепископ Джулио теперь думал о церковной карьере, его больше волновала мысль о папской тиаре, которую он позже все-таки получил. Джулиано в своем воображении рисовал далеко идущие планы личного характера, а окружавшие его льстицы говорили ему, что он достоин трона короля Неаполя. Оставался молодой и амбициозный Лоренцо, который буквально купался во власти. Однако, он, стремясь показать, кто в доме хозяин, часто пренебрегал советами, не слушал не только Якопо Сальвиати, который часто предупреждал его и даже просил, чтобы тот был более осмотрительным, если хочет задержаться у власти, но и своего дядю-понтифика, также призывающего его к благоразумию. Все привело к тому, что Лоренцо предпочел остаться вернуться к тому, чтобы быть только племянником Папы, чем постоянно получать сотни указаний, предупреждений, инструкций, касающихся того, как управлять республикой, но, по сути дела, не иметь никакой власти, в то время как в Риме он, по Веттори, «ни один должен был принимать решения». Однако Лев X не мог допустить, чтобы Тоскана вновь уплыла из рук Медичи, ведь он так долго зарабатывал авторитет для своего семейства, которое, по его убеждению, должно войти в число самых именитых монархических кланов мира. поэтому Флоренция перешла к форме правления, граничащей между республикой и деспотизмом.

Такое положение дел пробудило к жизни надежды Никколо Макиавелли, и он опять включил свое воображение. Если уж Медичи, желая того или не желая, установили власть в республике в форме суверенного протектората и если это пришлось по вкусу большинству граждан, то, значит, легко разработать новые комбинации, позволяющие и удовлетворить амбиции хозяев, и не лишать флорентийцев свободы. Благодаря своему великолепному состоянию, Папа мог привести в порядок всю Италию, а не только Флорентийскую республику. И Макиавелли горел желанием давать Медичи своевременные советы. Никколо казалось довольно странным, что к тому, кто всего несколько месяцев назад был неофициальным сопротивителем Содерини и принимал ответственные решения от имени правящих кругов, не стремятся обращаться за помощью. Ему хотелось доказать Медичи, что он еще сможет быть полезен, хотелось, чтобы Медичи поверили в него. К сожалению, Макиавелли не понимал, что никогда новая власть не будет приближать к себе доверенных лиц старого режима, хотя бы

потому, что она сама разрушила этот режим. Макиавелли не нужен был новой власти, и искать его она не собиралась. И причина не в том, что Медичи не ценили Макивелли, что они не знали о его выдающихся способностях. Если богатое и могущественное семейство Содерини, в том числе и такой влиятельный человек, как кардинал Франческо, прислушивалось к простому секретарю, используя во всех делах внешней и внутренней политики его опыт и знания, то клан Медичи просто боялся его. Маккиавелли лишился не только работы, но и друзей. Фактически теперь вокруг него быстро образовалась пустота, и он, к своему великому разочарованию, оказался брошенным, вынужденным гнить от безделья и страданий. Нельзя сказать, что Макиавелли жил в крайней нужде, но то небольшое имение, которое перешло ему по наследству в 1511 году и было, по завещанию, разделено между ним и братом Тото, приносило мало дохода, поэтому долги не уменьшались, о чем говорит найденная расписка, в которой выставлен счет на большую сумму (в тысячу флоринов), выписанный на имя Макиавелли и Тото.[197] Сам по себе Макиавелли не стремился к роскошной жизни; он, как простой солдат, довольствовался самым необходимым. Но к тому времени опальный секретарь уже имел большую семью – жену, дочь и трех сыновей, еще одного ребенка ожидали в сентябре 1514 года. «Бедный и обсаженный детьми», - так характеризует своего деда Джулиано де Риччи. Если раньше Макиавелли ни в чем ни себе ни своим домашним не отказывал, то теперь приходилось экономить на всем. Постоянная нехватка средств и оставшиеся от прошлого долги заставляли его считать каждый сольдо, не всегда хватало денег даже на самое необходимое. Для Макиавелли такое положение было крайне унизительным, такая жизнь для него была просто невыносима. Но переживания отца большого семейства не ограничивались думами о хлебе насущном. Макиавелли, кипучая энергия которого била через край, не мог смириться с бездействием. Отсутствие активности было для него смерти подобно, и он осуждал себя за эту вынужденную инерцию. Макиавелли никогда не думал, что наступит момент, и его деятельность будет ограничиваться пером и бумагой. Он не считал себя профессиональным писателем, это было, скорее, увлечение, которым он занимался в свободное от работы время. Но он был мужественный человек, поэтому стойко сносил все удары судьбы и не поносил отвернувшуюся от него удачу, хотя в глубине души считал, что недостоин такой участи.

[197] Найденная расписка датирована 28 октября 1513 года. Она хранилась в документах Архива Риччи-Понятовского и только недавно была выкуплена флорентийским архивом, где сейчас находится под номером 212. В ней говорится о том, что Никколо ди Бернардо Макиавелли и его брат Тотто обязуются выплатить в несколько платежей долг в тысячу золотых флоринов некоему Леонардо ди Пьетро Питти, согласно договору, заключенному в 1510 году.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.